

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

СЕРЫ А.ГУМАНІТАРН НАВУКІ
(ГІСТОРЫ, ФІЛАСОФІ, ФІЛАЛОГІ)

ВЫХОДЗІЦЬ ДВА РАЗЫ ў ГОД

2 (48)
2016

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар)
д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара)
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар Д.С. Лаўрыновіч (Магілёў)
д-р. гіст. навук прафесар К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Днепрадзяржынск, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

*Научно-методический журнал "Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А.А. Куляшова" включен в РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования),
лицензионный договор № 811–12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 223, т. (8-0222) 28-31-51

ЗМЕСТ

ШАРДЫКО И. В. Политические партии в борьбе за влияние на белорусское крестьянство летом 1917 г.	4
ВОРОБЬЕВ А. А. Выборы по национальным спискам в учредительное собрание на территории северо-западных губерний России	8
МЕЛЬНИКОВА А. С. Народные социалисты и трудовики в поисках путей преобразования России начала XX века: программные основы	12
ПУШКИН I. А. Пазакультывая дзейнасць рэлігійных абшчын нацыянальных меншасцей БССР у 1930-я гг.	16
МАЗУР Е. С. Социокультурное развитие городов Могилевской губернии в первой половине XIX в.	20
ЛЯШКЕВИЧ А. I. Трансфармацыя святкавання беларускай Масленіцы ў савецкі час	26
ПОНУЖДАЕВ Д. Н. Деятельность органов милиции Беларуси по учету, регистрации и документированию населения в первой половине 20-х гг. XX в.	32
СПИРИН И. В. Некоторые особенности строения укреплений Шкловского замка и бастионной крепости у д. Митьковщина (по данным раскопок 2014 г.)	37
ПИЛИПЕНКО В. В. Посольство СССР в Иране как объект агрессии адептов исламской революции	44
ВОЛЖЕНКОВ В. В. Проблемы культуры и благотворительности в деятельности умеренно-правых организаций на территории Беларуси в начале XX в.	49
ОГОРОДНИКОВ А. А. Историография проблемы социально-экономического развития Полоцка в 1917–1991 гг.	54
ДАНИЛЕВИЧ С. А. Виртуальная реальность и философско-мировоззренческий диалог	59
СПАСКОВ А. Н. Течение квантового времени и его математическое представление	63
ПАВОЧКА С. Г. Социальная философия евразийства в оценке русской мысли первой половины XX в.	67
ЧЕРНОВА М. С. “Религиозная драма” или “трагедия художественного гения”? Этический идеал Л. Н. Толстого в оценке С. Н. Булгакова	73
ШИТИКОВА И. В. REALISATION DER AUFZÄHLUNG IN SCHÖNGEISTIGEN UND PUBLIZISTISCHEN TEXTEN	78
ГОЛОМБОВСКАЯ М. Ю. Художественный анализ четырех хоровых зарисовок “Жураўліны досвітак” для хора а сарpella Владимира Каризны	82
ШИШКИНА Н. И. Российское книгоиздание по экологической проблематике в XVIII – начале XX в.	86
ВЯЛІЧКА Я. В. Умовы дэсемантызацыі (на матэрыяле літаратурна-мастацкіх твораў У. Караткевіча)	92
ТУРКИНА О. А. Вербальный анализ дискурса соперничества финалистов телеигры “Последний герой 1”	96
БОРОВКО В. Ю. Украинские писатели в литературно-критическом дискурсе Максима Богдановича	101
КАЛАШНИК Л. С. Разработка вопросов терминологии в современной китайской лингвистике	105
РЭЦЭНЗІІ	
ВОРОБЬЕВ А. А. Рецензия на монографию: Ганбаров Б. Очерки истории азербайджанской диаспоры в Республике Беларусь (1989–2014 гг.). – Минск : Право и экономика, 2015. – 392 с.	110

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 329.14 (476) "1917"

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В БОРЬБЕ ЗА ВЛИЯНИЕ НА БЕЛОРУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО ЛЕТОМ 1917 г.

И. В. Шардыко

кандидат исторических наук, доцент,
директор ИПКиПК МГУ имени А. А. Кулешова

В статье рассматриваются взаимоотношения большевиков со своими главными политическими оппонентами эсерами и меньшевиками в борьбе за влияние на белорусское крестьянство летом 1917 г. Обосновывается тезис о том, что, по мере развития революции, эта борьба обострялась. Происходила радикализация и постепенная большевизация широких слоев населения, разочарованных политикой Временного правительства. Одновременно, с опорой на документальные источники, делается вывод о том, что к осени 1917 г. большевики, хотя и превратились во влиятельную политическую силу, не могли еще полностью овладеть белорусской деревней из-за сильного влияния среди крестьянства эсеров и меньшевиков.

Ключевые слова: политические партии, революция, аграрный вопрос, белорусское крестьянство, Временное правительство, политическая борьба, радикализация.

Введение

В отечественной историографии долгое время господствовал тезис о том, что уже к лету 1917 г. "идеи и лозунги РСДРП(б) получили широкое распространение в белорусской деревне, большинство крестьян шло за большевиками". При этом, установка большевиков была одна – брать землю, не дожидаясь Учредительного собрания. Однако документальные материалы, в том числе архивные источники, свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период времени большинство белорусского крестьянства в политическом отношении продолжало следовать за эсерами. Оно еще не избавилось от конституционных иллюзий и продолжало в значительной своей массе надеяться, что Учредительное собрание законным путем решит аграрный вопрос.

Как справедливо отметил об этом времени один из лидеров белорусского национального движения В. Игнатовский: "В деревню большевики еще не пробрались. Среди крестьянства имеют влияние социалисты-революционеры. Хотя крестьяне уже узнали о большевиках и начинают с вниманием прислушиваться к их простым лозунгам..." [1, с. 234]. Процесс люмпенизации крестьянских масс, искусно подталкиваемый большевиками, набирал силу.

Основная часть

После июльских событий 1917 г. Временное правительство, с согласия эсеров и меньшевиков, предприняло более серьезные шаги по наведению порядка в деревне, сочетая призывы к соблюдению законности с применением силы против стихийных выступлений крестьянских масс. Эсеры на местах были наиболее последовательными в проведении этой политики. Полоцкий уездный комиссар, например, в июле 1917 г. активно использовал членов местного Совета, преимущественно эсеров, для борьбы с самовольными крестьянскими захватами [2, л. 8 об, 11]. Помощник минского губернского комиссара эсера Метлин, в ответ на жалобы землевладельцев на крестьянские захваты, советовал им "не церемониться, а вернуть захваченную собственность с помощью ближайшей воинской части" [3, л. 258–259].

Понимая, что сохранить контроль над крестьянским движением только с помощью репрессий не всегда удастся, эсеры на местах все чаще прибегают к маневрам, стремясь в своих целях по-прежнему использовать земельные комитеты. 23 июля 1917 г. крестьянский съезд Гомельского уезда высказал пожелание, чтобы Временное правительство "позаботилось" об издании закона о переходе всей земли в ведение земельных комитетов до Учредительного собрания. Вместе с тем съезд подчеркнул, что деятельность земельных комитетов должна быть направлена против самочинных захватов [4, с. 187–189]. Однако такие предложения крестьяне воспринимали порой как санкции на непосредственное пользование помещичьими лугами, землей, пастбищами. Решения земельных комитетов часто инициировали крестьянские выступления в Минской, Витебской и, особенно, Могилевской губерниях.

Эсеровское стремление сохранить крестьянское движение в рамках законности не всегда давало желаемые результаты. Поддерживая эсеровские программные лозунги, крестьяне теперь смелее стали прибегать к захватным формам борьбы. Как свидетельствуют источники, в Беларуси в июле 1917 г. имели место 93 случая разгрома и захватов земли, а всего в этот период произошло в белорусских губерниях свыше 150 крестьянских выступлений [5, с. 79].

Политическая конъюнктура постепенно складывалась в пользу большевиков. Однако и после июльских событий в Петрограде их положение в Беларуси и на Западном фронте было достаточно сложным. Многие партийные организации были объектами своего рода политического остракизма. 24 июля 1917 г. член

Минского комитета РСДРП(б) В. Берлянд в своем письме в ЦК отмечал, что “события последнего времени сильно отзываются на местной работе. Очень заметно изменились не в нашу пользу настроения «шинельного крестьянства» местного гарнизона, что особенно видно по Совету рабочих и солдатских депутатов. Большевики понемногу отзывают и надо сказать, что наше влияние в Совете падает... Точно определить, сколько в нашей организации членов, не удастся, т. к. много наших товарищей еще не успело обменять билетов объединенной организации на новые. Запись в партию новых товарищей (не бывших в объединении) идет теперь туго” [6, с. 147–148].

Несмотря на сложившуюся неблагоприятную обстановку, большевики Минска разорвали свои отношения с меньшевиками. Свое заявление об этом Минский комитет РСДРП(б) сделал 17 июля 1917 г., в котором прежнее объединение с меньшевиками было названо “сотрудничеством лебеда, щуки и рака”, где затушевывались “истинные стремления последовательного социализма” [7, л. 3]. Выступая 28 июля 1917 г. на VI съезде РСДРП(б), А.Ф. Мясников определил численность Минской организации свыше 500-600 членов, а меньшевики, по его мнению, имели около 400-500 человек [5, с. 80]. Он также отметил, что вновь созданная Минская большевистская организация не имеет прямой связи с армией и с ЦК, чисто большевистские организации на фронте отсутствуют и поэтому, несмотря на разрыв с меньшевиками, Минский комитет планирует созыв в будущем не большевистской, а социал-демократической конференции.

Большевики Минска сознательно шли на созыв такой конференции. На ней они предполагали повести за собой часть левых меньшевиков, а затем постепенно интегрировать их в ряды своей организации. Такую линию большевики пытались провести на областном совещании социал-демократов меньшевиков совместно с представителями всех течений социал-демократических организаций Минска, которое начало работу 4 августа 1917 г. Однако доклады с мест показали, что организация социал-демократических ячеек и групп находится в зачаточном состоянии, а поэтому фракционная дифференциация в них практически отсутствует. Многие участники совещания подтвердили, что в этих организациях “большевики бок о бок работают с меньшевиками” [8, с. 2]. Такая же информация “о совместной работе” продолжала поступать летом 1917 г. из Витебской и Могилевской губерний.

И хотя большевики пытались оказать сильное давление на эти объединенные организации, значительная часть их членов осталась на меньшевистской платформе. Большевики имели численный перевес в городах Беларуси

и уступали эсерам по количеству своих членов в деревне. Но в июле-августе 1917 г., главным образом за счет широкой агитационной работы среди “крестьянства в солдатских шинелях”, число их членов значительно выросло. К этому времени на Западном фронте меньшевики организационно укрепились и расширили свои ряды. По данным мандатной комиссии Объединенного съезда РСДРП, который состоялся 19–26 августа 1917 г., действующая армия была представлена 6 делегатами-меньшевиками от 6 военных организаций, насчитывающих 3675 человек. Из них от Западного фронта были представлены: фронтовая военная организация – 500 человек, военная организация 2-й армии – 1125 человек и военная организация 3-го Сибирского корпуса 2-й армии – 500 человек [9, с. 208].

Распространение большевистских идей в деревне, рост меньшевистских организаций среди “шинельного крестьянства”, тем не менее, не пошатнули позиций партии эсеров среди крестьянских масс в послеиюльский период времени. Лавирование местных эсеровских активистов, пытавшихся примирить директивы правительства с возросшим нетерпением крестьян, давали определенный эффект, сохраняли доверие масс к эсерам. Более того, где крестьяне сумели вырвать определенные уступки за счет помещиков, там и держалось доверчивое отношение крестьянских масс к эсерам как “истинным выразителям их интересов”. Поэтому не случайно, к примеру, Старосельский волостной земельный комитет Минского уезда 25 июля выразил полное доверие В.М. Чернову, настаивая на его возвращении на пост министра земледелия [10, л. 5]. В Витебской губернии, например, раздел захваченных лугов, сенокосов, клеверных полей проводился по так называемым эсеровским “трудовым и потребительским нормам” [11, л. 12]. По таким нормам эсеровские лидеры обещали ввести землепользование крестьян после Учредительного собрания.

Гибкая тактика эсеров в деревне способствовала численному росту их организаций. 20 июля 1917 г. была создана организация эсеров в Ново-Быхове, в состав которой сразу вошло 53 человека [12, с. 2]. Запись в эсеровские организации активно проходила в Витебской и Могилевской губерниях, в воинских частях Западного фронта. В июле 1917 г. эсеры составляли большинство в Горецком, Сенненском, Мстиславльском, Чаусском, Быховском, Рогачевском, Климовичском Советах рабочих и солдатских депутатов, а также в Шкловском, Крупском, Дубровинском, Толочинском, Жлобинском, Копыльском местечковых Советах Могилевской губернии [13, л. 20]. Эсеры преобладали практически во всех крестьянских Советах Беларуси.

Вместе с тем следует отметить, что размах крестьянского движения, деятельность большевиков по расколу своих политических противников привели к усилению колебаний влево среди рядовых членов эсеровской партии. 27 июля 1917 г. на заседании Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов группа эсеров предложила поддержанную большевиками резолюцию, которая содержала отказ от содействия новому коалиционному правительству. Резолюция не была принята только за счет небольшого преобладания голосов правозесеровского крыла Совета (76 против, 71 – за) [14, с. 1]. Голоса левого крыла эсеров раздавались и на Втором съезде крестьянских депутатов Могилевской губернии, состоявшемся 7–9 августа 1917 г. [15, с. 3–4]. Однако левое крыло эсеров в Беларуси оставалось в этот период еще довольно слабым, хотя колебания влево внутри эсеровских организаций заметно усилились.

Почувствовав разногласия в эсеровских кругах, большевики сразу же попытались скорректировать свою тактику в создавшихся условиях. Важную роль в выработке большевистской тактики после июльских событий сыграл VI съезд РСДРП(б), состоявшийся в конце июля – начале августа в Петрограде. Принятая съездом резолюция призывала большевистские организации на местах энергично бороться за влияние в Советах, сплачивая вокруг себя левые элементы политических противников и, одновременно, разоблачая “соглашательскую” политику их правого крыла [16, с. 257].

Большевистская пресса в Беларуси сразу же откликнулась на такой призыв. В первом номере газеты “Звезда” 27 июля 1917 г. подчеркивалось, что партии эсеров и меньшевиков, имевшие в Советах большинство, своей изменой революционным принципам, фактическим отказом от своей аграрной программы все время усиливают позицию враждебных революции классов [17, с. 1]. Центральный орган большевиков Беларуси писал, что эсеровская партия только на словах опирается на крестьян, рабочих и революционных интеллигентов, а на деле является партией мелких собственников и зажиточных крестьян.

Такую оценку главных политических противников в деревне большевики стремились донести до крестьянских масс. В начале августа из Минска в деревню выехало 35 большевиков для разъяснения позиции партии по вопросам войны и мира, аграрной программы и проблемам борьбы пролетариата [18, с. 29]. О деятельности большевистских агитаторов в деревне поступали сведения в губернские комиссариаты из Чаусского, Лепельского, Бобруйского, Городокского, Полоцкого и других уездов Могилевской и Витебской губерний. Более того, Могилевский губернский комиссар высказывал серьезные опасения по поводу усиления агитации большевиков в губернии [19, л. 66]. В теле-

грамме Временному правительству от 27 июля 1917 г. Чериковский уездный крестьянский Совет сообщил: “В уезде агитация ленинцев. Способов передвижения нет для пресечения их действий. Дайте автомобиль, иначе не ручаемся за спокойствие в уезде” [20, л. 93]. Участники объединенного заседания Витебского Совета и солдатских комитетов гарнизона (июль 1917 г.) сетовали на то, что среди трудовых масс все шире распространяется большевизм, что крестьяне не понимают аграрной политики эсеров и потому не доверяют тактике “министров-социалистов” [5, с. 84].

Большевистские агитаторы вели активную работу и среди крестьян Минской губернии. В начале августа 1917 г. беспокойство у местных властей вызывали большевистские агитаторы, прибывшие из Петрограда. В августе 1917 г., под энергичным воздействием большевистского агитатора – матроса бывшей “Кронштадтской республики” С. Куприка, земельный комитет Верхменской волости Игуменского уезда добился перехода значительной части лугов и угодьев в руки крестьян [21, л. 9]. Подобные сообщения с мест все больше свидетельствовали об активизации большевиков в борьбе за белорусское крестьянство со своими главными политическими оппонентами эсерами и меньшевиками. В белорусской деревне набирал силу процесс радикализации народных масс.

Заключение

Таким образом, расширяя свое влияние в белорусской деревне, большевики все громче заявляли о своих претензиях на руководство крестьянским движением. Борьба за крестьянские массы между эсерами, меньшевиками и большевиками по мере развития революции обострялась. Однако следует признать, что к сентябрю 1917 г. большевики, хотя и превратились во влиятельную политическую силу, не могли еще полностью овладеть деревней из-за сильного сопротивления эсеров. Как справедливо отмечал И.М. Игнатенко “сложилось только предпосылки” вытеснения эсеровского влияния из белорусской деревни [5, с. 85]. Что касается самих крестьян, то они уже к осени 1917 г. склонны были доверять “максималистским” методам в решении аграрного вопроса, не догадываясь о том, что играют на руку большевикам. И это было не случайно. Радикализация и постепенная большевизация широких слоев населения, разочарованных политикой Временного правительства и “революционной демократией” меньшевиков и эсеров, щедро раздававших обещания и не прекращавших призывать к терпению в ожидании созыва Учредительного собрания, контрастировали с большевистской пропагандой, звавшей к немедленному решению всех вопросов политической и социально-экономической жизни.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. **Інатоўскі, У.** Гісторыя Беларусі XIX і пачатку XX стагоддзя / У. Інатоўскі. – Менск, 1925. – С. 234.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 622. Оп. 1. Д. 31. Л. 8 об, 11.
3. НАРБ. – Ф. 617. Оп. 1. Д. 1. Л. 258–259.
4. Крестьянское движение в 1917 г. – Москва; Ленинград, 1927. – С. 187–189.
5. **Шардыко, И. В.** Политические партии в борьбе за реализацию аграрного вопроса (на материалах Беларуси. 1917 – февраль 1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / И. В. Шардыко. – Минск, 1993. – С. 79, 80, 84, 85.
6. Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями : сб. документов. Т.Т. I–IV. – Москва, 1957–1969. – Т. 1 : март–октябрь 1917 г. – 1957. – С. 147–148.
7. Государственный архив Минской области. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
8. Звезда /г. Минск/. – 1917. – 9 августа. – С. 2.
9. **Миллер, В. И.** Военные организации меньшевиков в 1917 г. К постановке проблемы / В. И. Миллер // Банкротство мелкобуржуазных партий России 1917–1922 гг. : сб. научных трудов. Ч. I–II. – Москва, 1977. – С. 208.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 142. Л. 5.
11. НАРБ. – Ф. 622. Оп. 1. Д. 63. Л. 12.
12. Земля и воля /г. Быхов/. – 1917. – 28 июля. – С. 2.
13. ГА РФ. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 337. Л. 20.
14. Рабочая мысль. – 1917. – 29 июля. – С. 1.
15. Протоколы заседаний второго губернского съезда крестьянских депутатов Могилевской губернии от 7–9 августа 1917 г. – Быхов, 1917. – С. 3–4.
16. Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917. Протоколы. – Москва, 1958. – С. 257.
17. Звезда. – 1917. – 27 июля. – С. 1.
18. **Зюзькоў, А. І.** Бальшавікі – арганізатары Кастрычніка ў Беларусі / А. І. Зюзькоў. – Мінск, 1934. – С. 29.
19. ГА РФ. – Ф. 1788. Оп. 2. Д. 67. Л. 66.
20. ГА РФ. – Ф. 1788. Д. 113. Л. 93.
21. Государственный архив Минской области. – Ф. 34. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

Поступила в редакцию 31.05.2016 г.
Контакты: ipktnog@tut.by
(Шардыко Игорь Владимирович)

Shardyko I.V. POLITICAL PARTIES FIGHTING FOR THEIR INFLUENCE OVER THE BELARUSIAN PEASANTRY IN THE SUMMER OF 1917.

In the article the relationship of the Bolsheviks with the main political opponents – the Social Revolutionaries and the Mensheviks – in the course of the fight for their influence over the Belarusian peasantry in the summer of 1917 is considered. The thesis that in the process of the revolution development the fight escalated is proved. The radicalization and gradual bolshevization of the population disappointed with the policy of the Provisional Government took place. At the same time, with the reference to the documentary sources, the author draws the conclusion that by the autumn of 1917 the Bolsheviks, though being an influential political force, could not completely seize the Belarusian village because of the strong impact of the Social Revolutionaries and the Mensheviks on the peasantry.

Key words: political parties, revolution, agrarian question, Belarusian peasantry, the Provisional Government, political struggle, radicalization.

УДК 94 (47+57) "19"

ВЫБОРЫ ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ СПИСКАМ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ

А. А. Воробьев

кандидат исторических наук, доцент,
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

В статье на основе документов архивов Республики Беларусь и Российской Федерации исследуется деятельность национальных кандидатских избирательных списков на территории северо-западных губерний России в период подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание. Автор ввел в научный оборот данные по их персональному составу, оценил степень общественно-политической активности и причины получения ими определенного количества голосов избирателей по итогам выборов.

Ключевые слова: Учредительное собрание, выборы, национальные избирательные списки, северо-западные губернии России.

Введение

Ученые-историки, занимавшиеся исследованием проблемы выборов во Всероссийское Учредительное собрание на территории Беларуси, традиционно, еще с советских времен, основное внимание уделяли двум ведущим политическим партиям, которые вели борьбу за большинство мест во Всероссийском Учредительном собрании: большевистской партии и партии эсеров (социалистов-революционеров). В настоящее время изучению проблемы выборов в Учредительное собрание уделяется уже значительно больше внимания. Вместе с тем, по-прежнему в тени не только вышеуказанных двух ведущих, но и целого ряда других крупных политических партий, общественных движений и организаций оказываются национальные кандидатские избирательные списки, которые были выдвинуты для участия в выборах в Учредительное собрание представителями наций и народностей, населявших Россию в начале XX ст. Исключение из этого ряда представляет, пожалуй, только Белорусская социалистическая громада. Данная статья посвящена участию в выборах в Учредительное собрание на территории северо-западных губерний России национальных кандидатских списков и призвана восполнить существующий пробел в изучении истории их деятельности.

Основная часть

Северо-западные губернии России в период выборов в Учредительное собрание были разделены на пять избирательных округов: Витебский, Минский, Могилевский, Смоленский

и Псковский. Практически все избирательные округа целиком состояли из вышеназванных губерний. Во всех этих избирательных округах на выборах во Всероссийское Учредительное собрание были представлены национальные избирательные списки.

Так, в Витебском избирательном округе (в его состав полностью входила Витебская губерния) в выборах в Учредительное собрание участвовало пять национальных избирательных списков: 1. № 4 – Латгальской социалистической партии трудового народа; 2. № 7 – еврейского национального избирательного комитета; 3. № 10 – объединенных польских организаций; 4. № 11 – социалистов-федералистов и крестьян Латгалии; 5. № 12 – латышской демократов-националистов. Самая известная еврейская политическая партия (Бунд) образовала единый избирательный список с объединенной РСДРП [1, л. 5–18]. Таким образом, на территории Витебской губернии были представлены все национальные меньшинства, проживавшие на тот момент времени на ее территории: поляки, евреи, латыши и латгальцы. В начале XX в. в состав Витебской губернии входило три уезда (Двинский, Режицкий и Люцинский), где большинство населения составляли представители латгальцев, одного из балтских народов, близких по языку и культуре к латышам. В список № 11 входили: 1. А.Д. Скринда; 2. А.А. Лайзан; 3. В.Б. Сель; 4. А.И. Бояр; 5. Н.М. Мануилов; 6. П.А. Залан; 7. Д.П. Дорошко; 8. Э.В. Козловский; 9. А.Е. Звидрин; 10. В.А. Габранов; 11. Д.П. Габрушев. В список № 12 входили: 1. Ю.С. Паберж; 2. З.Г. Мейеровитц; 3. И.К. Гришан; 4. И.К. Киндзуль; 5. П.Я. Лаздан; 6. С.А. Камбала; 7. Д.Я. Лачкай-Лаче. В состав списка № 10 входили: 1. Э.Ю. Ропп; 2. Г.К. Дымыша; 3. С.И. Лопацинский; 4. К.В. Недзвецкий; 5. И.Л. Чесновицкий; 6. В.В. Балюль; 7. А.Т. Буйницкий; 8. С.И. Зданович. В список № 4 входили: 1. Ф.А. Кемп; 2. А.Ф. Скруль; 3. З.И. Лайзан; 4. Ф.П. Вылцан. В списке № 7 значились следующие кандидаты в депутаты Всероссийского Учредительного собрания: 1. Н.М. Фридман; 2. Г.Я. Брук; 3. Ю.Д. Бруцкус; 4. И.А. Бергер; 5. Х.И. Гринберг [1, л. 5–18]. Список Латгальской социалистической партии трудового народа получил на выборах 25 голосов избирателей, что составило только 0,1%, список еврейского национального избирательного комитета – 925 голосов (1,1%), список объединенных польских организаций – 1132 голоса (2,6%), список социалистов-федералистов и крестьян Латгалии – 45 (0,1%), а кандидатский список латышской демократов-националистов – 112 (0,2%) голосов избирателей, принявших участие в голосовании на территории Витебского избирательного округа [1, л. 68]. С такими итоговыми данными претендовать на что-либо просто не приходилось, и депутатских мест в Учредитель-

ном саборы ад Віцебскай губерні гэтыя нацыянальныя кандыдацкія спіскі не атрымалі.

У Мінскі выбарчы акруг уключалі Мінская губерня і неакупіраваная немцамі ў ходзе Першай сусветнай вайны частка тэрыторыі Віленскай губерні. Пры гэтым следвае адзначыць, што ў Мінскай губерні немцы акупіравалі амаль усе Навагрудскі павет, а таксама часткі Пінскага і Слуцкага паветаў. У складзе Віленскай губерні неакупіраванымі засталіся толькі тры паветы: Вілейскі, Дзісенскі і Ошмянскі. На выбарах у Всероссийскае Утваральнае сабрание ў Мінскім выбарчым акруге было прадставлена шэсць нацыянальных выбарчых спіскаў: 1. Аб'ядзіненай еўрэйскай сацыялістычнай рабочай партыі; 2. Еўрэйскага нацыянальнага выбарчага камітэта; 3. Польскага выбарчага камітэта; 4. Еўрэйскай сацыял-дэмакратычнай рабочай партыі "Поалей-Ціон"; 5. Русскай дэмакратычнай партыі; 6. БСГ (Беларускай сацыялістычнай грамады). Бунд у Мінскім выбарчым акруге, як і ў Віцебскім, утварыў адзін выбарчы спіс са партыяй меншавікоў (аб'ядзіненай РСДРП) [2, л. 2–9]. У кандыдацкім спісе аб'ядзіненай еўрэйскай сацыялістычнай рабочай партыі ўключалі: 1. Н.Ю. Гергель; 2. Ю.С. Новакаўскі; 3. М.Л. Балтэкакліс-Гутман; 4. З.Н. Нахмансон. У спісе еўрэйскага нацыянальнага выбарчага камітэта ўключалі: 1. Я.І. Мазэ; 2. Ю.Д. Бруцкус; 3. Н.М. Фрыдман; 4. А.М. Гольдштэйн. У спісе польскага выбарчага камітэта ўключалі: 1. Г.Г. Осмоловскі; 2. Э.Л. Івашкевіч-Рудошанскі; 3. Ксендз С.Г. Мацеевіч; 4. В.І. Вермей; 5. К.М. Деміцкі-Демідовіч; 6. Ф.А. Ройко; 7. С.А. Добрашчыц; 8. І.В. Врублевскі; 9. А.Ю. Горбач; 10. М.З. Ленская; 11. М.К. Олезінскі. У кандыдацкім спісе еўрэйскай сацыял-дэмакратычнай рабочай партыі "Поалей-Ціон" значыліся: 1. Х.В. Кенджерскі; 2. Н.М. Рафалькес; 3. Д.В. Рабіновіч. У кандыдацкім спісе Русскай дэмакратычнай партыі ўключалі: 1. В.Т. Рагуля; 2. Ф.І. Касінов; 3. С.І. Кульчыцкі; 4. В.П. Катранов; 5. І.Ф. Ажгірей; 6. М.М. Корнюшко; 7. П.М. Мастерчук; 8. П.П. Егоров; 9. В.Л. Лескавец; 10. А.І. Жаглевская. У кандыдацкім спісе Беларускай сацыялістычнай грамады ўключалі: 1. А.В. Прушынскі; 2. В.П. Петровскі (Федор Станлевіч); 3. І.Ю. Лесік; 4. Д.Ф. Жылуновіч; 5. С.А. Міхайловскі-Рак; 6. І.А. Мамонько; 7. Б.А. Тарашкевіч; 8. Ф.Ф. Турук; 9. В.А. Адамовіч; 10. П.А. Бодунова; 11. К.М. Міцкевіч (Якуб Колас); 12. Р.К. Астроўскі; 13. А.А. Смоліч [2, л. 2–9]. Па выніках выбараў кандыдацкі спіс аб'ядзіненай еўрэйскай сацыялістычнай рабочай партыі атрымаў 4880 галосаў выбарцаў (0,5%), спіс еўрэйскага нацыянальнага выбарчага камітэта – 65046 (7,1%), поль-

скага выбарчага камітэта – 36882 (4%), еўрэйскай сацыял-дэмакратычнай рабочай партыі "Поалей-Ціон" – 6186 (0,7%), Русскай дэмакратычнай партыі – 10040 (1,1%), БСГ – 2988 галосаў (0,3%) [2, л. 67–69,71]. Еўрэйскі нацыянальны выбарчы камітэт атрымаў адно месца ў Всероссийскім Утваральным сабрание ад Мінскага выбарчага акруга, а дэпутатам Утваральнага сабрача ад данага выбарчага спіска стаў Юдэль Давідовіч Бруцкус [3, с. 118].

У Могілеўскім выбарчым акруге (у яго склад уваходзіла ўся Могілеўская губерня) ў выбарах у Утваральнае сабрание ўдзельнічалі шэсць нацыянальных выбарчых спіскаў: чатыры еўрэйскія, польскія і беларускія. Чатыры еўрэйскія выбарчых спіскаў прадставлялі: 1. Спіс еўрэйскага нацыянальнага выбарчага камітэта; 2. Аб'ядзіненай еўрэйскай сацыялістычнай рабочай партыі; 3. Еўрэйскай сацыял-дэмакратычнай рабочай партыі "Поалей-Ціон"; 4. Ідыше фолкспартай і Внэпартыйнага еўрэйскага дэмакратычнага камітэта. Бундовцы, як і ў папярэдніх выпадках, засталіся вернымі саюзамі з аб'ядзіненай РСДРП (т. е. меншавікамі) [4]. Свой асобны выбарчы спіс выдвинулі полякі – Могілеўскай губернскай польскай рады. Асобным спісам на выбарах у Утваральнае сабрание ў Могілеўскім выбарчым акруге была прадставлена і Беларускай сацыялістычнай грамады [4; 5; 6; 7]. У спісе еўрэйскага нацыянальнага выбарчага камітэта ўключалі: 1. Я.І. Мазэ; 2. Н.М. Фрыдман; 3. Ю.Д. Бруцкус; 4. А.В. Залкінд. У спісе аб'ядзіненай еўрэйскай сацыялістычнай рабочай партыі ўключалі: 1. М.І. Зільберфарб; 2. Я.Д. Лешынскі; 3. Ю.С. Новакаўскі; 4. М.Л. Балтэкакліс-Гутман. У спісе еўрэйскай сацыял-дэмакратычнай рабочай партыі "Поалей-Ціон" ўключалі: 1. Ш.А. Капелюш; 2. Н.М. Рафалькес; 3. Г.Б. Авербух. У спісе Могілеўскай губернскай польскай рады ўключалі: 1. А.Ф. Бабянскі; 2. Г.В. Выковский; 3. М.І. Обезерскі; 4. І.Ф. Фуравіч; 5. В.П. Крупенько; 6. Ксендз Е.Е. Святополк-Мірскі; 7. Я.Д. Шыкер; 8. І.Э. Відмонт; 9. І.Ю. Філіповіч; 10. Я.М. Вальчак; 11. Ксендз А.А. Каленкевіч; 12. Ксендз Я.В. Круковский; 13. І.А. Равіч-Шэрбо; 14. С.Ф. Секацкі. У спісе Беларускай сацыялістычнай грамады БСГ ўключалі: 1. А.І. Цвікевіч; 2. Н.Р. Левковіч; 3. М.С. Кохановіч; 4. Д.Г. Гулевіч; 5. Ф.Ф. Турук; 6. П.В. Каранкевіч; 7. В.М. Романовіч; 8. Д.І. Довгалло; 9. І.І. Васілевіч; 10. Г.А. Ермашкевіч; 11. П.А. Сценновіч; 12. К.М. Боровскі; 13. Е.С. Олехновіч; 14. В.А. Міхаленко; 15. А.К. Ліхтановіч. У спісе Ідыше фолкспартай і Внэпартыйнага еўрэйскага дэмакратычнага камітэта ўключалі: 1. О.О. Грузенберг;

2. С.М. Дубнов; 3. М.М. Крейнин; 4. С.Р. Ефройка; 5. И.Ш. Черников; 6. Я.Е. Лацкий; 7. М.Н. Трайнин; 8. Ш.Г. Лозинский; 9. А. Паткин [4; 5; 6; 7].

Результаты выборов в Учредительное собрание по Могилевскому избирательному округу были следующими: кандидатский список еврейского национального избирательного комитета набрал на выборах 42037 голосов избирателей, что составило 5,8% от общего количества принявших участие в выборах, список объединенной еврейской социалистической рабочей партии получил 4004 голоса (0,6%), список еврейской социал-демократической рабочей партии "Поалей-Цион" – 2596 (0,4%), список Идише фолкспартей и Внепартийного еврейского демократического комитета – 1737 (0,2%). Могилевская губернская польская рада получила 15981 голос (2,2%), а БСГ – 2523 (0,3%) [8, л. 52]. Только еврейский национальный избирательный комитет смог получить по итогам выборов одно депутатское место в Учредительном собрании от Могилевской губернии. Депутатом был избран московский общественный раввин Яков Исаевич Мазэ [9, л. 2].

В Псковском избирательном округе, в состав которого целиком входила Псковская губерния, в выборах во Всероссийское Учредительное собрание участвовал только один национальный кандидатский избирательный список № 8: латышского крестьянского союза и латышской радикально-демократической партии. В этом кандидатском списке было только три человека: 1. Гольдман, бывший член государственной Думы; 2. Залит, бывший член государственной Думы; 3. Мейеровитц, адвокат [10]. Этот список по итогам выборов в Учредительное собрание получил 3959 голосов избирателей, что составило только 0,8% [11]. Такой результат, естественно, не позволил ему получить места в Учредительном собрании. В Смоленском избирательном округе, в который входила Смоленская губерния, в выборах в Учредительное собрание также принял участие один национальный кандидатский избирательный список, представлявший все малые национальности, населявшие Смоленскую губернию. Они выставили на выборах свой избирательный список № 5: блока национальностей, населявших Смоленскую губернию. В этот список входили пять человек: литовец М.М. Насвитас, поляк В.О. Нелюбович, украинец М.Т. Христенко, латыш О.К. Залит и эстонец О.М. Пельд [12; 13; 14]. По итогам выборов в Учредительное собрание список № 5 получил 1708 голосов избирателей, что составило 0,3% [15, л. 105]. Такой результат не оставил данному списку никаких шансов на получение хотя бы одного места в Учредительном собрании.

Заключение

На основании приведенного фактического материала можно сделать следующие выводы: 1) представители наций и народностей, проживавших на территории северо-западных губерний России в начале XX в., приняли достаточно активное участие в подготовке и проведении проходивших осенью 1917 г. выборов во Всероссийское Учредительное собрание, выдвинув на этих выборах собственные кандидатские избирательные списки; 2) их высокая политическая активность была обусловлена тем, что население России после Февральской революции 1917 г. реально обрело демократические права и свободы, в том числе и избирательные права; 3) выборы во Всероссийское Учредительное собрание стали самыми демократическими в начале XX в. не только в России, но и во всем тогдашнем мире, так как единственным существенным ограничением избирательных прав населения России являлся возрастной ценз (избиратели должны были иметь возраст 20 лет); 4) избирательные права получили все граждане России от 20 лет и старше, независимо от того, какого пола, национальности, расы и вероисповедания они были; 5) в отличие от выборов в Государственные Думы Российской империи, на выборах во Всероссийское Учредительное собрание избирательные права получили и неграмотные граждане, которых в России в начале XX в. было не просто много, а очень много; 6) наиболее активно вело себя еврейское население северо-западных губерний России, которое сумело не только выставить на выборах в Учредительное собрание самое большое количество кандидатских избирательных списков, но и получило в нем, по итогам выборов в Минском и Могилевском избирательных округах, два депутатских места; 7) польское, латышское и латгальское население северо-западных губерний России мест в Учредительном собрании не получило, так как его численность была значительно меньше еврейского; 8) большинство же жителей российских северо-западных губерний голосовало на выборах во Всероссийское Учредительное собрание за многонациональные всероссийские политические партии (эсеров, большевиков, меньшевиков и другие), которые и получили по итогам выборов подавляющее большинство депутатских мест в Учредительном собрании, причем не только в северо-западных губерниях, а и в целом по всей тогдашней России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Протоколы заседаний Витебской окружной избирательной комиссии по выборам в Учредительное собрание // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 623. Оп. 2. Д. 8.

2. Состав уездных избирательных комиссий и итоги выборов в Учредительное собрание по Минскому избирательному округу // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1810. Оп. 1. Д. 272.
3. Всероссийское Учредительное собрание / под ред. М. Н. Покровского. – М. : Госполитиздат, 1930.
4. Кандидатские избирательные списки на выборах в Учредительное собрание в Могилевской губернии // Могилевская жизнь. – 1917. – 13 октября.
5. Кандидатские избирательные списки на выборах в Учредительное собрание в Могилевской губернии // Могилевская жизнь. – 1917. – 15 октября.
6. Кандидатские избирательные списки на выборах в Учредительное собрание в Могилевской губернии // Могилевская жизнь. – 1917. – 20 октября.
7. Кандидатские избирательные списки на выборах в Учредительное собрание в Могилевской губернии // Могилевская жизнь. – 1917. – 22 октября.
8. Постановления и протоколы заседаний Могилевской окружной по выборам в Учредительное собрание комиссии // НАРБ. – Ф. 863. Оп. 1. Д. 1.
9. Списки избранных членов Учредительного собрания // ГАРФ. – Ф. 1810. Оп. 1. Д. 32.
10. Кандидатские списки на выборах в Учредительное собрание по Псковской губернии // Псковская речь. – 1917. – 15 октября.
11. Окончательные итоги выборов в Учредительное собрание // Псковская речь. – 1917. – 30 ноября.
12. Кандидатские списки по выборам во Всероссийское Учредительное собрание по Смоленскому избирательному округу // Смоленский вестник. – 1917. – 17 октября.
13. Кандидатские списки по выборам во Всероссийское Учредительное собрание по Смоленскому избирательному округу // Смоленский вестник. – 1917. – 18 октября.
14. Кандидатские списки по выборам во Всероссийское Учредительное собрание по Смоленскому избирательному округу // Смоленский вестник. – 1917. – 20 октября.
15. Телеграммы с мест о ходе и результатах выборов в Учредительное собрание // ГАРФ. – Ф. 1810. Оп. 1. Д. 91.

Поступила в редакцию 27.01.2016 г.
 Контакты: dekanatfdp@mail.ru
 (Воробьев Александр Александрович)

Vorobiev A.A. ELECTIONS UNDER NATIONAL LISTS TO THE CONSTITUENT ASSEMBLY IN NORTH-WESTERN PROVINCES OF RUSSIA.

On the basis of the archives of Belarus and the Russian Federation national election lists of the north-western provinces of Russia during the preparation and organization of the elections to the Constituent Assembly have been analysed. The author has applied the data on their identities, has assessed the degree of the candidates' political activity and the reasons of winning a certain amount of votes.

Key words: the Constituent Assembly, elections, national election lists, Russian north-western provinces.

УДК 94(47+57)

НАРОДНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ И ТРУДОВИКИ В ПОИСКАХ ПУТЕЙ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРОГРАММНЫЕ ОСНОВЫ

А. С. Мельникова

кандидат исторических наук, доцент,
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

В предлагаемой статье проводится анализ программных основ идейно-родственных политических образований России начала XX века – Народно-социалистической партии и Трудовой группы. Основанный на неонароднических идеалах эволюционный путь развития страны, предложенный народными социалистами и трудовиками, ориентированный на приоритет культурных предпосылок в социальных реформах, разумное сочетание личных и общественных интересов, легальные формы преобразовательной практики, заслуживает переосмысления с позиций современной действительности.

Ключевые слова: народные социалисты, трудовики, политическая организация, партия, идеология, народничество, неонародничество, программная доктрина, тактика, капитализм, социализм, эволюция, реформы, государственное переустройство, национализация.

Введение

Народно-социалистическая партия (народные социалисты, энесы) и Трудовая группа (трудовики) принадлежали к неонародническому течению, модернизовавшему основные идеи и принципы народничества. Организационное оформление трудовиков и народных социалистов пришлось на период первой российской революции. Трудовики до весны 1917 г. называли себя группой, а не партией, стремясь таким образом стать центром объединения представителей различных оппозиционных партий и организаций, а также лиц, которые по каким-либо причинам не желали быть связанными партийными узами. Энесы изначально предпочли выступить в качестве легальной оппозиционной партии, рассчитывая на привлечение в свои ряды сторонников мирного эволюционного пути достижения справедливого (социалистического) строя. Общепризнанными теоретиками Народно-социалистической партии (энесов) являлись видные представители российской общественной мысли начала XX в. А.В. Пешехонов, С.Я. Елпатьевский, В.А. Мякотин, которые сыграли заметную роль и в разработке программных и тактических принципов деятельности трудовиков.

Основная часть

Программа народных социалистов начала разрабатываться в Петербурге летом 1906 г.

и после первой партийной конференции, состоявшейся в ноябре 1906 г., была принята членами партии к руководству. Однако официальное утверждение программы произошло значительно позднее – на I партийном съезде, созванном в конце июня 1917 г. По содержанию энесовская программа представляла собой модель синтеза народнических, либеральных идей с идеалами западноевропейского эволюционного социализма.

На первый план народные социалисты выдвигали интересы человеческой личности, а не какого-либо класса или социальной группы. Такой подход был свойственен идейному учителю энесов – Н.К. Михайловскому. «Во всех политических вопросах вы сдаете, – писал он, – фокусом своего размышления интересы не нации, не государства, не общины, не провинции, не федерации, но личности» [1, с. 11]. Общество энесы воспринимали как совокупность личностей, «объединенных общей жизнью и общими интересами». Личность и общество отождествлялись ими с более общим понятием – народ, интересам которого должна была служить их партия [2, с. 63]. «Все для народа, все через народ» – таков был девиз Народно-социалистической партии. Интеллигенцию народные социалисты считали «неоплатным должником народа», которая должна отдавать «идейные силы борьбе за общечеловеческую правду, пробуждение классового, народного и человеческого самосознания в массах» [3, с. 108]. А.В. Пешехонов подчеркивал, что, обратившись к народу, интеллигенция найдет «ту силу, которая воплотит, наконец, ее идеалы в действительность» [4, с. 57].

Идеалом общественного устройства для энесов являлся социализм, переход к которому им представлялся в виде множества этапов. Согласно их воззрениям, социализм должен был вращаться в капитализм так же, как в свое время капитализм вращался в феодализм. При этом народные социалисты стремились к созданию в России самобытного «русского социализма» [5, с. 23]. Однако представления партийных идеологов о социалистическом переустройстве российского общества не получили завершенной формы.

Осуществление глубоких политических и социально-экономических преобразований народные социалисты считали возможным только посредством государственного регулирования. Они были убежденными государственниками и считали, что только при помощи государства можно удовлетворить разнообразные, подчас весьма противоположные интересы в обществе [6, с. 65]. Согласно эволюционной теории энесов, государство на пути к социализму будет постепенно демократизироваться, а государственная власть эволюционировать таким образом, чтобы весь народ мог участвовать в

ее осуществлении [7, с. 346]. По мнению энесов, вся полнота законодательной власти должна принадлежать однопалатному народному представительному собранию, избираемому демократическим путем всеми гражданами, достигшими 20 лет. К компетенции данного органа будут отнесены вопросы финансовой и налоговой политики, а также контроля за деятельностью исполнительной власти [6, с. 68].

Партийные идеологи энесов выступали за установление в России равенства всех граждан (без различия пола, национальности и вероисповедания) перед законом, полной свободы совести, слова, печати, собраний, союзов и передвижений, неприкосновенности личности, жилища и переписки, права петиций, а также требовали полноты законодательной власти, демократизации местного самоуправления, совершенствования судебной системы, отмены смертной казни и исключительных законов [6, с. 68–69].

К решению национального вопроса народные социалисты подходили с осторожностью. Теоретически признавая право наций на свободу самоопределения, они ограничивали его рамками создания национально-областных автономий в пределах федеративного государства [6, с. 68]. Следует отметить, что и в дальнейшем энесы оставались верны своей позиции и сохранение государственной целостности ставили выше требований отдельных национальностей на полную независимость.

В культурной сфере энесы выступали за отделение церкви от государства и школы. Они являлись сторонниками светской системы образования, построенного на началах бесплатности и общедоступности. Народные социалисты ратовали за введение всеобщего обязательного начального обучения на родном языке учащихся. Программой предусматривались требования автономии учебных заведений, свободы преподавания, частной и общественной инициативы в области школьного и внешкольного образования, развития системы профессионального и специального обучения [6, с. 70–71].

Одним из важнейших направлений своей деятельности народные социалисты считали решение аграрного вопроса. А.В. Пешехонов, размышляя о способах решения аграрной проблемы в России, пришел к выводу, что для этого есть только один путь – путь национализации [8, с. 13]. Институт частной земельной собственности, положительно зарекомендовавший себя на Западе, он считал неприемлемым для российской действительности, так как опасался, что он приведет к массовому обезземеливанию крестьянства [8, с. 8–9]. При этом А.В. Пешехонов был твердо убежден, что все аграрные преобразования должны осуществляться только государством.

Согласно программе энесов, земли казенные, удельные, кабинетские, церковные, монастырские, частновладельческие (выше трудовой нормы), подлежали немедленной национализации. Эти земли должны были составить народный земельный фонд, управление которым возлагалось на государственные органы местного самоуправления. Программой подчеркивалось, что земли из фонда будут предоставляться в пользование только тем лицам, которые их будут обрабатывать личным трудом. При этом энесы обещали, что сельскохозяйственные производители могут рассчитывать на поддержку со стороны государства [6, с. 69–70].

Народными социалистами неоднократно подчеркивалось преимущество кооперативного труда перед индивидуальным. В основу системы коллективного землепользования ими были положены такие формы, как артели и земледельческие союзы. Однако энесы были противниками давления на крестьянство, считая, что преимущество коллективных форм хозяйствования будет очевидным, и крестьяне сами перейдут к ним [9, с. 14].

Одним из наиболее сложных вопросов аграрной реформы являлся вопрос о вознаграждении за частновладельческие земли. В программе отсутствовали конкретные предложения по сути данного вопроса. Однако энесы подчеркивали, что все расходы, связанные с земельной реформой, будут возложены на государство. Представители партии обещали, что все сбережения трудящихся классов, вложенные в земельную собственность, будут возмещены [6, с. 69].

Требования народных социалистов по рабочему вопросу сводились к установлению законодательным путем максимального 8-часового рабочего дня и минимальной заработной платы; свободе стачек и профессиональных организаций; обеспечению охраны труда. В программе содержалось требование прогрессивно расширяющегося участия рабочих в управлении промышленными заведениями [6, с. 70].

Значительное влияние народные социалисты оказали на программу трудовиков, тесное сотрудничество с которыми у них началось с момента появления Трудовой группы в период деятельности I Государственной думы.

По рабочему вопросу трудовики выступали за установление максимального 8-часового рабочего дня, минимальной заработной платы и 42-часового еженедельного отдыха. Ими затрагивались вопросы охраны труда и страхования рабочих (за счет предпринимателей). Для разрешения спорных вопросов между работодателями и рабочими предусматривалось учреждение примирительных камер. Однако в отличие от энесовской программы, в программе тру-

довиков не было прописано требование прогрессивно расширяющегося участия рабочих в управлении промышленными заведениями.

Аграрная программа Трудовой группы предусматривала ликвидацию частного землевладения, создание общенародного земельного фонда, передачу земли в руки крестьянства путем отвода ему не в собственность, а в пользование участков в пределах так называемой "трудовой" или "потребительской" нормы, государственное регулирование земельных отношений посредством местных органов власти. Вопрос о денежной компенсации частным земельным собственникам, как и конкретных размерах вознаграждения и условиях его уплаты, трудовики откладывали до момента обсуждения деталей аграрной реформы населением.

Политические требования трудовиков эволюционировали в соответствии с изменениями, происходившими в стране. С момента своего появления на политической арене трудовики требовали амнистии политическим заключенным, отмены смертной казни, чрезвычайных и усиленных охран, ликвидации исключительных законов и судов, отмены сословий и ограничений для отдельных народностей, демократизации местных органов власти. Они считали необходимым проведение законов, обеспечивающих неприкосновенность личности, жилища и переписки, свободу слова, печати, собраний, союзов и вероисповеданий [10, с. 1–7].

До Февральской революции 1917 г. задачу достижения социализма трудовики не ставили. Однако идейными противниками социалистического учения они не являлись, что подтверждает тесное сотрудничество Трудовой группы с социалистическими партиями. Вместе с тем, трудовики учитывали крестьянскую психологию, понимая, что крестьянам импонирует постановка конкретных целей, нежели стремление к высоким малопонятным идеалам. В апреле 1917 г. трудовики провозгласили себя социалистической партией. Во многом данный шаг был обусловлен ростом популярности социалистических идей, а также желанием трудовиков устранить главное препятствие на пути сближения с социалистическими партиями, в частности, с энесами.

В сфере образовательной политики трудовики выступали за введение бесплатного всеобщего обязательного обучения; обеспечение общедоступности школы на всех ее ступенях; повышение уровня образовательной системы; установление свободы преподавания, частной и общественной инициативы в деле открытия и организации учебных и просветительных учреждений; широкое развитие внешкольного и профессионального образования [11, с. 8–9].

Большое внимание трудовиками уделялось национальному вопросу. Провозглашая полное равноправие всех народностей, они требовали

на законодательном уровне признания права национальностей на свободное национально-культурное развитие и национальную автономию в рамках единого и целостного государства [11, с. 10]. После Февральской революции 1917 г. трудовики пошли в своих требованиях по национальному вопросу еще далее, признав право наций на самоопределение вплоть до отделения. Данная трактовка послужила предметом острых дебатов народных социалистов и трудовиков в процессе создания в конце июня 1917 г. единой Трудовой народно-социалистической партии, и одной из причин внутренней слабости объединенной партийной структуры.

Трудовая народно-социалистическая партия прекратила свою деятельность в 1918 г. Предложенная народными социалистами и трудовиками модель преобразования Российского государства на практике не была реализована.

Заключение

Отличавшиеся формой организации (Трудовая группа до апреля 1917 г. официально партией себя не признавала) трудовики и народные социалисты имели значительное сходство в программных воззрениях и тактике, длительное время были связаны взаимным сотрудничеством, что привело в итоге к их объединению в единую Трудовую народно-социалистическую партию. Считая себя преемниками идейной доктрины народничества, они стремились представлять интересы всего трудового народа, претендуя на роль политических организаций внеклассового типа. Наиболее целесообразным способом достижения справедливого политического, экономического и социального устройства они считали легальный реформистский путь. Идеологические постулаты и поведенческая парадигма энесов, оказавшие непосредственное влияние на идейно-практическую доктрину трудовиков, ориентировали на приоритет культурных предпосылок в социальных реформах, разумное сочетание личных и общественных интересов, легальные формы преобразовательной практики, не утратив своей актуальности в наши дни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Пешехонов, А. В.** Программные вопросы: основные положения / А. В. Пешехонов. – СПб. : Тип. Н. Н. Клобукова, 1907. – 47 с.
2. **Голубцов, С. А.** Русские политические партии: Краткие исторические сведения. Очерк программ / С. А. Голубцов. – М. : Тип. изд. комиссии Моск. Совета солд. деп., 1917. – 84 с.
3. **Иогансон, Е. В.** Мякотин: историк и народный социалист / Е. Иогансон // Свободная мысль. – 1993. – № 4. – С. 107–117.
4. **Пешехонов, А. В.** Накануне : сб. ст. / А. В. Пешехонов. – СПб. : Тип. Н. Н. Клобукова, 1906. – 216 с.

5. **Аноприева, Г. С.** Народные социалисты / Г. С. Аноприева // Кентавр. – 1995. – № 1. – С. 20–34.
6. Трудовая народно-социалистическая партия : документы и материалы / сост.: А. В. Сыпченко, К. Н. Морозов. – М. : РОССПЭН, 2003. – 624 с.
7. **Пешехонов, А.** Почему мы тогда ушли / А. Пешехонов // Русское богатство. – 1917. – № 11–12. – С. 327–350.
8. **Пешехонов, А. В.** Основные задачи аграрной реформы / А. В. Пешехонов. – Ростов н/Д : Книгоизд-во Н. Парамонова "Донская речь", 1905. – 15 с.
9. **Пешехонов, А. В.** Национализация земли или как Трудовая (народно-социалистическая) партия считает необходимым разрешить земельный вопрос / А. В. Пешехонов. – СПб. : Электротехнич. т-ва "Дело", 1907. – 16 с.
10. Что такое Трудовая группа. – Б.м., б.г. – 16 с.
11. Проект платформы Трудовой группы. – Б.м., б.г. – 15 с.

Поступила в редакцию 08.09.2015 г.
 Контакты: +375 29 607 45 56
 (Мельникова Алеся Сергеевна)

Melnikova A.S. THE POPULAR SOCIALISTS AND THE TRUDOVIKS IN SEARCH OF THE WAYS TO TRANSFORM RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: PROGRAMME BASES.

In the article the programme bases of the ideologically related political formations of Russia in the early XX century – the Popular Socialist Party and the Trudoviks – are analysed. Based on the neonarodniks' ideals the evolutionary way of the state development proposed by the Popular Socialists and the Trudoviks and focused on the priorities of cultural prerequisites in social reforms, a reasonable combination of personal and public interests, legal forms of transforming practice deserves reconsideration from the standpoint of the modern reality.

Key words: the Popular Socialists, the Trudoviks, political organization, party, ideology, narodnik movement (populism), neonarodnik movement, programme doctrine, tactic, capitalism, socialism, evolution, reforms, state reformation, nationalization.

УДК 947.6

**ПАЗАКУЛЬТАВАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ
РЭЛІГІЙНЫХ АБШЧЫН НАЦЫЯНАЛЬНЫХ
МЕНШАСЦЕЙ БССР У 1930-я гг.**

І. А. Пушкін

кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання

Даследаваны наступныя формы пазакультавай дзейнасці рэлігійных супольнасцей нацыянальных меншасцей БССР: місіянерская, дабрачынная, выхаванне ў сям'і, захаванне прынцыпаў і асноў жыцця, кіраванне і дзейнасць рэлігійных арганізацый, асветніцкая, адукацыйная. У выніку аналізу вызначаны прычыны актывізацыі рэлігійнай дзейнасці супольнасцей і асобных вернікаў у 1930-я гг.

Ключавыя словы: рэлігійныя меншасці, царква, канфесіі, рэпрэсіі.

Уводзіны

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі ў асноўным асвятляецца рэпрэсіўная палітыка дзяржаўных і карных органаў у адносінах да царквы ў 1930-я гг. [1] і недастаткова раскрыты формы і метады пазакультавай дзейнасці рэлігійных абшчын. Даследуючы іх, неабходна мець на ўвазе, што ў выніку правядзення калектывізацыі і барацьбы з “унутранымі ворагамі” і “агентамі замежных дзяржаў” найбольш працаздольная і актыўная частка насельніцтва была рэпрасавана або дэпартавана за межы БССР. У першую чаргу гэта тычыцца прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей, у большай меры – латышоў, літоўцаў, немцаў, палякаў, у меншай – рускіх, яўрэяў і іншых. Але нават тыя, што засталіся, імкнуліся захаваць свае нацыянальныя асаблівасці. Яны ва ўмовах рэпрэсій выкарыстоўвалі ўсе магчымасці па захаванні і забеспячэнні рэлігійных патрэб насельніцтва.

Прадметам нашага даследавання сталі наступныя формы пазакультавай дзейнасці рэлігійных абшчын нацыянальных меншасцей БССР: захаванне прынцыпаў і правілаў жыцця, дзейнасць рэлігійных арганізацый, місіянерская, дабрачынная, выхаванне ў сям'і, асветная, адукацыйная. У выніку аналізу вызначаны прычыны актывізацыі рэлігійнай дзейнасці абшчын і асобных веруючых.

Асноўная частка

Трэба падкрэсліць, што веруючыя не выступалі ў якасці пасіўных сведкаў падзей, якія адбываліся па ініцыятыве савецкай улады. Узмоцненая абмежавальна-рэпрэсіўная палітыка, якая праводзілася ў дачыненні да рэлігіі і царк-

вы, выклікала адкрыты і латэнтны супраціў абшчын нацыянальных меншасцей. Рэлігійны актыў з'яўляўся ініцыятарам і арганізатарам супрацьстаяння значнай часткі прадстаўнікоў нацменшасцей афіцыйнаму гвалту ўлады.

На працягу ўсяго перадаваенага дзесяцігоддзя вылучаецца такая форма пазакультавай дзейнасці, як захаванне прынцыпаў і правілаў жыцця. Пачатак 1930-х гг. адзначыўся зняццем званаў з царкваў і касцёлаў, знікненнем з афіцыйных календароў дзён рэлігійных свят, масавым закрыццём культавых пабудов. Гэта выклікала абурэнне з боку веруючых, якое часта пераўтваралася ў масавыя стыхійныя выступленні ў Чавусах, Касцюковіцкім раёне і іншых месцах [2, арк. 10, 30].

Правядзенне калектывізацыі парушыла традыцыйны ўклад жыцця нацыянальных меншасцей БССР. Савецкая ўлада бачыла ў калектывізацыі асноўны сродак пераходу да камуністычнага грамадства вясковага насельніцтва, у якім не павінна было быць месца рэлігіі. Аднак у 1930-я гг. значная частка калгаснікаў нацыянальных калгасаў БССР у дні рэлігійных свят, а ў яўрэйскіх і ў суботу, не працавала, стваралі малельні, рабілі мацу, карысталіся паслугамі рэзніка. Напрыклад, у калгасах “Акцябр” Мазырскага, “Ройтэр Штрал” Крупскага, “Інтэрнацыянал” Капыльскага, “Бальшавік” Чэрвеньскага раёнаў [3, арк. 26; 4, арк. 35; 5, арк. 100].

Калгасны лад быў не сумяшчальны з глыбокай рэлігійнасцю латышкага, нямецкага і польскага насельніцтва Беларусі. Гвалтоўнае правядзенне калектывізацыі ў БССР актывізавала прыхаваную і адрытую пазакультавую дзейнасць веруючых у асяродку нацыянальных меншасцей. Наступныя выказванні і меркаванні – “*Лепш памерці з голаду, таму што там [у калгасах] могуць прымусіць ісці супраць рэлігіі... Лепш сядзець пад заборам голым і галодным, але не застацца без рэлігіі*” – былі нярэдкасцю ў Савецкай Беларусі [6, арк. 6].

У латышскіх, літоўскіх, нямецкіх, польскіх і яўрэйскіх сем'ях у 1930-я гг. працягвалі маліцца на роднай мове, чытаць рэлігійныя кнігі. Так, на думку саміх палякаў, рэлігійнасць “*прышчэпалась ім з дзяцінства*” [7, с. 28–29], з'яўляючыся асновай выхавання. Дзеці навучаліся рэлігіі ў касцёле і сям'і. Бацькі штодня маліліся на польскай мове, і дзеці, якія ледзь навучыліся размаўляць, паўтаралі за імі малітвы. Веданне рэлігійных абрадаў было абавязковым для ўсіх членаў польскай сям'і, таму дзеці траплялі ў касцёл значна раней, чым у школу.

Уплыў рэлігіі выразна прасочваецца ва ўсіх сферах жыцця нацыянальных меншасцей. Нават члены КП(б)Б не цураліся рэлігійнай абраднасці. Вядомы выпадак, калі сакратар ячэйкі КП(б)Б у польскім калгасе хрысціў сваё дзіцяці, у іншым месцы члены кампартыі

прымалі ўдзел у выкананні рэлігійных абрадаў пад час пахавання [8, арк. 19]. У Касцюковіцкім раёне перад яўрэйскай пасхай выпякалі мацу нават члены гарсавета і камсамольцы [5, арк. 100]. Нягледзячы на замену ў савецкім грамадстве рэлігійнага шлюбу на свецкі, большасць палякаў працягвала браць шлюб у касцёлах або таемна выклікаць ксяндза на дом.

У 1930-я г., нягледзячы на забароны ўладаў, каталіцкі актыў і ксяндзы ў цэлым шэрагу месц узмацнялі працу па стварэнні ў асяродку веруючага польскага насельніцтва грамадскіх арганізацый і кіравалі іх дзейнасцю. Шырока выкарыстоўваліся розныя метады і спосабы місіянерскай і дабрачыннай дзейнасці.

У Полацкай акрузе ксяндз Капуста раз'язджаў па вёсках, дзе жыло польскае насельніцтва. Адночы адбыўся цікавы выпадак. Сакратар райкама КП(б)Б накіроўваўся ў вёску і сустрэў ксяндза, які запытаўся куды гэта сакратар едзе. "А у тую вёску", – кажа сакратар. Ксяндз у адказ: "Няма чаго ехаць, бо я ўжо там быў і ўсё, што трэба зрабіў" [8, арк. 22]. Ксяндз Мустэйкіс у Бабруйскай акрузе арганізаваў грамадскую арганізацыю са спецыяльнымі сяброўскімі білетамі (іх было зроблена каля 3000), складкамі, якія рэгулярна плаціліся, і адзнакі аб гэтым рабіліся ў білетах. Арганізацыя была разгромлена [8, арк. 20]. У Клімавічах (1937 г.) утарылася дабрачынная яўрэйская абшчына. Яе дзейнасць была накіравана на збор сродкаў для дапамогі веруючым бедным яўрэям [9, арк. 55]. На тэрыторыі нацыянальнага польскага Рудня-Насімкаўскага сельсавета Чачэрскага раёна дзейнічалі таварыствы "Тэрцыяраў" і "Ружанца" ("Kotka Rużancowa"), праводзіўся збор сродкаў для Гомельскага ксяндза [10, арк. 4].

У 1936 г. старшыня Фашчаўскага сельсавета і дырэктар Фашчаўскай МТС (Шклоўскі раён) запатрабавалі ад мясцовага ксяндза зрабіць капітальны рамонт касцёла: "предложили ксендзу сделать капитальный ремонт, имея ввиду, что он этого не выполнит и тогда делаем изъятие костела" [11, арк. 78–79]. Але вернікі (касцельная рада) на працягу 2-х дзён сабралі 60 000 рублёў і за 10 дзён адрамантавалі будынак касцёла.

Прыкладам місіянерскай дзейнасці рэлігійных абшчын можа быць інфармацыя па Ушацкім, Бярэзінскім раёнах, дзе да 1937 г. у касцёлах здзяйсняліся рэлігійныя абрады ў тым ліку і для праваслаўных, прычым па больш нізкіх коштах чым гэта рабілі праваслаўныя святары [11, арк. 80].

Пазакультавая дзейнасць прадугледжвала асветную працу сярод моладзі і дзяцей. Так, напрыклад, у Мінску пры касцёле, што быў на могілках, існаваў балетны гурток для дзяцей з адмысловай настаўніцай, у Клімавіцкім раёне равін Брыскер арганізаваў 2 хедэры, адзін на пры-

ватнай кватэры, другі пры сінагозе (у красавіку 1935 г. хедэр наведвалі 10 дзяцей з савецкай яўрэйскай школы). Вучні – дзеці стараабрадцаў, пад уплывам бацькоў, хрысціліся перад і пасля абеду ў школьнай сталоўцы, адмаўляліся слухаць антырэлігійную інфармацыю (Мінкаўская і Пархінская рускія школы Рагачоўскага раёна) [5, арк. 94, 95, 97, 99].

Гуртаванне вакол касцёла жабракоў, раздача грошай дзецям, сувязь з польскім консулам, удзел дзяцей у шэсцях на польскіх могілках, сувязь з польскай савецкай школай, размешчанай каля дома спецыялістаў – уся гэта дзейнасць Мінскага ксяндза савецкай уладаю ў 1937 г. расцэнлівалася як "выключна нахабныя паводзіны" [11, арк. 81].

Новая хваля актывізацыі пазакультавай дзейнасці рэлігійных абшчын нацыянальных меншасцей была выклікана падрыхтоўкай і прыняццем Канстытуцыі СССР (1936 г.) і БССР (1937 г.), а таксама правядзеннем Усесаюзнага перапісу насельніцтва, які праводзіўся з 15.10.1936 па 12.01.1937 г.

Дэкларуючы ў асноўным законе краіны (Арт. 124) рэлігійную цярпімасць і свабоду, улады не чакалі, што веруючыя розных канфесій выкарыстаюць змест артыкула Канстытуцыі для актывізацыі сваёй дзейнасці. Для параўнання, за 1936 г. былі закрыты па "хадайніцтве працоўных" 81 царква, 22 сінагогі, 9 касцёлаў, усяго 112 храмаў. У той жа час за гэты ж перыяд паступіла ад вернікаў 158 заяў з 51 раёна аб адкрыцці цэркваў, сінагог – 61 заява з 26 раёнаў, касцёлаў – 16 заяў з 11 раёнаў, усяго 235 заяў [12, арк. 90; 9, арк. 80].

На мяжы Бешанковіцкага і Сіроцінскага раёнаў у м. Вулля меўся будынак касцёла, заняты пад склад "Заготзерне". На працягу 1936 г. у Бешанковіцкім раёне сабралі 600 подпісаў за закрыццё касцёла, а ў Сіроцінскім – 1000 подпісаў за адкрыццё [11, арк. 79]. У Чашніках Лепельскага раёна былы равін у 1937 г. падаў заяву ў райвыканкам з просьбай дазволіць яму ўзнавіць сваю ранейшую дзейнасць [13, арк. 145]. У чэрвені 1937 г. у Быхаве З. Фейгін абяцаў даць 8000 руб. на рамонт сінагогі пры ўмовах, што яго падтрымаюць у справе вяртання раней закрытай сінагогі. У Лепелі група іўдзеяў падала заяву на пабудову новай сінагогі, а таксама ўзняла пытанне аб вяртанні былой сінагогі, дзе шмат год знаходзіўся масласырзавод [9, арк. 39–40]. У Сенненскім раёне польскім насельніцтвам збіраліся подпісы за адкрыццё касцёла [14, арк. 125].

За тры-чатыры месяцы 1937 г. веруючымі БССР было подана заяў у ЦВК БССР з подпісамі аб: адкрыцці цэркваў – 25 калектыўных заяў, сінагог – 7, касцёлаў – 2, малітоўных дамоў – 1, аб вяртанні канфіскаваных прадметаў культуры – 1, рэгістрацыі папоў і ксяндзоў – 5. Улады змаглі за той жа перыяд арганізаваць пада-

чу толькі 13 зваротаў аб закрыцці цэркваў [9, арк. 64]. Асабліва адзначалася актывізацыя веруючых па зборы сродкаў і подпісаў на адкрыццё цэркваў, синагог і касцёлаў у Шклоўскім, Бягомльскім, Жлобінскім і іншых раёнах падчас Усесаюзнага перапісу насельніцтва [12, арк. 93].

Зафіксаваны шматлікія факты адмаўлення ад удзелу ў перапісу, але адначасова рэлігійны актыў агітаваў, каб людзі запісаліся веруючымі: *“советская власть тогда разрешит возобновить работу ранее закрытых церквей”*, *“советской власти из заграницы приказали переписать всех верующих для того, чтобы открыть церкви и костёлы”* [9, арк. 49]. Падобнае было ў Рагачоўскім, Дамонаўскім, Расонскім, Жыткавіцкім, Сенненскім раёнах [6, арк. 3, 16, 218, 275, 289]. У адказ на гэта савецкая ўлада ўзмацніла рэпрэсіўныя дзеянні.

Толькі за тры месяцы 1938 г. былі рэпрэсаваныя 6530 чалавек: палякаў – 2663 чал., беларусаў – 2717, украінцаў – 68, рускіх – 61, яўрэяў – 375, немцаў – 152, латышоў – 400, літоўцаў – 56, эстонаў – 12, іншых нацыянальнасцей – 26. Сярод іх было 7 служыцеляў культуры, 778 асоб каталіцкага касцёльнага актыву [15, арк. 2, 4].

Ва ўмовах ганенняў, арыштаў адбываецца згуртаванне вернікаў на этнічнай аснове. Нягледзячы на рэпрэсіі ў дачыненні да царквы, немцы, палякі, латышы, літоўцы не адракліся ад рэлігіі, яна яшчэ больш кансалідавала іх. Мацнела пазіцыя *“прыняць любыя пакуты за веру”*. Сходы вернікаў праходзілі нелегальна, у лесе, з надыходам халадоў – па хатах. Месцы сустрэч змяняліся. Абвесткі ажыццяўлялі жанчыны. Збіраліся вернікі, як правіла, у дамах, дзе гаспадыні-жанчыны, бо мужы былі рэпрэсаваныя [16, с. 236].

У выніку рэпрэсіўных дзеянняў партыйна-савецкага кіраўніцтва БССР у сярэдзіне і другой палове 1930-х гг. рэлігійныя абшчыны нацыянальных меншасцей засталіся без святароў і рэлігійнага актыву, што дазволіла цалкам забраць культуравую маёмасць у дзяржаўную ўласнасць. Застаўшыся вернікі былі не ў стане абараніць маёмасць абшчын ад супрацьпраўных дзеянняў улад.

Заклучэнне

Такім чынам, мы можам зрабіць выснову, што, нягледзячы на палітычны і сацыяльны ціск з боку органаў савецкай улады, рэлігійныя абшчыны іўдзейскага, каталіцкага, стараабрадскага і пратэстанцкага веравызнання, якія існавалі ў месцах кампактнага пражывання асоб латышскай, літоўскай, нямецкай, польскай, яўрэйскай і рускай нацыянальнасцей знаходзілі магчымасці для свайго функцыянавання.

Актывізацыя веруючых у 1930-я гг. была выклікана падрыхтоўкай і прыняццем Канстытуцыі СССР і БССР, правядзен-

нем калектывізацыі і Усесаюзнага перапісу насельніцтва (1936–1937 гг.) і справакавала жорсткія рэпрэсіўныя дзеянні ў адносінах да рэлігійнага актыву і святароў з боку партыйна-савецкага кіраўніцтва.

Шэраг нацыянальных меншасцей звязвалі рэлігійныя перакананні з нацыянальнай ідэнтычнасцю. Ва ўмовах пабудовы савецкай дзяржавы, якая імкнулася да суцэльнага падпарадкавання камуністычнай ідэалогіі і ўсталявання атэістычнага (матэрыялістычнага) светапогляду, рэлігійнае жыццё абшчын у 1930-я гг. стала той сферай, дзе захоўваліся прыкметы, рысы і асаблівасці традыцыйнай культуры нацыянальных меншасцей.

Цалкам ліквідаваць рэлігійныя перакананні ў прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей партыйна-савецкаму кіраўніцтву БССР не ўдалося, нягледзячы на сфабрыкаваны крымінальны пераслед служыцеляў культуры, знішчэнне культурных будынкаў і прапаганду сацыяльна-эканамічных і культурных дасягненняў у СССР.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Навіцкі, У.** Разгром рэлігійных арганізацый / У. Навіцкі // Гісторыя Беларусі : у 6 т. / А. Вабішевіч [і інш.] ; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – Т. 5. – С. 328–335.
2. Сводкі о происшествіях и деятельности милиции и уголовного розыска Могилёвского округа с 8 по 28 января 1930 г. // Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці (ДАГАМВ). – Ф. 6577. Воп. 1. Спр. 892.
3. Докладная записка ў ЦК КП(б)Б. Пач. 1932 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 7138.
4. Докладная записка ў ЦК КП(б)Б // НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 6301.
5. Докладная записка ў ЦК КП(б)Б ад 13.05.1935 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 11852.
6. Докладная записка РК КП(б)Б. 1937 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Спр. 12082.
7. **Трубчик, Е. Г.** “Этничность” и “костельность” населения белорусско-польских деревень БССР в межвоенный период / Е. Г. Трубчик // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа : зб. навук. арт. : у 2 ч. Ч. 2 / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: Э. С. Ярымусік [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – С. 27–30.
8. Доклад Вансоўскага на пасяджэнні камісіі бюро ЦК КП(б)Б (1930 г.) // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 5091.
9. Докладная записка “О состоянии антирелигиозной пропаганды в КП(б)Б и активизации церковников и сектантов в ряде районов БССР” от 07.06.1937 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 12109.

10. Докладная записка аб скрыўленні нацыянальнай палітыкі ў Чачэўскім раёне. 1931 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 5546.
11. Докладная записка “По вопросу о костёлах” от 07.08.1937 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 11035.
12. Докладная записка о состоянии антирелигиозной пропаганды в БССР на начало 1937 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 11035.
13. Докладная записка Лепельскага РК КП(б) Б. 1937 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 11852.
14. Докладная записка Сенненскага РК КП(б) Б ад 10.05.1937 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 11852.
15. Статистические сведения репрессированных шпионов, диверсантов и повстанцев польской, литовской и немецкой разведок за 01.06.1938 – 01.09.1938 г. // НАРБ. – Ф. 4 п. Воп. 1. Спр. 14609.
16. **Пичуков, В.** От крестьянки-колонистки до спецпереселенки: трагический путь немецкой женщины Советской Беларуси в межвоенный период / В. Пичуков // Репрессивная политика советской власти в Беларуси : сборник науч. работ. Вып. 2 / сост.: И. Кузнецов, Я. Басин ; науч. ред. В. П. Андреев. – Минск, 2007. – С. 209–242.

Паступіў у рэдакцыю 08.06.2016 г.
Кантакты: ihar.pushkin.st@gmail.com
(Пушкін Ігар Аляксандравіч)

Pushkin I.A. NONRELIGIOUS ACTIVITIES OF THE RELIGIOUS COMMUNITIES OF THE ETHNIC MINORITIES IN THE BSSR (the 1930s).

The following forms of nonreligious activities of the religious communities of the ethnic minorities in the BSSR have been investigated: missionary activity, charitable activity, family upbringing, conservation of moral principles, religious organization management, enlightenment and education. The reasons stimulating religious activities of the religious communities and certain believers in the 1930s have been defined.

Key words: religious minorities, church, denominations, repressions.

УДК 94 (476.4) "18"

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Е. С. Мазур

аспирант,

Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

В статье анализируется развитие городов Могилевской губернии в процессе интеграции в социокультурное пространство Российской империи в первой половине XIX в. Проанализирован состав населения городов Могилевской губернии, архитектурное строительство и планировка городов, развитие системы образования, медико-санитарное устройство, судебная система. Также показаны изменения, произошедшие в социокультурном развитии городов после присоединения к Российской империи в первой половине XIX в.

Ключевые слова: сословия, планировка, учебные заведения, медико-санитарное дело, судебная система.

Введение

После разделов Речи Посполитой города Могилевской губернии вошли в состав Российской империи. Царское правительство стремилось контролировать присоединенные земли. На территорию городов Могилевской губернии были распространены указы, распоряжения, законы действовавшие в Российской империи. Поэтому в составе населения, в системе учебных заведений, судебной системе, культурном развитии Могилевской губернии в первой половине XIX в. произошли изменения. Актуальность темы обусловлена тем, что на сегодняшний день в белорусской историографии отсутствуют исследования, посвященные социокультурному развитию городов Могилевской губернии в первой половине XIX в. Целью данной статьи является анализ развития городов Могилевской губернии в процессе интеграции в социокультурное пространство Российской империи в первой половине XIX в.

Основная часть

Население Российской империи в первой половине XIX в. состояло из четырех основных сословий: дворяне, духовенство, городские и сельские жители. В каждом из этих сословий существовали отдельные группы, отличавшиеся друг от друга. На основании архивных документов, а также статистических источников первой половины XIX в. можно отметить, что все вышеперечисленные сословия были характерны для Могилевской губернии.

В Могилевской губернии как в период существования Речи Посполитой, так и после присоединения к Российской империи дворянство продолжало оставаться привилегированной группой населения. Однако если в XVII в. в городе Могилеве насчитывалось всего несколько десятков дворянских семей, то в первой половине XIX в. количество дворян значительно увеличилось. Необходимо отметить, что в первой половине XIX в. численность дворянства не была постоянной. В 1830–1840-х гг. правительство Российской империи провело комплекс мероприятий, известных как "разбор шляхты". Так как не все дворяне смогли предоставить необходимые документы, подтверждающие право быть дворянином, произошло значительное сокращение количества этого сословия. Увеличение численности дворян в 1850-е гг. связано с разорением мелкопоместных дворян и переселением их в города, а также более точным статистическим учетом. Необходимо отметить, что к господствующему классу принадлежали гражданские и военные чиновники. Большинство среди чиновников составляли дворяне. Численность чиновников увеличивалась. Это было связано с расширением административного аппарата городов Могилевской губернии после присоединения к Российской империи. Духовенство также являлось привилегированным сословием. Его удельный вес был еще меньше, чем дворянства. Увеличение духовенства в 1830-х гг. было связано с включением в его численность монахов могилевского монастыря [1, с. 53].

Значительную часть населения городов Могилевской губернии составляли военнотружущие. После присоединения к Российской империи Могилевская губерния была отнесена к 6-му округу внутренней стражи. Также губерния принадлежала к району постоянного проживания войск действующей армии Российской империи, преимущественно пехоты. В число военнотружущих входили офицеры, солдаты, полиция, жандармы [2, с. 36].

Самую большую группу среди городских жителей составляли мещане. Рост численности мещан в первую очередь был связан с переселением евреев из сел и деревень в города [3, л. 66]. Также, необходимо отметить, что как и в период Речи Посполитой, рост мещан происходил за счет переселения крестьян в города. Новым городским сословием были почетные граждане. Это привилегированное сословие было образовано 10 апреля 1832 г. [4, с. 193–196]. Почетные граждане были освобождены от подушных податей, от рекрутской повинности, от телесного наказания в случае преступления.

Значительное количество среди горожан составляли крестьяне. Городские крестьяне по имущественному положению делились на за-

житочных и неимущих. Зажиточные крестьяне занимались торговлей, ремеслом. Неимущие крестьяне работали сезонно по найму, жили непостоянными заработками [1, с. 64]. Также к сельским жителям принадлежали однодворцы и дворовые люди.

Небольшой группой среди городского населения были иностранные подданные. В городах Могилевской губернии иностранцы занимались воспитанием детей, швейцарцы изготавливали сыры. Другие иностранцы занимались частной службой или разными ремеслами. Были просто приезжие гости-иностранцы. Некоторые источники упоминают разночинцев в городах. Например, в 1851 г. в городе Могилеве разночинцев было более 1300 человек. Чаще всего это были художники, музыканты, артисты.

После разделов Речи Посполитой произошли значительные изменения в архитектуре городов Могилевской губернии. В конце XVIII в. города Могилевской губернии были слабо благоустроенными. В архивном документе конца XVIII в. отмечено, что города Бабиновичи, Климовичи были неустроенными. В городе Копыси не было никаких государственных строений. В городе Чаусы “заведенные короною строения немногочисленны” и все они деревянные, кроме денежной кладовой. Большинство строений в городах были старыми и ветхими [5, л. 223].

Еще в конце XVIII в. было издано “Городское положение”, в котором было отмечено, что город должен строится по утвержденному плану за подписью императора Российской империи [6, с. 77]. Поэтому города Могилев-

ской губернии в первой половине XIX в. были включены в планы перепланировки городов Российской империи. С конца XVIII – начала XIX в. основным направлением в архитектуре белорусских городов стал стиль классицизм. На территории белорусских земель стиль классицизма развивался под влиянием русской классицистической школы. Проектирование городов Могилевской губернии также было основано на идеях классицизма. В основном городам придавались формы прямоугольников или правильных многоугольников [7, с. 532]. Прием прямоугольной планировки наиболее осуществлен в планах городов Бабиновичи, Климовичи, Мстиславль, Чаусы, Белица. Для такой планировки городов было характерно пересечение улиц под прямым углом, образуя квадратные или прямоугольные кварталы. Главные и второстепенные площади городов имели многоугольную, прямоугольную, квадратную или круглую формы [8, с. 174]. Планы городов Кли-

мовичи и Мстиславль являются “идеальными” [9, с. 16]. Так как они имели строгую симметрию. В некоторых городах симметрия в планах была нарушена из-за различных культовых и других зданий. Это, например, в Копыси, Старом Быхове, Белице, Рогачеве [8, с. 174]. Например, план города Белицы учитывал конфигурацию излучины реки Сож.

После присоединения городов Могилевской губернии к Российской империи появились новые административные здания в городах, госпитали, больницы, тюрьмы. Это строительство шло в рамках государственного строительства. В строительстве государственных зданий прослеживается стремление царского правительства освоить присоединенные земли. Также некоторые исследователи государственное строительство считают новым прогрессивным явлением в развитии городских поселений на белорусских землях. Так как этот процесс столетиями сдерживался властью местных магна-

тов [9, с. 27]. Широкое строительство, развернувшееся в первой половине XIX в. придало новый архитектурный облик городам Могилевской губернии.

После первого раздела Речи Посполитой город Могилев являлся важным центром в духовной жизни населения Восточной Беларуси. До включения в состав Российской империи Могилевская губерния уже имела свои учебные заведения. Однако после разделов Речи Посполитой в губернии произошли изменения в системе образования. В развитии образования на белорусских землях наступил новый этап. Этот этап заключался в постепенном переходе от духовной к светской системе образования.

С конца XVIII в. система образования Могилевской губернии включала православные и католические учебные заведения, учебные заведения ордена иезуитов, а также светские учебные заведения.

С конца XVIII в. в Российской империи проводилась реформа образования. В 1786 г. в Российской империи утвержден “Устав народных училищ в Российской империи”. В соответствии с “Уставом” в Могилевской губернии было создано главное и народные училища. Доступность в народные училища была для всех слоев городского населения вне зависимости от пола, вероисповедания, социального положения. Не было ограничений по возрасту учащихся. Обучение девочек вместе с мальчиками – новое явление в системе образования белорусских земель.

В 1802 г. было создано первое министерство народного просвещения. Всей системой образования ведало Главное управление училищ, созданное в 1803 г. Российская империя была разделена на шесть учебных округов. Во главе каждого учебного округа были поставлены университеты. С 24 января 1803 г. учебные заведения Могилевской губернии были подчинены ведению Виленского университета. На все университеты Российской империи распространялось действие “Устава учебных заведений, подведомых университетам” 1804 г. Однако этот “Устав” не распространялся на Виленский учебный округ. По предложению Министерства народного образования руководство Виленского университета разработало особый “Устав или общие положения Виленского университета и училищ его округа” в 1803 г., а также “Предписание организации училищ в округе императорского Виленского университета” 1804 г. Основным языком обучения в Виленском учебном округе остался польский. Русский преподавали только по желанию учащихся [10, с. 23].

Начальное образование в городах Могилевской губернии давали приходские училища. Программа преподавания в приходских училищах зависела от уровня знаний преподавателя.

Чаще всего эти знания ограничивались богословием и знанием элементарной грамматики. В соответствии с “Уставом или общими положениями Виленского университета и училищ его округа” 1803 г. и “Предписанием организации училищ в округе императорского Виленского университета” 1804 г. в уездах создавались уездные училища. Главное внимание в программе преподавания было отведено изучению польского, латинского, французского и немецкого языков. Русский язык вносили в программу преподавания по желанию учащихся. Следующей ступенью обучения были 7-летние гимназии. Основным языком обучения в гимназиях был польский.

В 1828 г. издан “Устав гимназий и училищ, состоящих в ведении университетов”. Начальные учебные заведения были представлены приходскими и уездными училищами, а средние – гимназиями. Введенная еще в 1804 г. преемственная связь между учебными заведениями была отменена. Самые бедные низшие сословия учились в приходских училищах. Дети дворян и чиновников учились в гимназиях. Гимназии сохранили преемственную связь с университетами. Из учебных программ всех учебных заведений были исключены практически все природоведческие дисциплины. Закон Божий, священная и церковная история, латинский язык стали основными предметами преподавания в школах.

Кроме учебных заведений, которые давали светское образование, в Могилевской губернии были духовные учебные заведения. Эти учебные заведения еще со времен существования Речи Посполитой продолжали играть важную роль в системе учебных заведений Могилевской губернии, служили интересам господствующих классов населения. Программы преподавания духовных учебных заведений были консервативными и религиозными. В обучении широко применялась зубрежка. Отсутствовал творческий подход в преподавании.

Высших учебных заведений в Могилевской губернии в начале XIX в. не было. Только в 1848 г. Горецкая земледельческая школа была преобразована в Горы-Горецкий земледельческий институт. Это было первое в Российской империи высшее сельскохозяйственное учебное заведение.

После присоединения Могилевской губернии к Российской империи произошли изменения в медико-санитарном деле. Вместо существовавших шпиталей, цеховых объединений цирюльников были созданы госпитали, больницы и другие богоугодные заведения. В губернии был организован Приказ общественного призрения. В функции этого Приказа входило открытие и содержание богоугодных заведений, наем и увольнение медицинских чинов [11, с. 74]. В уездах вводились должно-

сти уездных врачей. В 1797 г. был издан указ “О создании губернских врачебных управ” в составе инспектора, оператора и акушера, имеющих звание доктора. Они должны были производить физическое и топографическое описание всей губернии, соблюдать народное здравие, выяснять причины болезней и т. д. На врачебные управы было возложено принимать меры против эпидемий, наблюдать за продовольственными запасами. Также врачебные управы получили право наблюдать за деятельностью аптекарей, повивальных бабок и других медицинских работников. Таким образом, уже в конце XVIII в. наметилась врачебно-санитарная организация в губернии.

В городах Могилевской губернии уже с конца XVII – начала XVIII в. находились аптеки. В первой половине XIX в. в городе Могилеве было 12 частных аптек. Однако не все аптеки были хорошо оборудованы и располагали широким ассортиментом лекарственных средств. Также как и в предыдущие столетия, лекарства изготавливали в основном из растений [11, с. 62]. Необходимо отметить, что простое население городов губернии редко предпринимало меры к предупреждению болезней. Как и в предшествующие столетия, жители предавались суевериям. Жители использовали народные способы лечения заболеваний. Например, при болях головы, особенно после угара прикладывали к голове огуречные или бурачные кислые рассолы.

После разделов Речи Посполитой в белорусских губерниях была учреждена система местных органов власти и управления, предусмотренная законом “Учреждения для управления губерний Всероссийской империи” 1775 г. Однако правительство Российской империи вынуждено было пойти на определенные уступки местному населению. Было восстановлено действие Статута 1588 г., некоторые прежние должности и судебные органы, внеся лишь некоторые изменения [12, с. 161].

Система судебных учреждений на территории Беларуси до 1831 г. существенно отличалась от системы аналогичных учреждений в центральных губерниях Российской империи. Поэтому в первое время после разделов Речи Посполитой по приказу императора Павла I в восточных белорусских губерниях действовали прежние судебные органы, предусмотренные Статутом 1588 г. [13, с. 293].

В Могилевской губернии, как и в других белорусских губерниях, судом 2-й инстанции был Главный суд. Деятельность Главного суда контролировал генерал-губернатор, губернатор и губернское правление. Главный суд включал два департамента: криминальных и гражданских дел. Во главе департаментов находились председатели. Главный суд был выборным органом. Членами и заседателями Главного суда

могли быть только дворяне. В своей деятельности Главные суды руководствовались как Статутом ВКЛ 1588 г., так и общероссийским законодательством. В указах Сената разъяснялось, что при рассмотрении следственных и уголовных дел, если “чего не достает в Литовских правах, заимствовать нужно из Российских законов” [14, с. 31]. Иногда издавались указы, в которых предписывалось, какие нормы права применять при рассмотрении дел. Например, на основании указа Сената от 13 сентября 1797 г. вводились виды наказаний, которых не было в Статуте 1588 г. Например, предписывалось всех преступников осужденных за убийство отсылать в Нерчинск, за другие преступления – на поселение в Иркутск, осужденных за долги – в смирительные и рабочие дома. Таким образом, царское правительство ввело на территории белорусских земель те виды наказаний за преступления, которые применялись в центральных губерниях Российской империи [14, с. 32]. Необходимо отметить, что если до присоединения белорусских губерний к Российской империи приговоры Главного суда считались окончательными, то в первой половине XIX в. приговоры I департамента Главного суда в отношении дворян утверждались Сенатом и после этого вступали в законную силу [14, с. 33]. Таким образом, Главные суды белорусских губерний подчинялись Сенату.

Судом первой инстанции был поветовый земский суд. Состав земского суда после разделов Речи Посполитой был изменен. Если в конце XVIII в. членами суда были судья, подсудок и писарь, то в XIX в. – земский судья и два подсудка. Членами суда могли быть только дворяне. Необходимо отметить, что по Статуту 1588 г. писарь считался членом суда. Его голос учитывался при возникновении разногласий между судьей и подсудком. После присоединения Могилевской губернии к Российской империи писарь не принимал никакого участия в вынесении решений по судебным делам. Исследователь В.А. Шелкопляс отметила, что изменяя состав суда и правовое положение писаря, законодатель стремился приблизить поветовый земский суд на белорусских землях к уездному суду центральных губерний Российской империи. И тем самым ликвидировать одну из особенностей местных судов на белорусских землях [14, с. 13].

Поветовые земские суды в своей деятельности руководствовались Статутом 1588 г. Однако, поветовым земским судам было предписано при рассмотрении некоторых уголовных дел применять нормы Статута 1588 г. и законы Российской империи. Например, указ Российской империи от 31 июля 1799 г., предусматривавший ответственность за воровство и грабежи, распространялся на присоединенные белорусские земли. Если по Статуту 1588 г. за

воровство и грабежи были предусмотрены денежные платежи, то по указу Российской империи от 14 мая 1802 г. за мелкую кражу – телесные наказания. За более крупную кражу преступника отдавали в рекруты или ссылали в Сибирь. Таким образом, наказания за воровство и грабежи в начале XIX в. регулировались законами Российской империи. Необходимо отметить, что царское правительство стремилось изменить или отменить некоторые положения Статута 1588 г. Если по Статуту 1588 г. члены земского суда назначались великим князем из числа избранных на уездных соймках кандидатов пожизненно. То указ от 19 мая 1802 г. обязал избирать членов земского суда в соответствии с законодательством Российской империи. Поэтому члены суда избирались только на три года [15, с. 88].

В начале XIX в. главным источником права на белорусских землях был Статут 1588 г. В 1811 г. в Санкт-Петербурге Статут 1588 г. напечатан на русском языке. Судебные органы Могилевской губернии, как и других белорусских губерний пользовались нормами Статута и общеимперского права. В 1831 г. действие Статута 1588 г. была прекращена на территории Могилевской и Витебской губерний. А 25 июня 1840 г. на все территории Российской империи отменялось действие Статута. С 1846 г. вводилось «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» от 1845 г. – первый уголовный кодекс Российской империи.

Заключение

Таким образом, в связи с присоединением к Российской империи городов Могилевской губернии произошли изменения в составе населения. Эти изменения были связаны с появлением русского населения – чиновников, военного сословия. Однако эта категория населения не являлась постоянной, так как часто перемещалась вместе с войсками. Также с присоединением Могилевской губернии к Российской империи произошли изменения в системе охраны внутреннего порядка. С появлением корпуса внутренней стражи увеличилась численность военнослужащих. Также новой группой городского привилегированного населения стали почетные граждане.

После присоединения к Российской империи Могилевской губернии проводится реконструкция городов, направленная на их развитие. Все города губернии подверглись перепланировке. Однако недостатком этих планов являлось появление грани между центром и окраинами города. Так как в центральной части города строились в основном административные здания, а также дома дворян. Вокруг центральной части селились зажиточные горожане. Вокруг торговых площадей жили купцы. Простые горожане и беднота жили на окраинах.

Это приводило к неравномерному благоустройству городов. Также многие планы городов первой половины XIX в. были схематичны, часто не учитывался рельеф местности. Однако создание регулярных планов было прогрессивным явлением. На планах город представлял собой единое целое.

После присоединения к Российской империи Могилевской губернии происходит постепенная интеграция учебных заведений в общероссийские. Реформы в сфере образования начала XIX в., проводимые правительством Российской империи, являлись попытками лавирования на территории, отошедшей после разделов Речи Посполитой, одной из уступок местному дворянству. Однако реформа образования начала XIX в. не была закончена. Причиной этому была недостаточность средств на осуществление реформы, недовольство местного дворянства и духовенства, нехватка преподавателей, война 1812 г.

В процессе интеграции городов в социокультурное пространство Российской империи судебная система сближалась с судами Российской империи. Несмотря на то, что суды в первой половине XIX в. как правило, руководствовались Статутом 1588 г., приходилось пользоваться и законами Российской империи. Правительство Российской империи стремилось ликвидировать или ограничить действие местных законов. После восстания 1830–1831 гг. все судопроизводство было переведено на русский язык. Высшей инстанцией для всех судов был Сенат. Только в 1840-х гг. на все территории Российской империи был введен первый уголовный кодекс Российской империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Лютый, А. М.* Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века / А.М.Лютый ; под ред. В. В.Чепко. – Минск : Наука и техника, 1987. – 179 с.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи : в 17 т. / издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров Генерального штаба]. – СПб : в Тип. Департамента Генерального штаба, 1848. – Т. 8, ч. 3. – 152 с.
3. Национальный исторический архив (НИАРБ). – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 81. Дело по предписанию МВД о предоставлении сведений о числе жителей в городах Могилевской губернии (1826–1829 гг.).
4. Об установлении нового сословия под названием почетных граждан. 10 апреля 1832 г. : Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), Второе собрание (1825–1881 гг.). – Т. 7. Закон № 5284. – С. 193–196.
5. РГИА (Российский государственный исторический архив). – Ф. 1374. Оп. 1. Д. 188 б. Список городов Могилевской губернии с краткими сведениями о них.

6. Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва усходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце : у 4 т. / рэдкал.: А. І. Лакотка [і інш.]. – Мінск : Беларусь. навука, 2007. – Т. 3, кн. 1 : Другая палова XVIII – першая палова XIX ст. / А. І. Лакотка [і інш.]. – 2007. – 502 с.
7. Всеобщая история архитектуры : в 12 т. / редкол.: Н. Я. Колли (гл. ред.) [и др.]. – М. : Издательство литературы по строительству, 1975–1977. – Т. 6, ч. 3 : Архитектура России, Украины и Белоруссии XIV – первая половина XIX вв. / под ред. П. Н. Максимова (отв. ред.) [и др.]. – 1968. – 568 с.
8. **Чантурия, В. А.** История архитектуры Белоруссии. – Минск : Вышэйш. школа, 1969. – 263 с.
9. Гісторыя Беларускага мастацтва : у 6 т. / Акадэмія навук Беларускай ССР, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1987–1994. – Т. 3 : Канец XVIII – пачатак XX стагоддзя / рэд.: М. Дробаў, П. А. Карнач. – 1989. – 448 с.
10. **Косцераў, А. П.** Адукацыйная палітыка Расейскага ўраду ў Магілёве ў канцы XVIII – пачатку XIX стст. / А. П. Косцераў // Магілёўская даўніна. – 1995. – С. 61–68.
11. **Крючок, Г. Р.** Очерки истории медицины Белоруссии / Г. Р. Крючок. – Минск : Беларусь, 1976. – 263 с.
12. **Шабуневич, С. Н.** История государства и права Беларуси : учеб.-метод. пособие для студентов / С.Н. Шабуневич ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2013. – 190 с.
13. История государства и права СССР / под ред. Г. С. Калинина, А. Ф. Гончарова. – Ч. I. – М. : Юрид. лит., 1972. – 672 с.
14. **Шелкопляс, В. А.** Судебные органы в Беларуси : конец XVIII – первая половина XIX вв.: учеб. пособие / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Академия. – Минск : Акад. МВД РБ, 1997. – 63 с.
15. **Вішнеўскі, А. Ф.** Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / А. Ф. Вішнеўскі, І. У. Вішнеўская. – Мінск : Тетра-Системс, 2005. – 192 с.

Поступила в редакцию 11.03.2015 г.

Контакты: +375 29 749 04 83

(Мазур Елена Сергеевна)

Mazur E.S. URBAN SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT IN MOGILEV PROVINCE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY.

The article highlights the development of the towns in the Mogilev province in the process of their integration in the socio-cultural space of the Russian Empire in the first half of the XIX century. The composition of the urban population of the Mogilev province, the architectural construction and urban planning, the development of education, health service, judicial system have been analysed. The changes in the socio-cultural development of the towns after joining the Russian Empire in the first half of the XIX century are displayed.

Key words: social classes, planning, educational institutions, health care, judicial system.

УДК 398.332.47(=161.3)

**ТРАНСФАРМАЦЫЯ СВЯТКАВАННЯ
БЕЛАРУСКОЙ МАСЛЕНІЦЫ
Ў САВЕЦКІ ЧАС**

А. І. Ляшкевіч

аспірант,

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры,
мовы і літаратуры НАН Беларусі

У артыкуле разглядаюцца змены, якія закрунулі каляндарную абраднасць беларусаў і, у прыватнасці, святкаванне Масленіцы ў савецкі час пад уплывам дзяржаўнай культурнай палітыкі. Робицца спроба асэнсаваць гэтыя змены ў лакальным і глабальным маштабе.

Ключавыя словы: масленіца, абрады, святы, каляндар, СССР, культурная палітыка, фалькларызм.

Уводзіны

Актуальнасць прапанаванага даследавання звязана з нераспрацаванасцю пытанняў эвалюцыі і трансфармацыі абрадава-святочнага комплексу беларускай Масленіцы і не ў меншай ступені этнакультурнай сітуацыяй у краіне, калі назіраецца ўстойлівая зацікаўленасць грамадства народнымі традыцыямі.

Масленіца – традыцыйнае рухомае каляндарнае свята на мяжы зімовага і веснавога цыклу. Святкуецца на восьмым тыдні да Вялікадня, які, у сваю чаргу, разлічваецца па сонечна-месячным календары. Масленіца можа прыпадаць на даты з 3 лютага да 14 сакавіка. Беларускі масленічны абрадавы комплекс розніцца ад рэгіёна да рэгіёна, вылучаецца шэраг арыгінальных лакальных варыянтаў свята.

Масленіца ў сучаснай беларускай культурнай прасторы часткова дэсакралізаваная. Свята амаль згубіла ранейшыя функцыі спрыяння плоднасці людзей і зямлі, здзяйснення каляндарнага пераходу. Першынства набывае рэкрэатыўна-забаўляльны аспект. Паспрыяла гэтаму разбурэнне традыцыйнага ладу жыцця, глабалізацыя, прырытэт індывідуальнага, а не традыцыйнага калектыўнага. Гэта аб'ектыўныя фактары, характэрныя для ўсіх краін свету. На постсавецкай прасторы дадатковым фактарам трансфармацыі каляндарных святаў стала савецкая культурная палітыка.

Асноўная частка

Мірча Эліядэ сцвярджаў, што рэакцыі чалавека на з'явы прыроды, якія адлюстроўваліся і ў абрадах, абумоўленыя эканамічнымі, сацыяльнымі і культурнымі абставінамі: "...сімволіка і культы Маці-Зямлі, пладавітасці чалавека і ўрадлівасці ў сельскай гаспадарцы, сакральнасці Жанчыны і да т. п. змаглі

развіцца і скласці шырока разгалінаваную рэлігійную сістэму толькі дзякуючы адкрыццю земляробства. Гэтак жа відавочна, што да аграрнае грамадства, якое спецыялізавалася на жывёлагадоўлі, было няздольнае гэтак жа глыбока і з той жа сілай адчуць сакральнасць маці-Зямлі" [1, с. 20–21]. Ідучы ўслед за логікай Эліядэ, каляндарныя абрады не маглі заставацца нязменнымі ў грамадстве, якое ішло па шляху індустрыялізацыі. Разам з палітычнымі, эканамічнымі, сацыяльнымі зменамі савецкая ўлада праводзіла мэтанакіраваную культурную палітыку. Т.І. Кухаронак выдзяляе ў яе правядзенні некалькі этапаў:

1918–1928 г. – памяркоўныя адносіны ўлады да народных абрадаў і наступ на царкоўныя абрады.

З 1929 – супрацьпастаўленне дзяржаўнай ідэалогіі традыцыйнай народнай культуры. Мэта – поўнае замяшчэнне народных святаў новымі, сацыялістычнымі.

1950-я – 1960-я г. – адраджэнне народных святаў "на новай аснове" (спалучэнне іх выхаваўчага патэнцыялу з новай сацыялістычнай абраднасцю, "стварэнне інтэрнацыянальнай па зместу і нацыянальнай па форме савецкай культуры і абраднасці").

1970-я – 1980-я г. – увядзенне мясцовых элементаў у стандартныя сцэнарыі народных святаў.

З 1990-х г. – адраджэнне аўтэнтчных і другасных форм бытавання народнай культуры [2, с. 140, 142, 157, 162].

Святкаванне Масленіцы трансфармавалася на кожным з пазначаных этапаў. У 1918 г. па дэкрэце Савета народных камісараў РСФСР "Аб увядзенні ў Расійскай рэспубліцы заходнееўрапейскага календара" ад 24 студзеня дзень за 31 студзеня было пастаноўлена лічыць не 1-м, а адразу 14-м лютым. Масленічны тыдзень у 1918 г. прыпаў на 10–17 сакавіка. Такім чынам, акурат Масленіца стала першым вялікім святам, на якім адбылася ўвядзенне ў савецкай дзяржаве грыгарыянскага каляндару. На той момант толькі частка беларускай тэрыторыі кантралявалася саветамі, частка ж знаходзілася пад нямецкай акупацыяй [3, с. 211]. Фактычна дзеянне дэкрэту аб увядзенні заходнееўрапейскага календара распаўсюдзілася на ўсю тэрыторыю сучаснай Беларусі толькі ў 1926 г., пасля другога "узбуйнення" БССР Гомельскім і Рэчыцкім паветамі (Заходняя Беларусь тады знаходзілася пад уладай Польшчы, дзе дзейнічаў заходнееўрапейскі каляндар).

Перамяшчэнне дат каляндарных святаў адбылося ў адной з першых ахвяраў становіцца каляндар. Гэтак здарылася пасля хрысціянізацыі Эўропы, пасля Вялікай Французскай і Вялікай Кастрычніцкай

сацыялістычнай рэвалюцыяў”, – піша філосаф Сяргей Санько. Ён тлумачыць гэта тым, што каландар з’яўляецца адной з найбольш істотных сімвалічных сістэм у культуры народа, разам з мовай, таму ўплываць на яго імкнецца любая ўлада [4, с. 120].

Самі носьбіты традыцыі выдзяляюць “свае” і “савецкія” святы: “[А якія ў вас лічылі самыя вялікія святы?] Ну, якія ў нас святы вялікія, нас шчыталі, ну, Новы год –эта ўжо Новы год савецкі ўжо, свой Новы год, Стары, шчыталі сьвята, і гэты ўжо. Ну, сьвята, сьвята. Тройца, Паска. Вот нашыя самыя вялікія сьвяты ж былі”¹.

Як тэндэнцыі паслярэвалюцыйнага часу выдзяляюцца звышкіраванне савецкай улады, звышкантроль за грамадскім жыццём, які змяняецца пад’ёмам фалькларыстычнай дзейнасці падчас беларусізацыі, што выявілася ў зборанні, вывучэнні і папулярызацыі народнай творчасці. Сярод значных фактараў у гэты перыяд З. Я. Мажэйка называе дзейнасць Інбелкульту (1922–1929) і Акадэміі навук БССР (з 1929), тэатральнай трупы Уладзіслава Галубка (1920–1937). З 1937 г. узрастае заідэалагізаванасць творчага жыцця, насаджваецца арганізаваная самадзейнасць, для кіраўніцтва якой ствараюцца рэспубліканскі і абласныя дамы народнай творчасці [5, с. 110–112].

Нягледзячы на ўсе захады савецкай улады, святкаванні Масленіцы да Другой сусветнай вайны, па ўспамінах інфармантаў, пераважна праходзілі па старых традыцыях. Т.І. Кухаронак прыводзіць наступныя звесткі: “Напрыклад, у в. Асавец Бялыніцкага раёна Магілёўскай вобласці яшчэ перад вайной жанчыны збіраліся ў чацвер масленічнага тыдня «на ўласкі», пераапрааналіся ў «старцоў», рабілі з бульбы зубы страшныя, бураком, сажай вымазвалі твары, вусы прыклеівалі, хадзілі па хатах і чудзілі. Абавязкова пяклі біліны”.

З успамінаў Т.І. Аляксяёнак з в. Канцы Ушацкага раёна Віцебскай вобласці: “У нас Масленіца да вайны была і пасля вайны трохі. Прыбіраліся ў дзеда, унучка была, суседкі, бубулькі, Масленіца, зяць, цешча. Хадзілі па вуліцы, пелі:

У нас сёння Масленіца,
Прыляцела красавіца,
Сядзела на тыну, на калу,
Кідала масла на кашу,
Малада дзяўчына схапіла,
Ды ў чарпачочку стапіла,
Свайго мілога паіла:
– Пі, мой мілы, хоць да дна,
Я ў цябе буду адна!

Унукі ўпрагаліся замест коней у сані і везлі сваю бабку на пачастунак. Чучала Масленіцы спальвалі на кастры ці харанілі” [2, с. 149–150]. Аднак, у некаторых рэгіёнах Масленіцу

перасталі святкаваць ужо ў даваенны перыяд (напрыклад, у в. Альшанка Чашніцкага р-на – паміж 1927 і 1929 гг.) [2, с. 150].

На прыкладзе сваіх экспедыцый на Палессе, якія ў 1960-я гг. прайшлі па слядах Я. Гіпіуса і З. Эвальд, а ў 1990-я – 2000-я – па ўласных слядах, З.Я. Мажэйка робіць выснову, што Другая сусветная вайна менш разбуральна паўплывала на аўтэнтчны фальклор за афіцыйную культурную палітыку: “Калі з 1930-х па 1960-я гады страты ў галіне аўтэнтчнага фальклору склалі каля траціны былых яго праяў, то з 1960-х па 1990 – 2000-я гады яны перавысілі амаль пяцідзясяціпрацэнтную мяжу... Істотныя страты пасляваенных гадоў, якія ідуць ад афіцыйнай культурнай палітыкі (а ў постсавецкі перыяд яшчэ і ад спажывецкай камерцыялізацыі), – зусім не колькасныя, бо і ў сучаснай беларускай вёсцы песень запісваецца дастаткова. Страты гэтыя носяць прынцыпова якасны характар і выяўляюцца ў паслабленні асноўных заканамернасцяў функцыянавання фальклору ў руральнай песеннай суполцы, выпадзенні звёнаў самаарганізацыі і самарэгуляцыі ў іманентным уладкаванні руральнай мастацкай сістэмы з перакрыццём аўтэнтчных праяваў творчага жыцця ў вёсцы кіраванымі «фальклорнымі мерапрыемствамі» [5, с. 99–100].

У 1950-я – 1960-я гг. друкуюцца сцэнары і рэкамендацыі па правядзенні масавых абрадава-святочных мерапрыемстваў без уліку мясцовых асаблівасцей народных свят. Артыкулы ў прэсе адлюстроўвалі лепшы вопыт работы ўстаноў культуры, не ўлічваючы, што вопыт пэўнага рэгіёну можа быць зусім непрыдатным у іншай мясцовасці. Так, у беларускую культурную практыку трапілі элементы рускай традыцыі ў спрошчаным, “лубочным” выглядзе.

Масленічныя святкаванні зваліся часцей за ўсё “Провады рускай зімы”, укараняліся больш у гарадах. У беларускіх вёсках гэта свята сустракалася радзей. Наладжвалі яго, не раўнуючыся на Вялікдзень, у апошнюю нядзелю лютага. Тое, што ў Беларусі праводзяць рускую зіму, мабыць, не было супярэчнасцю для кіраўнікоў сферы культуры, бо да Тройцы ў той жа перыяд прымяркоўвалася “Свята рускай бярозкі” [2, с. 162, 163].

З таго часу і дасюль у масавай свядомасці пануюць уяўленні аб святкаванні Масленіцы, часта не ўласцівыя беларускай традыцыі: крыклівыя карнавальныя касцюмы, пэўныя спартыўныя гульні, выпяканне біліноў на вуліцы. Распаўсюджанае зараз паўсюдна спальванне пудзіла вельмі мала фіксуецца ў традыцыйным побыце (гл. мал.). Змены закранулі і стравы, як уласна масленічныя, так і стол на Масленічныя Дзяды. Самі носьбіты традыцыі распавядаюць пра Масленічныя Дзяды так: “Куццю дзелалі, клёцкі, юшку. Гэта абязцельна гэтыя стравы.

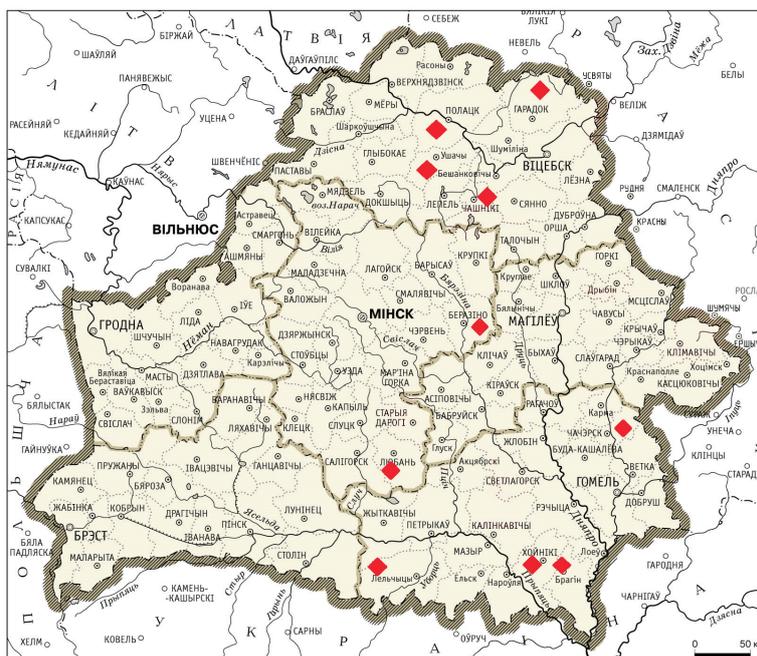
¹ Зап. А.І. Ляшкewіч у 2015 г. у в. Любушаны Бярэзінскага р. Мінскай вобл. ад Марыі Карнееўны Цэдрык (дз. в. Калбаска) 1929 г. н., нар. у в. Селішча Бярэзінскага р., жыве ў Любушанах з 1941 г.

А цяпер ужо й гарошыкі, многа ўсяго, і салаты, ўсё ёсьць. Раньшэ ня дзелалі”².

З.Я. Мажэйка называе афіцыйныя культурныя падыходы да фальклору ў 1950-х – пач. 1970-х гг. дэструктыўнымі: “састарэлы” фальклор “асучасніваўся”, “рэлігійныя” абрады пераследаваліся. З 1960-х даследчыца фіксуе тэндэнцыю “культурнага апустыньвання” (“вёскі, што змаўкаюць”) [5, с. 100–101].

² Зап. А.І. Ляшкевіч у 2016 г. у п. Крупскі Крупскага р. Мінскай вобл. ад Любоў Дзмітрыеўны Галавашчанкі (дзев. Занімонца), 1933 г. н., мясц., правасл., 4 класы.

Традыцыйныя абрады ў савецкі час мянялі ідэйны змест, у іх увадзілася сацыялістычная сімволіка і атрыбутыка [6, с. 89]. Элементы традыцыйнай культуры, наадварот, увадзіліся ў савецкія святкаванні. Так, як раўназначныя атрыбуты савецкіх святаў называюцца “вынас знамені, выкананне дзяржаўных гімнаў і савецкіх песень..., сустрэча гасцей хлебам-соллю на ручніку”, а таксама “дзяржаўныя гербы СССР і БССР, партрэты... В.І. Леніна, дзяржаўныя сцягі і знамены, ручнікі, кветкі, нацыянальныя абрадавыя касцюмы” [6, с. 91–92].

Мапа згадак спальвання пудзіла ў традыцыйным побыце

А. Васільеў лічыць пастаянную рэарганізацыю мінулага і культурнай памяці нормай, якая грунтуецца на ідэі непазбежнага адаптавання новых з’яў супольнасцямі, перыядычнага ажыццяўлення пераінтэрпрэтацыі мінулага з мэтай уключэння новага ў тканіну гістарычнай традыцыі [7, с. 60]. Т. Мармыш дадае, што такім чынам часта фарміруецца афіцыйная культурная памяць і спадчына сур’ёзна ідэалагічна нагружаецца. Як прыклад яна прыводзіць выцясненне савецкімі лозунгамі і ідэаламі “пабудовы светлай будучыні” пласту традыцыйнай народнай культуры [8, с. 96].

Савецкая ідэалогія ўтрымлівала ў сабе элементы міфалагічнага светагляду: замест старажытных ініцыяцый – рытуалы прыняцця ў аццябраты, піянеры, камсамольцы, камуністы; замест капішч і храмаў – грамадскія

пабудовы, замест традыцыйных календарных свят – новыя, сацыялістычныя (Новы год, Дзень савецкай арміі, Дзень жанчын, маёўкі, Дзень рэвалюцыі). Канструяванне святаў па савецкім узору працягваецца і ў незалежнай Беларусі. 30 ліпеня 1996 г. загадам Прэзідэнта да 14 кастрычніка (праваслаўнае свята Пакроў найсвяцейшай Маці Божай) прымеркаваны Рэспубліканскі дзень маці.

Мірча Эліядэ параўноўваў марксісцкі міф аб камунізме, пабудаваным “выбраным” класам – пралетарыятам, з эсхаталагічнымі міфамі Міжземнамор’я і Сярэдняга Усходу. Разам з ідэалогіяй нацыянал-сацыялізму ён разглядаў марксізм як найвялікшы палітычны міф сучаснасці. Даследчык адзначаў, што сучасныя свята, будучы савецкімі, захоўваюць міфалагічную структуру і функцыю, дазваляючы

чалавеку прайграваць сцэнарыі стварэння, хоць яны і сталі свецкімі [9].

У 1970-я – 1980-я гг. у “Провады рускай зімы” ўводзяцца некаторыя традыцыйныя элементы Масленіцы [2, с. 162]. Тады канстатуецца, што традыцыйны фальклор “згасае”, перспектыўнай лічыцца мастацкая самадзейнасць. У 1990-я гг. набываюць папулярнасць імітацыі “пад фальклор” [5, с. 102]. У 1990-х гг. сцэнарыі правядзення Масленіцы сельскія культработнікі ўжо рыхтуюць на аснове мясцовага матэрыялу. Гарадскія святкаванні Масленіцы ў пэўнай ступені перапыняюцца ў канцы 1980-х – пачатку 1990-х гг. [2, с. 193–195].

Акрамя вонкавага ўплыву сярод прычын спынення масленічных святкаванняў можна выдзеліць і ўнутраныя: старэнне насельніцтва, змена стаўлення да традыцыйных абрадаў. Пра гэта кажуць самі носьбіты традыцый:

“[А ў вас у Чэчаневе да якога году вешалі калодкі?] Ой, ну, можа, да шасьцідзiesiąтых, так во гадоў. А тады меншэ стала такіх жанчын, каторыя... Тыя жанчыны ўжо састарыліся, а более маладыя ўжо па-другому... Ды й час быў такі, што... Ну, Масьленка-Масьленка, ужо не адзначалі яе так. А тады ўжо вазабнавілася гэта, наватнае, посьле семідзiesiąтых гадоў. Вазабнавілася, што сталі Дзень Зімы там правадзіць... Гэта ўжо ў семідзiesiąтых было, а тады бліжэ к васьмідзiesiąтым, во туды. Гэта замяніла, як бы здэвінула гэтыя святаы. [А тут у Абольцах Вам не казалі, да якіх гадоў гэты чурбан, калодку вешалі?] Яно ўсюдых прыкладна адзінакава, як у тым Чэчаневе, так і тут. Ну, тая самая Масьленка, ну, калодкі асталіся, катаньне гэта на санках – ну, тых санак мала стала. Ды і людзей ужо такіх, каторыя гэта падабалася, меней стала”³.

У в. Звянячы Талачынскага раёну спыненне цягання калодкі патлумачылі тым, што пастарэлі актыўныя ўдзельніцы абраду, а змены ім не знайшлося: “На ленту цаплялі баранкі, канфеты, дажа бутылку. Хто пападзеца на вуліцы... ну, давай яму калодку павесім. [А хто вешаў хадзіў?] Усе табуном, маладзёж. Яны па саседству дружнылі, напрымер, каторыя такія весёлыя, любілі пагуляць, папець, патанцаваць, сабіралісь, цапляют – і пашла гульня. А той ужэ аткупляецца, угашчае. [З калодкамі да якога году хадзілі?] Да семідзiesiąтага, можа, да васьмідзiesiąтых. [А чаго перасталі?] Пастарэлі. Эта нада завадатара такога”⁴.

³ Зап. А.І. Ляшкewіч у 2015 г. у в. Абольцы Талачынскага р. Віцебскай вобл. ад культработніцы Падбелскай (дзев. Булыга) Ганны Іванаўны 1954 г. н., нар. у в. Чэчанева Талачынскага р., у Абольцах жыве з 1975 г.

⁴ Зап. А.І. Ляшкewіч у 2015 г. у в. Звянячы Талачынскага р. Віцебскай вобл. ад Ермаковай (дзев. Сухадольская) Раісы Сцяпанаўны, 1934 г. н., нар. у в. Масюкі Аршанскага р. і яе дачкі Жураўлёвай Таццяны Анатоўлеўны, 1960 г. н., нар. у Звянячах, стала жыве ў Смаленску.

Там жа, у Звянячах, Р.С. Ермакова зазначыла, што не ўспрымае новаыя традыцыі святкавання Масленіцы як арганічныя для сваёй мясцовасці:

“[А касцёр палілі ў вас?] Палілі [А дзе палілі?] Там, дзе гулялі, напрымер. Выхадзілі ж куда-та... За дзярэўню. [Можа, чучала палілі?] Эта цяпер, эта саўсем другога”⁵.

Апісаныя працэсы былі характэрныя і для іншых рэспублік СССР, у прыватнасці, для Літоўскай ССР [10; 11].

Сусветныя тэндэнцыі ў падыходзе да традыцыйнай культуры часткова памянліся з прыняццем Канвенцыі ЮНЭСКа аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў 2003 г. Канвенцыя сцвярджае, што нематэрыяльная культурная спадчына, элементамі якой з’яўляюцца і каляндарныя абрады, “пастаянна ўзнаўляецца супольнасцямі і групамі ў залежнасці ад навакольнага ім асяроддзя, іх узаемадзеяння з прыродай і іх гісторыяй, і фарміруе ў іх пачуццё ідэнтычнасці і пераемнасці, садзейнічаючы тым самым павазе да культурнай разнастайнасці і творчасці чалавека” (артыкул 2.1) [12]. Такім чынам, Канвенцыя аддае перавагу мясцовым формам традыцыйнай культуры.

Істотным лічыла прыняцце Канвенцыі З.Я. Мажэйка. У той жа час яна пісала, што механізмы распрацоўкі “афіцыйных” мер па забеспячэнні жыццядзейнасці нематэрыяльнай культурнай спадчыны супярэчаць сплантаннай прыродзе аўтэнтычных творчых праяў [5, с. 121].

Рэспубліка Беларусь ратыфікавала Канвенцыю ЮНЭСКа аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў 2005 г. Тым не менш, работнікі культуры часта працягваюць працаваць з народнымі абрадамі ў рэчышчы фалькларызму. “Другаснымі формамі фальклору” ці “фалькларызмам” савецкія навукоўцы звалі пераасэнсаванне архаічнай традыцыі з храналагічнай, культурнай, або сацыяльнай дыстанцыі [13, с. 53]. Само паняцце “фалькларызм” прапанаваў у XIX ст. французскі фалькларыст Поль Себіё для пазначэння захаплення фальклорам у жыцці і мастацтве. Савецкі навуковец В. Жырмунскі вызначаў фалькларызм як “шырокую грамадскую з’яву, звязаную з грамадскай барацьбой вакол тлумачэння і выкарыстання фальклору ў рускай літаратуры і культуры”. Да сярэдзіны 1960-х гг. у сусветнай культуралогіі азначэнне фалькларызму замацавалася за самадзейнасцю як другаснымі (фэстывальна-сцэнічнымі) фальклорнымі формамі [5, с. 110–111].

Падыход у рэчышчы фалькларызму прыводзіць часцей за ўсё да страты абрадамі сакральнага сэнсу, зніжэння мастацкіх вартасцей іх правядзення, невыразнай мясцовай спецыфікі. Каляндарныя святаы ператвараюцца ў “абрадава-святочныя мерапрыемствы” [2, с. 156].

⁵ Гл. папярэдняю няску.

Захаванне і аднаўленне традыцыйнай абраднасці ў яе лакальных праявах варта разглядаць як забеспячэнне экалогіі культуры. Д.С. Ліхачоў пісаў, што захаванне культурнага асяродку – задача не менш істотная за захаванне асяродку прыроднага: “Калі прырода неабходная чалавеку для яго біялагічнага жыцця, то культурны асяродак гэтак жа неабходны для яго духоўнага, маральнага жыцця, для яго «духоўнай аселасці», для яго прыхільнасці да родных мясцін, для яго маральнай самадысцыпліны і сацыяльнасці”, “у экалогіі ёсць дзве часткі: экалогія біялагічная і экалогія культурная, або маральная” [14]. Пра экалогію традыцыйнай музычнай культуры пісала З.Я. Мажэйка: “Традыцыйная руральная культура экалагічна суадносіцца з «рукатворнай» матэрыяльнай культурай (пра якую ідзе гаворка ў Д. Ліхачова) і з экалогіяй непадзельнае з ёй прыроды” [5, с. 103].

Гэтыя пытанні хвалюць і сучасных малядых даследчыкаў. Т. Мармыш адзначае: “Носьбіт нематэрыяльнай культурнай спадчыны з’яўляецца кантактным звяном сацыякультурнага і натуральнапрыроднага пачаткаў праз эмацыянальную і дзейнасную сувязь паміж чалавекам і ландшафтам. Такая тапафілія акцэнтуюе ўнікальнасць прасторы і ўнікальнасць самаактуалізацыі чалавека ў ёй, разуменне самабытнасці культурнага ландшафту ў якасці рэсурсу, найперш, лакальнага развіцця, з чаго вынікае праблематыка экалогіі культуры як погляда на сучасную культуру ў кантэксце з традыцыйнымі каштоўнасцямі, народнай культурай, гістарычнымі каранямі, культурным ландшафтам” [15, с. 35].

Заклучэнне

Абрадава-святочныя мерапрыемствы з нагоды Масленіцы сёння праходзяць бадай што ў кожным горадзе раённага падпарадкавання і вышэй. Часцей за ўсё яны праводзяцца па сцэнарыях, заснаваных на метадычных дапаможніках савецкага часу. У вёсках імкнуча рабіць сцэнарыі такіх святкаванняў на аснове мясцовага матэрыялу, хоць неяк захоўваць лакальную спецыфіку. У аграгарадках часцей схіляюцца да гарадскога варыянту.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Эліаде, М.** Священное и мирское / М. Элиаде. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
2. **Кухаронак, Т. І.** Маскі ў каляндарнай абраднасці беларусаў / Т. І. Кухаронак. – Мінск : Ураджай, 2001. – 239 с.
3. **Шыбека, З.** Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002) / З. Шыбека. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. – 490 с.
4. **Санько, С. А.** Штудыі з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралёгіі / С. А. Санько. – Менск : БГАКЦ, 1998. – 190 с.
5. **Можейко, З. Я.** Экология традиционной народно-музыкальной культуры / З. Я. Можейко. – Минск : Беларуская навука, 2011. – 147 с.
6. Праздники и обряды в Белорусской ССР / В. К. Бондарчик [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1988. – 302 с.
7. **Васильев, А.** Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнородности / А. Васильев // *Фундаментальные проблемы культурологии* : в 7 т. Т. 6 : Культурное наследие: от прошлого – к будущему. – М.-СПб., 2009. – С. 56–68.
8. **Мармыш, Т. М.** Мемаратыўная і ідэнтыфікацыйная функцыі нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў глабалізацыйнай прасторы культуры XXI стагоддзя / Т. М. Мармыш // *Универсальное и национальное в культуре* : сборник научных статей / Белорусский государственный университет, Гуманитарный факультет. – Минск, 2012. – С. 92–99. – Рэжым дасягу: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/24361>. – Дата доступу: 16.03.2016.
9. **Эліаде, М.** Мифы современного мира. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Eliade/Mif_SovrMir.php 30.09.2015. – Дата доступу: 01.10.2015.
10. **Petrošienė, L.** Užgavėnės arba Žiemos palydų šventė sovietmečiu / Lina Petrošienė – Режим доступа: http://www.istorijoszurnalas.lt/index.php?option=com_content&view=article&id=533&Itemid=508. – Дата доступу: 16.03.2016.
11. **Šaknys, Ž.** Užėnės: a Rural and Urban, Religious, Socialist, and Lithuanian Festival of Shroventide / Ž. Šaknys // *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. Vol. 60. – Tartu, 2015. – p. 105–128.
12. Канвенцыя UNESCO аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны 2003 г. – Рэжым доступу: <http://livingheritage.by/Kanviencyja%20Ab%20achovie%20niemateryalnaj%20kulturnaj%20spadczyuny.pdf>. – Дата доступу: 16.03.2016.
13. **Чистов, К. В.** Народные традиции и фольклор / К. В. Чистов – Ленинград: наука, 1986. – 304 с.
14. **Лихачев, Д. С.** Экология культуры – Режим доступа: <http://hram-puchkovo.me-ga.ru/articles/98/>. – Дата доступу: 16.03.2016.
15. **Мармыш, Т. М.** Дзяржаўны спіс гісторыкакультурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь: да пытання метадалогіі / Т. М. Мармыш // *Аўтэнтчны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання (памяці антрапалага Зінаіды Мажэйкі)* : зборнік навуковых прац удзельнікаў IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 24–26 красавіка

2015 г.) / БДУКМ ; рэдкал.: В. Р. Языковіч
(адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУКМ, 2015. –
С. 34–36.

Паступіў у рэдакцыю 12.04.2016 г.
Кантакты: +375 29 748 61 41
(Ляшкевіч Алена Ігараўна)

**Liashkevich A.I. TRANSFORMING SHROVETIDE
CELEBRATION IN SOVIET TIMES.**

The changes in the calendar rituals and, in particular, in the celebration of Shrovetide by Belarusians in Soviet times are described in the article. An attempt to realize the changes at the local and global scale is made. The influence of the state cultural policy is considered in detail.

Key words: Shrovetide, rituals, festivals, calendar, USSR, cultural policy, folklorism.

УДК 94(476) (1921/1941)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ БЕЛАРУСИ ПО УЧЕТУ, РЕГИСТРАЦИИ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЮ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х гг. XX в.

Д. Н. Понуждаев
начальник факультета повышения квалификации и переподготовки кадров, Могилевский Институт МВД Республики Беларусь

В данной статье раскрывается деятельность органов милиции по учету, регистрации и документированию населения на территории Беларуси в первой половине 20-х гг. XX в. и освещаются организационно-правовые основы данной работы. Посредством изучения различных источников, показан процесс создания в органах милиции штатных подразделений, на которые возлагались функции по ведению персонального и статистического учета населения, а также описывается становление и развитие адресных столов.

Ключевые слова: рабоче-крестьянская милиция, учет, регистрация, документирование, удостоверение личности, адресный стол, паспорт.

Введение

На сегодняшний день отсутствуют работы, раскрывающие проводимую органами милиции работу по учету и регистрации населения, выдаче гражданам документов, удостоверяющих их личность в первой половине 20-х гг. XX в. Недостаточно полно раскрыт процесс становления паспортных (адресно-паспортных), адресных столов, на что, в частности, указывают некоторые исследователи истории милиции Беларуси [1, с. 7]. Если в трудах российских ученых эти вопросы находят отражение, то отечественные исследователи до настоящего времени к установлению порядка организации этой работы на территории Беларуси не обращались, выполняемые органами милиции функции должным образом не анализировались.

Основная часть

Рассматривая процесс документирования граждан и учета населения в первые годы после Октябрьской революции на территории современной Беларуси, следует учесть, что при установлении порядка документирования граждан и их персонального учета в значительной степени был заимствован опыт РСФСР.

После ликвидации в ноябре 1917 г. сословных привилегий и ограничений, установления принципа равенства всех граждан, осенью следующего года происходят изменения в порядке документирования населения. Практическая реализация статьи 18 первой Советской Конституции РСФСР от 10 июля 1918 года, опре-

делявшей обязанность граждан трудиться, воплощается декретом СНК от 5 октября 1918 г. "О трудовых книжках для нетрудящихся". Введенные взамен прежних документов, удостоверяющих личность, трудовые книжки становятся главной формой контроля за выполнением трудовых повинностей нетрудящимися элементами. Однако, наряду с трудовыми книжками продолжают существовать и другие документы.

В первые годы установления советской власти происходит закрепление за органами милиции функции по документированию и учету населения. В первом нормативном правовом акте, оформившем создание профессионального государственного органа охраны общественного порядка – Инструкции НКВД и НКЮ РСФСР "Об организации советской рабоче-крестьянской милиции" от 12 октября 1918 г., ставшей правовой основой создания и деятельности милиции в РСФСР и других республиках, к "предметам" ведения советской милиции начинает относиться "выдача в случаях, предусмотренных распоряжениями Центральной Рабоче-Крестьянской власти, удостоверений о личности, трудовых книжек и других удостоверений, справок и свидетельств" [2, с. 55]. Эта обязанность находит отражение и в последующих документах, регламентирующих задачи и функции рабоче-крестьянской милиции Белорусской ССР в 20-е гг. XX в.

В Беларуси, ставшей в 1917–1920 гг. ареной военных действий, интервенций и оккупаций, организация четкого персонального учета населения была проблематичной и создание в органах милиции штатных адресно-паспортных подразделений было возможным с наступлением мирного времени. К началу 20-х гг. XX в. относятся первые упоминания о наличии в структуре территориальных органов советской рабоче-крестьянской милиции подразделений, на которые возлагались функции по документированию, учету и регистрации (прописке) граждан. Однако, до середины 20-х гг. в штатном построении структурных подразделений органов милиции, отвечающих за документирование, учет и регистрацию населения, единообразия не было, о чем свидетельствуют сохранившиеся приемо-сдаточные акты дел от одного начальника другому по отдельным регионам республики [3].

Так, в одних регионах (Полоцк, Могилев) они именовались как адресно-паспортные столы, в других (Витебск, Слуцк) имелись отдельные адресные и паспортные столы. Изучение номенклатурных дел по Слуцкой окружной милиции свидетельствует, что документация по работе с паспортного стола велась с 1920 г. (имелись книги с документами о выдаче паспортов и свидетельств) и с 1921 г. – адресного стола (книги прихода и расхода домовых книг и явочных листов). На основании изложенного можно предположить, что в данном регионе первоначально

было создано подразделение, отвечающее за документирование граждан, а после – орган, отвечающий за регистрацию населения.

После завершения иностранной интервенции и гражданской войны, свертывание “военного коммунизма” и начала НЭПа вопрос о делении населения по трудовому и нетрудовому признакам теряет свое первоначальное значение, а принятый в 1922 г. Гражданский Кодекс вновь предоставляет право свободно селиться и переезжать с места на место [4].

По мнению Ю.Н. Кириченко обстановка в этот период начинает усугубляться тем, что в города, деревни и села возвращались люди, которых надо было трудоустроить, обеспечить жильем. Производственные, хозяйственные, трудовые, жилищные и торговые отношения требовали заключения договоров, соглашений и для этого гражданам необходимо было документально подтвердить свою личность. Имевшееся разнообразие документов становилось в этом серьезным препятствием в осуществлении гражданами своих прав во взаимоотношениях с государственными органами, учреждениями и частными лицами [5].

Одна из первых попыток унификации порядка документирования граждан в РСФСР предпринимается в ноябре 1920 г. и приказом № 11 Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД утверждается Инструкция о порядке выдачи паспортов и временных свидетельств. В соответствии с ней выдача паспортов и временных свидетельств возлагается исключительно на уездно-городские и уездные управления милиции. Всем другим учреждениям запрещалась выдача подобных документов, а виды на жительство, выданные другими учреждениями, считались недействительными и подлежали замене на паспорта, которые выдавались лицам, желавшим их получить [6]. Однако посредством данного мероприятия добиться желаемого результата не удается и в последующем, осознавая необходимость учреждения единого, удостоверяющего личность, документа. НКВД РСФСР в 1922 и начале 1923 г. проводит работу по разработке проектов положений об удостоверениях личности.

В этот же период и в БССР предпринимаются меры по установлению единой системы документирования граждан. 12 января 1923 г. Нарком внутренних дел БССР направляет в Главмилицию и исполкомам форму паспортов, которые необходимо было выдавать населению при соблюдении установленной формы. Право выдачи паспортов жителям г. Минска предоставлялось начальнику городской милиции, жителям уездных городов – начальникам уездных милиций, местечек и сельских местностей – волостным исполкомам. Указывалось, что никакие другие учреждения не имели право выдачи “видов на жительство”. Предписыва-

лось при выдаче паспортов производить только канцелярский сбор и сборы, которые предусматривались Уставом о гербовом сборе [7].

Форма паспорта, выдаваемого управлением Минской городской советской рабоче-крестьянской милицией, в этот период представляла из себя отпечатанный типографским способом бланк, в котором на белорусском и русском языках вносились следующие данные о владельце: а) имя, отчество, фамилия; б) время рождения; в) место постоянного жительства; г) место прописки; д) состоит или состоял в браке; е) отношение к отбыванию воинской повинности; ж) социальное положение; з) подпись владельца паспорта; и) если владелец неграмотный, то его приметы; к) рост; л) цвет волос; м) особе приметы; н) лица, внесенные в паспорт как находящиеся на иждивении. Заверялся паспорт печатью и подписями начальника и заведующего паспортным (адресно-паспортным, паспортно-адресным) столом Минской городской милиции [8]. Паспорт, как основной вид документа, удостоверяющий личность гражданина, был и в Мозыре [9].

Если для гражданина необходимость иметь документ, удостоверяющий его личность, нужна была для реализации своих возможностей в хозяйственной, трудовой, торговой и других сферах, то для государства введение механизма учета и регистрации населения являлось способом более эффективной организации налогообложения, проведения различных трудовых кампаний, мобилизаций населения в военное время. Своевременная регистрация прибывающих в города была призвана противодействовать заезжему преступному элементу, являлась предпосылкой большей вероятности раскрытия преступлений. Процесс установления системы документирования граждан и внедрение института регистрации (прописки) граждан в городах развивались практически параллельными курсами. Наряду с попытками учреждения единого документа личности, в начале 20-х гг. XX в. предпринимались меры по регламентации порядка учета населения и его регистрации. Выполнение этой задачи возлагалось на создаваемые адресно-паспортные, адресные столы.

Согласно сведениям, содержащимся в “Кароткам нарысе гісторыі міліцыі Беларусі”, в июне 1921 г. в структуре волостных и городских милиций уже имелся адресный стол, а в 1922 г. налаживается работа “адресна-пашпартных сталоў: робіцца перарэгістрацыя насялення, былі ўведзены новыя дамовыя кнігі, узмацнен нагляд за сваячаснай прапіскай насялення” [10, с. 49, 78]. В ноябре 1921 года адресный стол имелся в структуре Могилевского уездно-городского управления милиции и состоял из заведующего адресным столом и двух регистраторов (переписчиков) [11].

Следует отметить, что отсутствие в первой половине 20-х гг. нормативно-правового регулирования порядка учета и регистрации населения подталкивало органы власти на местах к разработке локальных актов по этому вопросу. В некоторых регионах принимали собственные инструкции по учету и регистрации населения. Таким примером является инструкция Гомельской губернской милиции, датирующаяся второй половиной 1921 г., в которой был определен порядок учета населения [12].

В соответствии с ней домовладельцы, арендаторы домов, управляющие и коменданты государственными (казенными и муниципализованными) домами и железнодорожными постройками, а также граждане, занимавшие отдельные квартиры, обязаны были о каждом прибывшем и выбывшем лицах сообщать (а именно – доставить адресный листок установленной формы вместе с домовыи книгой и видом на жительство для прописки гражданина) в отделение милиции в течение 24 часов, содержатели гостиниц, меблированных комнат, постоянных дворов и т. д. – в течение 12. Домовые книги предписывалось приобретать в отделениях милиции и вести их в соответствии с инструкцией.

Регистрации подлежал каждый прибывший. В случаях не предъявления приезжим лицом вида на жительство, информация об этом должна была вноситься в адресный листок и домовую книгу. Ответственность за проверку правильности и аккуратности ведения записей в домовых книгах, своевременность представления адресных листов возлагалась под личную ответственность начальников отделений милиции. Начальники районов обязаны были периодически осуществлять обходы домов и задерживать лиц до установления их личности. Сверка записей домовых книг с фактическим количеством проживающих опять же вменялась в обязанности милиции, а также председателей и секретарей улличкомов. При выявлении нарушений инструкции должен был составляться протокол, и лица, допустившие нарушение, подлежали денежному штрафу от 100 рублей или аресту. Граждане, не указанные в домовых книгах, задерживались до установления их личности. Наложение органами милиции взыскание приводилось в исполнение в срок не позднее трех дней.

В 1923–1924 гг. посредством созданных адресных столов проводилась перепись населения [10, с. 99], при этом инициатива органов милиции на местах по налаживанию порядка в учете и регистрации населения обуславливалась в первую очередь необходимостью более эффективной борьбы с преступностью.

В первой половине 20-х гг. XX в. помимо переписи, практиковалась и такая форма проверки фактической численности населения

как переучет. Так, в соответствии с приказом Мозырского уездного исполкома в период с 25 октября по 10 ноября 1923 г. был проведен переучет всех жителей города. Следуя приказу, основной целью данного мероприятия являлась борьба со всеми видами преступлений и “вылавливание преступного элемента”. Все домовладельцы, содержатели гостиниц, заезжих домов обязаны были перерегистрировать в адресном столе всех жильцов и квартирантов, прибывающих и убывающих. По истечении срока регистрации предписывалось провести проверки и в случае выявления нарушений виновные подлежали денежному штрафу до 300 рублей золотом или принудительным работам без лишения свободы на срок до 3-х месяцев [13].

Новый этап в порядке документирования граждан в РСФСР наступил в 1923 г., когда 20 июня этого года Декрет ВЦИК и СНК РСФСР “Об удостоверении личности”, введший с 1 января 1924 г. удостоверения личности и аннулировавший все прежние документы, дающие право на передвижение. Несмотря на то, что опыт по введению удостоверений личности был заимствован рядом союзных республик, в БССР этот опыт сразу не был перенят. Сделано это было спустя год после укрупнения территории республики, когда 20 июня 1924 г. Президиум ЦИК БССР, практически дословно переписав Декрет ВЦИК и СНК РСФСР 1923 г., принял постановление под таким же названием [14]. Тогда же была утверждена и Инструкция НКВД о порядке проведения в жизнь постановления об удостоверении личности [15].

Установленная форма удостоверения личности была аналогичной РСФСР и включала следующие сведения: фамилия, имя, отчество владельца; год, месяц и число рождения; место постоянного жительства; род занятий (основная профессия); отношения к отбыванию воинской повинности; семейное положение; перечень несовершеннолетних детей, внесенных в документ родителей. В отступление от общего правила на несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет могли быть выданы отдельные удостоверения личности, но только по просьбе родителей или заменяющих их лиц, а при отсутствии родителей – по просьбе самих несовершеннолетних. Удостоверение личности выдавалось на срок не более трех лет. По желанию получателя в документе могла быть наклеена фотокарточка. Получение удостоверения личности являлось не обязанностью, а правом граждан и его отсутствие не влекло никаких правовых последствий.

В дополнение и развитие декрета “Об удостоверении личности” 28 апреля 1925 г. СНК РСФСР принял декрет “О прописке граждан в городских поселениях”, чем было положено начало организации учета передвижения на-

селения в городах. Декрет предписывал вменить в обязанность каждого лица, прибывшего в город на срок свыше трех суток, сообщить об этом домоуправлению дома, гостиницы. Домовое управление, домовладелец или арендатор дома были обязаны в течение сорока восьми часов внести сведения о прибывшем в домовую книгу и зарегистрировать запись в соответствующем отделении милиции.

В этот период, наряду с унификацией порядка документирования граждан начинают появляться документы, регламентирующие деятельность адресных столов. По примеру РСФСР, приказом НКВД БССР № 145 от 10 ноября 1924 г. объявляется Положение об адресных столах в Белорусской ССР. Основным предназначением адресных столов являлось ведение точной регистрации и учета населения в городах и выдача адресных справок государственным учреждениям и частным лицам. Адресные столы учреждались при окружных управлениях милиции и подчинялись непосредственно начальнику милиции. На заведующего столом возлагалось общее руководство работой. В функции регистраторов входила укладка поступающих адресных и розыскных листов в алфавитном порядке, сверка принимаемых домовых книг с листками прибывших и убывших, а также хранение листов в строго алфавитном порядке, выдача справок.

Листки на убывших из города подлежали хранению в течение двух лет. Розыскные листки заводились в адресных столах по требованию ГПУ, уголовного розыска и милиции, а также судебно-следственных органов, которые имели особый цвет и хранились до тех пор, пока не устанавливалось местонахождение лица или отпадала надобность его розыска. Окрисполком устанавливались сборы за домовые книги и адресные справки. По поступившим сборам заведующий столом не реже одного раза в неделю отчитывался перед хозяйственным отделением окрмилиции, а последнее – перед окрисполкомом. Прописочный сбор сдавался в кассы НКФ и зачислялся в доход местных средств в распоряжение ЦИК. В дополнение к этому положению 3 ноября этого же года была разработана Инструкция о правилах технического пользования аппаратами в адресно-паспортных столах [16].

С переходом республики на новое административно-территориальное деление и образованием округов, районов и укрупненных сельских советов на основании постановления 2-й сессии ЦИК БССР VI созыва от 17 июля 1924 г. создаются окружные исполнительные комитеты. При нем, согласно утвержденному положению, образуются окружные управления милиции и уголовного розыска, подчиненные президиуму окрисполкома. В структуре управления учреждается адресно-паспортный стол

в обязанности которого входили регистрация и учет населения в городе, выдача адресных справок учреждениям и частным лицам, удостоверений личности, ведение денежной отчетности по прописочному сбору [17].

Архивные документы свидетельствуют, что с середины 20-х гг. органы милиции продолжают осуществление учета движения населения. Например, в объявленной схеме трехмесячного доклада о состоянии и деятельности окружной милиции, утвержденной приказом ГУРКМ и УР № 1 от 2 января 1926 г., раздел 4 касался адресно-паспортного стола. Согласно ей доклад должен был содержать сведения об учете населения, цифровые данные о работе паспортного стола (движение населения и количество выданных свидетельств и паспортов), указывались "затруднения, встречающиеся в взыскании прописочного сбора" [18]. С мая 1926 г. Главное управление рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска БССР переходит к ежеквартальному обобщению сведений о движении населения [19].

Заключение

Таким образом, в первой половине 20-х гг. XX в. происходит процесс создания в органах милиции штатных подразделений, на которые возлагались функции по осуществлению учета, регистрации и документированию населения. Проводимая органами милиции работа в этих направлениях способствовала борьбе с преступностью и розыску лиц, скрывавшихся от правосудия, содействовала решению задач по ведению персонального, статистического и воинского учета, а также позволяла отслеживать миграционные процессы в обществе. В процессе этой работы сотрудниками милиции был получен полезный практический опыт в части организации работы по документированию и учету населения, который в последующем пригодился при создании общесоюзной паспортной системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. История органов внутренних дел Беларуси : курс лекций / А. Ф. Вишневецкий [и др.] ; под ред. А. Ф. Вишневецкого ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования "Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь". – Минск : Акад. МВД, 2010. – 218 с.
2. Милиция Беларуси. Документы и материалы (1917–2007): Акад. М-ва внутр. дел Респ. Бел. ; сост.: К. И. Барвинок [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 352 с.
3. Акты приема-передачи дел и имущества уездных, уездно-городских и окружных милиций вновь назначенным начальникам, списки сотрудников Калининской окружной милиции, Витебской, Мстис-

- лавской и Рогачевской уездно-городских милиций 01.03.–16.12.1924 // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 35. Оп. 1. Д. 445. Л. 36, 40об, 204, 336, 401, 404, 406, 413, 421–422, 529, 529об, 531, 533, 534, 536, 630, 653, 653об, 654.
4. **Граевский, В. И.** Удостоверения личности и прописка граждан / В. И. Граевский // Админ. вестн. – 1927. – № 1. – С. 39–45.
  5. **Кириченко, Ю. Н.** Организационно-правовые основы функционирования паспортной службы советской милиции в предвоенный период и годы Великой Отечественной войны: 1932–1945 гг. [Электронный ресурс] / Ю. Н. Кириченко. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/teoria-prava/organizacionno-pravovye-osnovy-funkcionirovanija-pasportnoj-sluzhby-sovetskoj.html>. – Дата доступа: 20.05.2014 г.
  6. Нормативные акты о строительстве и деятельности советской милиции 1917–1920 гг. / под ред. Л. Н. Гусева. – М., 1968 – 177 с.
  7. Циркуляры НКВД и Главмилиции БССР, приказы коменданта г. Минска 22.12.1922 – 29.12. 1923 г. // НАРБ. – Ф. 35. Оп. 1. Д. 315. Л. 95.
  8. Паспорта и удостоверения личности граждан, выписки из метрических книг на буквы “Д” и “Е” 01.04.-01.07.1925 // Государственный архив Минской области (ГАМин). – Ф. 400. Оп. 1. Д. 79. Л. 72, 74, 88, 315.
  9. Циркуляры НКВД и Главмилиции БССР, приказы коменданта г. Минска 22.12.1922 – 29.12. 1923 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 35. Оп. 1. Д. 315. Л. 14.
  10. Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі (1917–1927 гг.). / Крэйнін [і інш.]. – Менск : Галоуплітбел, 1927. – 228 с.
  11. Приказы по Могилевской умилиции // Государственный архив Гомельской области (ГАГом). – Ф. 159. Оп. 1. Д. 199. Л. 302.
  12. Приказ и инструкция губмилиции по учету населения и выписки из протоколов заседаний президиума губисполкома 01.07.–21.12.1921 // ГАГом. – Ф. 159. Оп. 1. Д. 316. Л. 23–23об.
  13. Переписка с НКВД БССР, Центральной комиссией по улучшению жизни детей при ЦИК БССР, уездно-городскими милициями об оказании содействия в распространении марок и увеличении материальных ресурсов для оказания помощи больным и беспризорным детям, организации занятий по изучению белорусского языка сотрудниками милиции, реорганизации уголовно-розыскных отделений 21.11. – 25.12.1923 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 35. Оп. 1. Д. 405. Л. 57.
  14. Об удостоверениях личности: Постановление Президиума ЦИК БССР, 20 июня 1924 г. // Собр. узаконений и распоряжений рабоче-крестьян. правительства. – 1924. – № 8. – Ст. 91.
  15. Инструкция НКВД о порядке проведения в жизнь постановления об удостоверении личности: Постановление Президиума ЦИК БССР, 20 июня 1924 г. // Собр. узаконений и распоряжений рабоче-крестьян. правительства. – 1924. – № 8. – Ст. 100.
  16. Сборники приказов Управления милиции и уголовного розыска БССР №№ 1–4 за 1924 год // НАРБ. – Ф. 35. Оп. 1. Д. 464. Л. 57об – 59.
  17. Историко-архивная справка к фонду “Управление рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска исполнительного комитета минского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1923–1930 гг. // Государственный архив Минской области (ГАМин). – Ф. 400. Л. 1–3.
  18. Циркуляры окружных милиций 19.01. – 20.12. 1926 // НАРБ. – Ф. 35 Оп. 1. Д. 534. Л. 4.
  19. Сведения адресно-паспортных столов окружных милиций о движении городского населения за январь-декабрь 1926 год // НАРБ. – Ф. 35 Оп. 1. Д. 540 Л. 70, 72.
- Поступила в редакцию 23.09.2015 г.
Контакты: +375 222 24 23 67
(Понуждаев Дмитрий Николаевич)
- Ponuzhdaev D.N. IDENTIFICATION, REGISTRATION AND DOCUMENTATION OF POPULATION BY MILITIA IN THE EARLY 1920s.**
- The article deals with the activities of the militia on the registration and documentation of the population on the territory of Belarus in the first half of the XX century and highlights the institutional framework of this work. The study of various sources has enabled the author to show the process of creating full-time militia units (entrusted with the responsibility to carry out personal and statistical recording of the population) and to describe the formation and development of register offices.*
- Key words:** workers'-peasants' militia, registration, documenting, identity card, address bureau, passport.

УДК 904:728.81.05(476.4) + 904:725.963.3(476.5)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЙ ШКЛОВСКОГО ЗАМКА И БАСТИОННОЙ КРЕПОСТИ

У д. МИТЬКОВЩИНА

(по данным раскопок 2014 г.)

И. В. Спирин

магистр исторических наук,
Институт истории НАН Беларуси (г. Минск)

В данной статье рассматриваются некоторые детали укреплений двух бастионных крепостей – Шкловского замка в Рыжковичах и крепости у д. Митьковщина Оршанского района Витебской области. Обе крепости построены по голландскому типу. Автор делает упор на описании элементов укреплений, обследованных им в ходе собственных раскопок летом 2014 г.

Ключевые слова: Шклов, Митьковщина, бастионная система укреплений, бастионная крепость, вал, ров, бастион, профиль укреплений.

Введение

До сих пор точно неизвестно, когда впервые в мировой истории была применена осадная артиллерия. Считается, что к 1340 г. англичане, скорее всего, уже обладали неким пушечным арсеналом [1, с. 33]. Так, при осаде Кале Эдуард III уже использовал бомбарды, которые, однако, не смогли оказать решающего влияния на исход операции, так как в итоге город был сдан из-за голода, вызванного длительной осадой [2, с. 63]. Прогресс не стоял на месте, и к концу XIV в. пушки стали практически обязательным атрибутом любой западноевропейской армии [2, с. 68]. Появление на полях сражений западной Европы осадных орудий, использующих порох, ознаменовало начало новой эпохи в истории всего военного дела, в том числе и военной архитектуры. Средневековые каменные замки с высокими стенами и башнями постепенно уступили место приземистым бастионным крепостям. Считается, что концепция бастионной системы фортификации в общих своих чертах была окончательно сформулирована к началу XVI в. [3, с. 55], а на территории Беларуси первые бастионные крепости начали возводиться уже со второй половины XVI в.

Стоит отметить, что данная фортификационная система развивалась не линейно. Так, существовало, зачастую параллельно, сразу несколько направлений, в рамках которых развивались национальные школы и школы конкретных военных инженеров. Несмотря на различия, все они стремились к одной цели – как можно лучше защититься от современных им средств и тактик осады сообразно собственным возможностям (в рамках идеи бастионного фронта). Во избежание недоразумений, отметим сразу, что автор данной статьи далек

от мысли о существовании местной, белорусской школы бастионной фортификации, с присущими только ей яркими своеобразными чертами. В тоже время нельзя не признать, что некоторые особенности возводившихся на территории Беларуси бастионных крепостей могут указывать на отличия, иногда существенные, от западноевропейских бастионных крепостей, по образцу которых их возводили. Более того, многие крепости, или, как их принято называть в отечественной историографии – замки, имеющие элементы бастионного фронта, вообще нельзя строго относить к бастионным. Такие фортификационные объекты скорее следует отнести к обширной группе памятников с элементами бастионной фортификации.

В связи со слабым уровнем изученности темы бастионной фортификации в отечественной научной литературе неминуемо возникает проблема терминологии. Письменные источники содержат в себе достаточно много названий фланкирующих выступающих построек – “башты”, “редуты”, “быки”, “туры”, “больверки”, “выводы” и т. д. Не все из них в нашем представлении подходят под определение “бастион”. В данной статье под “бастионом” мы подразумеваем выступающее из общего фронта фланкирующее его сооружение с прямыми гранями, размеры которого должны быть достаточными для размещения на нем нескольких крупнокалиберных артиллерийских орудий (батареи).

Рассматриваемые в данной статье памятники – Шкловский замок и крепость у д. Митьковщина Оршанского района мы относим к объектам бастионной фортификации.

Основная часть

Крепость “Шкловский замок”. Прежде всего, история Шклова и его укреплений уникальна тем, что за время своего существования город дважды переносился на новое место [4, с. 107]. Хронологически это можно представить следующим образом. 1. Старый Шклов (городище Городок у дд. Старый Шклов и Хотимка) на р. Серебрянке просуществовал до конца XVI в. 2. Вторая половина XVI–XVIII вв. – вновь сооруженные сначала замок, а затем и укрепления места Шкловского, примыкающие к замку на берегу Днепра при впадении в него р. Серебрянки (южная окраина современного Шклова). 3. Новый Шклов (территория современного Шклова) – построен в конце XVIII в.

Со второй половины XVI в. какое-то время параллельно существовали два Шклова. Так, в исторических документах 1570-х гг. фигурируют “Старый Шклов” и “место Шкловское”. Перенос Шклова на расстояние в 4 км, к устью р. Серебрянки при ее впадении в р. Днепр, связывают, в том числе, со стремлением шляхты контролировать ведущие водные пути.

Новый замок был построен в 2,3 км южнее центра современного Шклова. По материалам раскопок О.Н. Левко, время возведения замка датируется второй половиной XVI в. [4, с. 107–108].

Сам замок представляет собой классическую, четырехугольную в плане бастионную крепость (рис. 1). Длина его куртин¹ колеблется от 80 до 100 м. Система искусственных водяных рвов и запруд делала замок со всех сторон окруженным водой. Судя по спутниковым снимкам, восточные бастионы были несколько больше западных по размеру. Из-за плохой сохранности объекта говорить что-либо определенное о размерах бастионов, высоте валов, глубине и ширине рвов не представляется возможным (для староголландской системы фортификации, к которой условно можно отнести данную крепость, характерна высота валов не более 6 м [3, с. 61]).

замковой площадки. Первый, ранний этап, характеризуется деревянными постройками, иногда на каменном фундаменте, которые отпливались глинобитными печами с горшковыми изразцами. Второй этап начинается со второй половины XVII в., когда на территории замчища появляются кирпичные строения с застекленными окнами и разнообразными изразцовыми печами. Что касается валов крепости, то установлено, что в своей основе они имели деревянные конструкции, а на гребне вала располагались деревянные стены [4, с. 108]. В центре замковой площадки О.Н. Левко были обнаружены остатки известной по инвентарю 1661 г. деревянной башни на каменном фундаменте, которая сгорела во время пожара в 1690 г. [5, с. 118–122]. Еще одно каменное (кирпичное) основание башни, размером 5 на 5 м, было обнаружено на углу юго-западного бастиона. Оно датируется второй половиной XVII в. Под ним

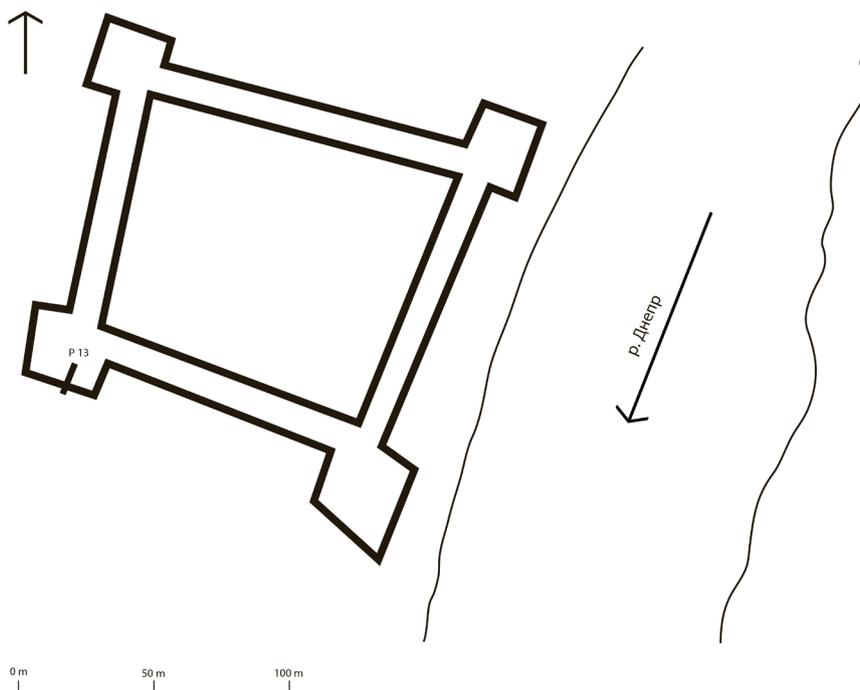

Рис. 1. План Шкловского замка

С 2002 г. археологическим изучением памятника занимается О.Н. Левко. Благодаря этому нам довольно много известно о внутренней планировке замка и этапах его застройки. Так, опираясь на данные, полученные главным образом в ходе археологических раскопок, ученой определено, что замок функционировал, начиная со второй половины XVI в. до второй половины XVIII в. Установлено два этапа, в ходе которых производилась застройка территории

находились еще два уровня таких же площадок, сложенных из брускового кирпича, которые хронологически отнесены О.Н. Левко ко второй половине XVI и первой половине XVII в. Примечательно, что между всеми тремя площадками зафиксированы следы горелого дерева и кирпичный бой – свидетельство того, что башня была сожжена дважды [5, с. 118–122]. Помимо этого О.Н. Левко точно определила месторасположение двух въездных ворот (брам): “старой” (первоначальной), и “новой” (построенной

¹ Отрезок стены или вала, соединяющий бастионы.

в XVII веке со стороны появившегося укрепленного “места”). “Старая” брама располагалась в южной куртине, недалеко от юго-западного бастиона, и очевидно, была надежно им прикрита. “Новая” была построена в восточной куртине, примерно на середине ее длины [6, с. 64–66].

Несмотря на то, что Шкловский замок является достаточно хорошо изученным, многое остается неизвестным. Помимо прочего, это касается и некоторых деталей его оборонительных сооружений, а также этапов их строительства, что диктует необходимость дальнейшего изучения памятника.

Осмотр остатков крепостных укреплений на местности продемонстрировал их крайне плохую сохранность. Видимые элементы укреплений сильно оплыли, потеряли свою форму, в некоторых местах повреждены. Водяные рвы высохли и запылились. Как уже говорилось, памятник расположен на самом берегу Днепра, что напрямую отразилось на его плохой сохранности – уже в XVIII в. исторические документы фиксируют случаи подтопления города и печального состояния замка [7, с. 206].

Летом 2014 г. автором данной статьи было проведено археологическое изучение склона одного из бастионов. Раскоп (№ 13, 6 квадратов, 24 м²) был ориентирован перпендикулярно южному фасаду² бастиона и вытянут с юга на север. Целью заложения раскопа было установление внутренней структуры бастиона и прилегающего к нему участка рва. В квадратах 1-4 и частично 5 фиксировался бастион, а в квадратах 5-6 – прилегающие к нему ров и берма³.

Стратиграфия раскопа в целом не является сложной. *Верхний гумусированный слой темно-серого цвета* фиксируется на всей площади раскопа – в данном слое выявлена керамика XVI–XVIII вв. Под ним начинается *слой светло-коричневого суглинка*, который в квадратах 5-6 доходит до основания раскопа. Толщина слоя колеблется от 25 см в квадратах 2-3 и 70–100 см в квадрате 4, до 1,2–1,5 м в квадратах 1 и 5. Данный слой крайне беден находками, которые сконцентрированы в основном в квадрате 6. В квадратах 5 и 6 данный слой разделяется *слоем темно-синей глины*, образовавшимся, по-видимому, в результате подъема воды изо рва до этого уровня. Именно в этом слое глины найдено достаточно большое количество артефактов. В квадратах 5 и 6 верхний гумусированный слой и слой суглинка также разделены *темной зольно-угольной прослойкой*.

² Классический бастион имеет пятиугольную форму – тыльная часть бастиона, обращенная к крепости, называется “горжа”, стороны бастиона, фланкирующие подступы к куртине называются соответственно “фланками”, а стороны, обращенные в поле – “фасадами”.

³ Узкая площадка, разделяющая земляную насыпь или стену и ров.

Скорее всего, пожар, в ходе которого она образовалась, относится не ранее, чем к середине XVII в.

Под гумусированным слоем и слоем светло-коричневого суглинка в квадратах 1-4 и частично 5 фиксируется *слой красной глины*, выполнявшей роль наружного скелета укреплений. Его толщина везде примерно одинакова и редко где выходит за рамки 60–80 см. Под глиной залегают *слои песка*, абсолютно лишённого каких бы то ни было находок, который послужил основным строительным материалом при возведении бастиона. Слой красной глины представлял собой часть изначального укрепления Шкловского замка второй половины XVI – первой половины XVII в.

В квадратах 5-6 у основания раскопа были зафиксированы *деревянные конструкции*, имеющие отношение к укреплениям замка. Так, деревянный часток разделял насыпь бастиона и берму. Бревна частокола вкопаны вплотную друг к другу и были ориентированы по линии запад-восток. Далее, примерно в 1,5 м южнее от частокола был зафиксирован плетень. По видимому, его назначением было противостоять подмыванию бермы водой изо рва. Плетень шел параллельно частоколу.

Весь комплекс полученных в ходе раскопок артефактов датируется XVI–XVIII вв. Это фрагменты изделий из глины (столовых и кухонных горшков, мажор, мисок, тарелок, кувшинов, рынок, сосудов для питья, печных изразцов), несколько предметов из стекла, монет и других изделий из металла.

За редким исключением, практически все обнаруженные печные коробчатые изразцы – терракотовые, имеют растительный рельефный орнамент, на некоторых имеются латинские буквы, что свидетельствует об их принадлежности к геральдическим.

К группе довольно редких находок можно отнести фрагмент фляги. Она имеет плоскую овальную форму с узким коротким горлышком и покрыта зеленой глазурью. На лицевой поверхности нанесен орнамент в виде неправильных концентрических кругов, повторяющих ее очертания. Фляга может датироваться XVII в. Выделяются из общей массы керамики стенка сосуда, покрытого изнутри и снаружи зеленой глазурью, имеющая розеткообразный налепной декор более темного цветового тона, и массивная ручка с двумя рядами пальцевых вдавлений по краям. Эти фрагменты могут быть частями одного кувшина, аналогия которому имеется в оршанских материалах XVII в. [8, с. 72]. Также среди находок выделяется небольшой кубочек для питья. Он имеет ручку и покрыт снаружи коричневой глазурью.

Таким образом, в ходе раскопок было установлено внутреннее строение “бастионного” сооружения и некоторые технические детали, которые позволяют сделать его приблизительную реконструкцию (рис. 2).

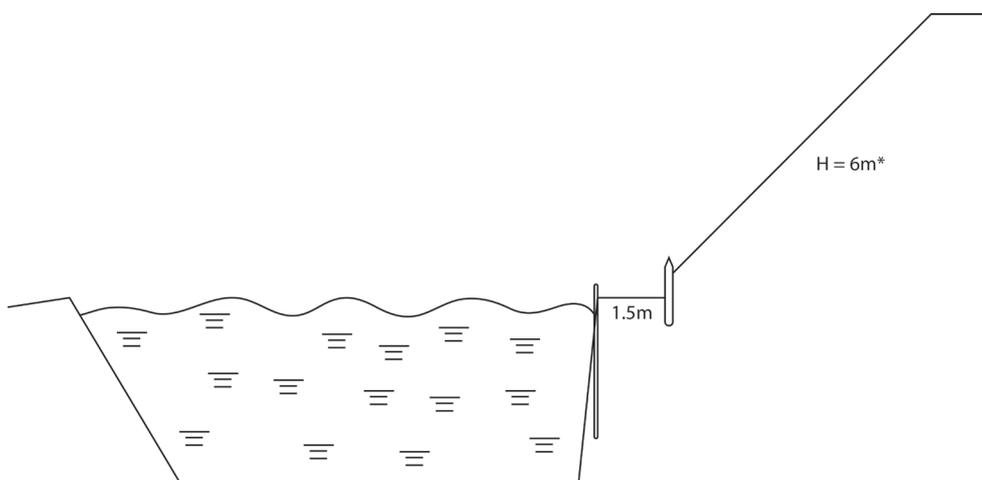

Рис. 2. Реконструкция профиля юго-западного бастиона Шкловского замка

Обращено внимание, что материалы раскопок косвенно указывают на то, что на момент постройки в середине XVI в. Шкловский замок вряд ли относился к бастионным, а выступающие фланкирующие насыпи на его углах – к классическим бастионам (для удобства восприятия мы будем называть их “протобастионы”). В данной публикации мы не будем разбирать этот тезис подробно, а отметим лишь его основные моменты.

Время возведения Шкловского замка – середина XVI в. Считается, что одним из первых именно бастионных замков, построенных на территории Беларуси, является Заславльский замок, время возведения которого датируется как раз серединой XVI в. [9, с. 81–82]. Две длинные куртины и прикрывавшие их пиата⁴-формы позволяют условно отнести его к староитальянской школе фортификации. Бастионные крепости условно староголландского типа стали возводить здесь несколько позднее. Скорее всего, первоначально Шкловский замок имел подпрямоугольную форму с выступающими фланкирующими насыпями на углах. Без проведения специальных раскопок трудно сказать, какими были их форма и размеры.

Инвентарь, датируемый 1643 г., дает краткое описание Шкловского замка и не содержит сведений о городских укреплениях, чем косвенно свидетельствует об их отсутствии. В описании замка какие-либо фланкирующие постройки не указаны. В инвентаре от 1650 г. прямо говорится о том, что “паркан” вокруг города построили в период с 1648 по 1650 гг.

⁴ Полукруглая фланкирующая постройка, примыкавшая к стене на середине ее длины между двумя бастионами. Уровень боевой площадки пиата-формы был ниже стены, что должно было давать возможность легко обстреливать ее в случае захвата противником. Характерна только для староитальянской бастионной системы.

и приводится его детальное описание. Среди прочих фортификационных приспособлений фигурирует термин “редута”. Описание замка, как и в предыдущем инвентаре, очень короткое, однако тут, в отличие от инвентаря 1643 г. упоминается “редута, окруженная прислоном и парканом” [10, с. 8–10].

Слой песка и перекрывающей его глины практически стерильны. Залегавшие стратиграфически над ними слой суглинка и гумусированный слой, напротив, содержали в себе большое количество артефактов XVI–XVII вв. Возможно, это явилось следствием того, что при строительстве городской линии укреплений были проведены и работы по модернизации замка (хронологически совпадает со вторым этапом застройки замковой площадки, выявленным О.Н. Левко). В данном конкретном случае они заключались в увеличении насыпи т. н. “протобастионов” и превращении их в бастионы за счет отсыпки на них культурного слоя с замковой площадки и прилегающих к замку территорий.

Основным строительным материалом при возведении “протобастионов” Шкловского замка послужили песок и глина. Сыпучий и мягкий песок был перекрыт обожженной красной глиной, выполнявшей роль наружного скелета укреплений и не дававшей песку расползаться. Насыпь “протобастиона” XVI в. была ограничена, и защищена вертикально вбитыми деревянными сваями, которые отделяли ее от бермы. Судя по стратиграфии профилей раскопа № 13, в XVI в. нижний край склона “протобастиона” не соединялся с бермой, а нависал над ней, образуя своеобразную ступеньку. На наш взгляд эта ступенька не должна была быть очень высокой – в противном случае берма становится слепой зоной, в которой можно укрыться. В свою очередь берма отделяла насыпь “протобастиона”

от водяного рва, защищая ее, наряду с дубовыми сваями, от размывания и сползания в ров. Учитывая особенности внутреннего строения “протобастиона” (песчаное ядро) это было отнюдь не лишней мерой. Сама берма была защищена от воды плетнем, который, надо полагать, прикрывал если и не всю, то большую часть эскарпа⁵ рва.

В середине XVII в. Шкловский замок был модернизирован и приобрел конфигурацию, характерную для бастионных крепостей староголландского типа. Вероятнее всего, его бастионы сильно отличались друг от друга по размеру. Наиболее крупными были восточные бастионы. Размеры двух западных бастионов в настоящий момент не установлены, да и вряд ли уже это возможно. Тем не менее, беря во внимание крайне плохую сохранность всего фортификационного комплекса, нам представляется, что их размеры были достаточными для того, чтобы назвать их именно бастионами, а Шкловский замок в целом – бастионной крепостью.

Бастионная крепость “Митьковщина” находится на юго-западной окраине современной деревни Митьковщина Андреевского сельсовета Оршанского района Витебской области. Крепость расположена на берегу р. Неговки – правого притока Днепра. Она имеет правильную четырехугольную форму и представляет собой систему из трех бастионов, куртин и рвов (рис. 3). На сегодняшний день об этой крепости

практически ничего не известно – ни как она называлась, ни кому принадлежала. Остается открытым и вопрос о времени возведения крепости. Обнаруженные нами в ходе раскопок образцы керамики второй половины XVI в. (см. ниже) позволяют выдвинуть предположение, что крепость могла быть построена именно в это время.

По сведениям Л.Д. Поболя, в научной литературе памятник известен с 1873 г. Им же сообщается, что в 1966 г. обследование памятника проводили К.П. Шут, в 1971 г. – Л.Д. Поболь, в 1981 г. – М.И. Лошенко. Остатки укреплений были тщательно обмерены, план замчища и данные обследований опубликованы [11, с. 104]. По мнению Л.Д. Поболя, в целом памятник датируется XIV–XVIII вв. [11, с. 104]. Сбор подъемного материала в ямах, вырытых в хозяйственных целях на площадке памятника, в 2002 г. провел Р. Лихошапка. Выявленный материал – керамику, печные изразцы, кирпич-пальчатку исследователь датировал XVI–XVII вв. [12, с. 117].

Можно с уверенностью сказать, что, несмотря на свою неизвестность, крепость у д. Митьковщина является эталонным памятником бастионной фортификации Оршанско-Могилевского Поднепровья. Неясно, почему крепость защищалась только тремя бастионами. По всем канонам их должно было быть четыре. Площадки всех трех бастионов приподняты над гребнями куртин на 1–2 м. Длина куртин составляет в среднем 100 м. Вероятно, в силу особен-

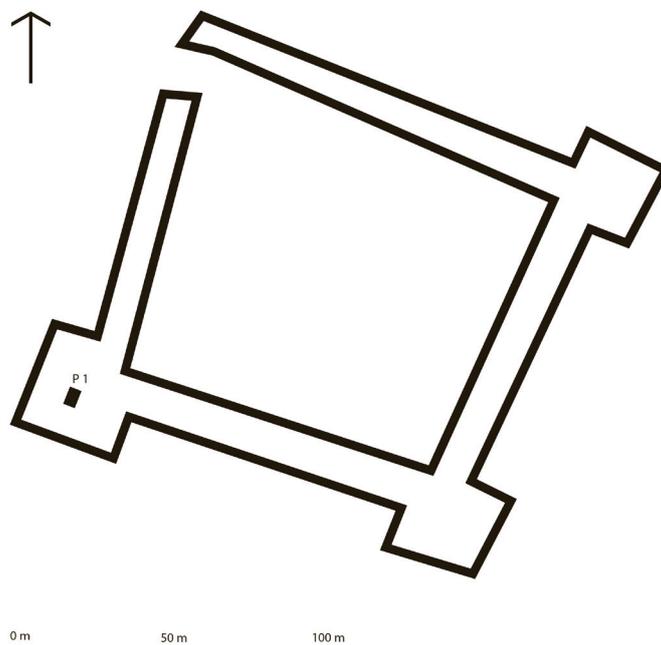

Рис. 3. План крепости у д. Митьковщина

⁵ Внутренний склон рва.

ностей рельефа местности, как сами бастионы, так и их структурные части (фасы, фланки, высота склонов) различались между собой по размеру. Однако нельзя сказать, что строители крепости не пытались выдерживать определенные пропорции – так, длина фасов бастионов варьируется в пределах от 15 до 20 метров на площадке и 30–35 метров у подножья. С трех сторон (северной, восточной и южной) крепость окружали водяные рвы, один из которых (северный) великолепно сохранился до настоящего времени. На данный момент сложно сказать что-либо определенное об их параметрах, но ширина сохранившегося обводненного участка составляет примерно 10 метров. Параллельно западной стороне крепости (лишенной северного бастиона) протекает р. Неговка, которая обмелела из-за запруды, сооруженной в нескольких сотнях метров выше по течению. С восточной стороны крепость прикрывают два параллельных друг другу невысоких напольных вала. На местности видно, что ближний вал был включен в крепостной оборонительный комплекс. Возможно это – своеобразная фоссебрея⁶. Точно ответить на этот вопрос можно будет только после прорезки всего западного профиля крепости. Следует отметить, что сами по себе напольные валы не характерны для бастионной системы фортификации.

На сегодняшний день крепость сохранила почти все свои структурные элементы, за исключением рва у южной куртины, который был распахан (но все же, отчетливо просматривается), и южной части рва у восточной куртины, засыпанной в некоторых местах мусором. В южной части восточной куртины имеется небольшой проем, который, скорее всего, был проделан уже после того, как замок перестал функционировать. Сегодня вся площадка крепости, бастионы, куртины, валы и рвы заросли высокой травой и кустарником. Поверхность крепостной площадки буквально усыпана фрагментами печных коробчатых изразцов и кухонной утвари. Обнаруженные нами таким способом артефакты датируются XVI в.

В августе 2014 г. на памятнике автором данной статьи были проведены первые археологические раскопки. Целью данных работ было выяснение строения бастиона. Для этого на юго-западном бастионе был разбит раскоп № 1 площадью 24 м² (6х4 м), южный профиль которого примыкал к склону фаса бастиона.

Выявленная структура бастиона оказалась на удивление однородной – он состоял из глины, от уровня дерна до предматерикового древнерусского культурного слоя, выявленного на глубине 3,5 м от дневной поверхности. Высказанное ранее Р. Лихошапко предположение, что на площадках бастионов могли распола-

гаться деревянные башни [12, с. 117], так же не подтвердилось.

На глубине от 0,8 до 1,1 м от дневной поверхности, в глине, стратиграфически в одной горизонтальной плоскости, прослеживаются темные пятна – вкрапления культурного слоя. Скорее всего, они маркируют паузу в процессе возведения бастиона – возможно, он был насыпан в ходе двух строительных сезонов.

На глубине около 3,5 м начинается интенсивно черного цвета однородный культурный слой, толщина которого составляет в среднем 30 см. Данный культурный слой содержал несколько десятков мелких фрагментов горшков, которые датируются XII в. Сразу под культурным слоем начиналась материковая глина светло-серого цвета. В северо-западной части квадрата № 5 была обнаружена материковая яма. В ней было найдено 3 фрагмента горшков, идентичных тем, что были выявлены в культурном слое.

По сведениям, полученным у местных любителей древностей, на распахиваемом поле и в пойме речки с южной стороны крепости неоднократно находились артефакты древнерусской эпохи – крестики, медалионы, ножи, и даже скандинавские фибулы и т. д. – свидетельства существования в этом месте достаточно развитого древнерусского поселения.

Таким образом, учитывая все изложенные выше материалы и исходя из данных раскопок 2014 г., относительно данной крепости можно сделать следующие предварительные выводы:

Бастионная крепость (по крайней мере, один ее бастион) расположена на месте поселения XII в., возможно весьма крупного. Выяснение типа данного поселения (открытое или укрепленное) – задача будущих раскопок.

При строительстве исследуемого нами бастиона на дневной поверхности второй половины XVI–XVII вв. была возведена насыпь из глины как минимум высотой 3,5 м. При этом глина – единственный известный нам пока строительный материал, из которого была возведена данная крепость.

Весьма вероятно, что крепость была насыпана как минимум в 2 этапа – возможно, в два строительных сезона.

Заключение

Таким образом, мы видим, что оба памятника, хоть и принадлежат к одному типу фортификации – бастионным крепостям, в некоторых своих чертах существенно различаются. Так, в отличие от Шкловского замка, являвшегося, по сути, городской цитаделью, крепость Митковщина, вероятно, могла быть самостоятельным фортификационным объектом в стратегически важном месте и выполнять функции своеобразного заслона на пути к ближайшему от нее г. Орша. Достаточно интересно ее гео-

⁶ Дополнительный пониженный вал, находящийся между рвом и главным крепостным валом.

графическое положение – фактически, она находится на водоразделе между бассейнами Днепра и Западной Двины. Военный контроль над ним вполне мог быть задачей этой неисследованной до настоящего времени крепости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Карман, У.** История огнестрельного оружия. С древнейших времен до XX века / Уильям Карман. – М. : Центрполиграф, 2006. – 240 с.
2. **Келли, Дж.** Порох. От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир / Джек Келли. – М. : Колибри, 2005. – 340 с.
3. **Яковлев, В. В.** История крепостей / В. В. Яковлев. – М. : ООО Фирма "Издательство Полигон", 2000. – 400 с. : ил.
4. **Левко, О. Н.** Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси / О. Н. Левко. – Минск : Бел. наука, 2004. – 280 с.
5. **Левко, О. Н.** Археологическое изучение сооружений Шкловского замка с использованием метода сопротивлений / О. Н. Левко, С. Г. Седов, С. В. Голобоков // Доклады Национальной академии наук Беларуси. – Минск : Белорусская наука, 2011. – № 5, вып. 55. – С. 118–122.
6. **Левко, О. Н.** Браны (въезды) Шкловского замка. Исследования 2010–2011 гг. / О. Н. Левко // Материалы Международной конференции "Романовские чтения – 8", Сборник Трудов Международной научной конференции. 22–23 ноября 2011 года, г. Могилев. – Могилев, 2012. – С. 64–66.
7. **Голубеў, В. Ф.** Гарадскія збудаванні і ўмацаванні горада Шклова і абшчына ў Шклоўскай воласці паводле інвентарных апісанняў другой паловы XVII – першай паловы XVIII ст. / В. Ф. Голубеў // Материалы по археологии Беларуси. – Вып. 14. – Минск, 2008. – С. 201–214.
8. **Левко, О. Н.** Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии / О. Н. Левко. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 127 с. : ил.
9. **Ткачоў, М. А.** Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII–XVIII стст. / М. А. Ткачоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 141 с.
10. **Голубеў, В. Ф.** Шклоў і шклоўскія ўмацаванні ў XVII–XVIII стст. / В. Ф. Голубеў // БГЧ. – 2014. – № 2. – С. 5–16.
11. **Побаль, Л. Д.** Вялікая Міцькаўшчына, Андрэеўшчынскі сельсавет. 235. Замчышча (археал.) / Л. Д. Побаль // Збор помнікаў гісторыі і культуры. Віцебская вобласць. – Мінск : Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1988. – С. 104.
12. **Ліхашапка, Р.** Развіццё абарончых умацаванняў прыватнаўласніцкіх замкаў і феадальных двароў Аршанскага Падняпроўя ў 14–17 стст. / Р. Ліхашапка // Зборнік навуковых прац удзельнікаў Трэцяй Міжнароднай навуковай канферэнцыі "Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць" : у 2 ч. – Магілёў, 2003. – Ч. 1. – С. 112–119.

Поступила в редакцию 23.10.2015 г.
Контакты: ivspirin@mail.ru
(Спирин Иван Владимирович)

Spirin I.V. FORTIFICATION OF SHKLOV CASTLE AND FORTRESS IN THE VILLAGE MITKOVSCHINA (according to the results of the excavations in 2014).

The article displays the details of the fortification of the bastion fortresses – Shklov Castle in Ryzhkovichy and the fortress near the village Mitkovschina in the Orsha district of the Vitebsk region. Both fortresses were built according to the Dutch type. The author focuses on the description of the elements of the fortifications examined by him during the excavations in the summer of 2014.

Key words: Shklov, Mitkovschina, star fort, bastion fortress, rampart, moat, bastion, fort profile.

УДК 94(47+55):323.285“1980 – 1989”

ПОСОЛЬСТВО СССР В ИРАНЕ КАК ОБЪЕКТ АГРЕССИИ АДЕПТОВ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. В. Пилипенко

аспирант,

Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко (Украина)

В статье исследуется деятельность Посольства СССР в Тегеране, что в период становления авторитарного правления в Иране стало объектом агрессии последователей радикальных революционных идей. Особое внимание уделяется анализу причин и предпосылок нападения на дипломатическое учреждение Советского Союза 27 декабря 1980 г., как поворотному моменту дальнейших советско-иранских отношений. На основе анализа источников, автор приходит к выводу, что безопасность советских дипломатических представительств напрямую зависит от проводимой СССР политики на Ближнем и Среднем Востоке.

Ключевые слова: посольство, провокация, пропаганда, заложники, дипломаты, война, Иран, СССР.

Введение

Посольства и миссии входят в число органов внешних связей, посредством которых аккредитуемое государство получает возможность представлять свои политические интересы в принимающей стране, выдавшей ему агреман для дипломатической деятельности [1, с. 327]. Именно поэтому они часто становятся в центре кризиса межгосударственных отношений, провоцируемого радикально настроенными группами людей, что стоят в авангарде политических трансформаций внутри страны пребывания. Ближневосточный регион по количеству нападений на советские (российские) дипломатические учреждения занимает одно из первых мест в печальной статистике нарушений Венских конвенций о дипломатических и Консульских сношениях (Вена, 18.04.1961 г.; 24.04.1963 г.).

Основная часть

Исламская революция, которая нашла поддержку в среде мусульманского духовенства, со своими лозунгами “Ни Запад, ни Восток”, поставила под удар, как символы зависимости Ирана от политики США и СССР на Ближнем Востоке, советские и американские дипломатические миссии. Однако, если нападение иранских студентов на американское посольство в Тегеране осенью 1979 г. и дальнейший кризис с заложниками-дипломатами, обуславливался поддержкой Вашингтоном режима шаха, то нарушение целостности советского посольства стало возможным лишь после начала “афган-

ской войны” Советского Союза. Революционный совет Исламской Республики Иран (ИРИ) ввод советских войск в Афганистан расценил “не только как враждебный акт против народа Афганистана, но и агрессию против всех мусульман мира, защитником которых считает себя ИРИ” [2, л. 197]. Заявление Ревсовета стало поводом для присвоения СССР иранской внешнеполитической доктриной статуса “малого Сатаны”, борьба против дипломатических учреждений которого на иранской территории оправдывалась революционными задачами новой политической элиты. Первым шагом к переходу на новые реалии дипломатических советско-иранских отношений стало сокращение в одностороннем порядке состава советского Посольства в Тегеране [3, с. 61]. Одновременно с решением об уменьшении состава дипломатического персонала, министр иностранных дел Исламской Республики Иран С. Готбзаде 11 августа 1980 г., в своем письме на имя министра иностранных дел СССР А. Громыко заявлял: “Можно только радоваться, что до сих пор на ваше посольство не совершили нападение” [4, л. 29]. Письмо министра послужило неким предупредительным сигналом нападения на Посольство СССР в Тегеране 27 декабря 1980 г. и отправной точкой дальнейших провокаций в отношении советских дипломатических представительств.

Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Иране 1977–1982 гг., Владимир Михайлович Виноградов, вспоминал, что 22 декабря 1980 г. его анонимно предупредили по телефону о подготовке нападения на советское Посольство [5, с. 475]. Нападение, вероятнее всего, по мнению В.М. Виноградова, было одобрено высшими эшелонами новой революционной власти в Иране, так как охрана Посольства не оказывала нападавшим сопротивление, а телефоны МИД ИРИ и других чиновников не отвечали [5, с. 476]. Об организованности на высшем уровне акции иранцев упоминается и в интервью Леонида Владимировича Шебаршина, резидента КГБ СССР в Иране 1979–1983 гг. В подтверждение своих мыслей он апеллирует к тому, что ни один советский сотрудник во время нападения не пострадал. Толпа, выбив 60 окон и разбив памятные мемориальные доски, нанесла значительный ущерб представителю особняку, где в ноябре 1943 г. проходила знаменитая Тегеранская конференция с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля [6]. Несмотря на то, что Посольство в день нападения направило ноту протеста в МИД ИРИ с указанием на то, что “иранские власти были заблаговременно проинформированные о готовности нападения, но с их стороны не были приняты эффективные меры для предотвращения нападения” и “нанесения оскорбления советскому флагу” [7, л. 67], нота осталась без

ответа. Кроме того, как пишет В.М. Виноградов, “в вечерних передачах иранского радио не прозвучало и слова о налете на советское посольство в Тегеране, хотя весь мир, все голоса по-давали это как новость номер один” [5, с. 479].

Нападение на посольство СССР в Тегеране являлось прямым нарушением 22 статьи Венской конвенции о дипломатических сношениях, пункты которой гарантировали неприкосновенность помещений Посольства, иммунитет предметов и обстановки официальных представительств от обыска и реквизиции, а также обязывали государство пребывания принимать надлежащие меры для защиты представителей от всякого вторжения и нанесения ущерба [8]. События 27 декабря ставили под угрозу налаженные советско-иранские двусторонние контакты, создавая предпосылки возникновения межгосударственного кризиса по примеру американо-иранского конфликта с захватом заложников. Однако, Советский Союз, в отличие от Вашингтона, по факту нападения на Посольство в Тегеране ограничился лишь нотой протеста, заявленной правительству Иранской Республики и опубликованной на следующий день после нападения на полосах центральных московских газет. Из текста ноты в газете “Правда” от 28 декабря 1980 г. видно, как критика в адрес МИД Ирана, что не принял необходимые меры по предотвращению нарушения экстерриториальности Посольства и выдворения нападавших за пределы представительства, соединялась с призывами советского руководства решить конфликт в контексте работы соответствующих ведомств обеих государств без вынесения инцидента на международное обсуждение. В документе также значилось, что “советское правительство оставляет за собой право предъявить иранскому правительству требование о возмещении причиненного Посольству СССР ущерба и рассмотреть вопрос о соответствующих мерах, с целью оградить законные интересы Советского Союза в связи с вражеским нападением” [9, с. 5]. Подобное нежелание Кремля акцентировать внимание на нарушении норм дипломатического этикета можно объяснить влиянием сразу нескольких факторов. Во-первых, “раздувание дела о нападении на Посольство” ставило под угрозу советско-иранские экономические отношения, что после исламской революции и ухода с иранского рынка американских финансовых корпораций перешли на качественно новый уровень. В частности, были подписаны соглашения между СССР и ИРИ, которые давали возможность использовать советские территории в качестве транзита для экспорта нефти и газа в Западную Европу; увеличивали количество специалистов, направленных на стажировку в московские университеты и предприятия Ирана, а также сви-

детельствовали о начале диалога по вопросу энергетической политики в зоне Каспия.

Во-вторых, СССР не мог допустить, чтобы США, которые после отказа Ирана иметь статус “жандарма Залива” потеряли традиционное неограниченное влияние на регион, могли использовать нападение на советское посольство для расширения своей пропаганды, нацеленной на дискредитацию советской ближневосточной политики.

В-третьих, перейти к конфронтации из-за нарушения неприкосновенности дипломатических учреждений Советскому Союзу мешала собственная политическая деятельность в Иране, ядром которой оставались Посольство и Консульские отделения. Главными направлениями такой политической деятельности была поддержка иранских оппозиционных сил, расширение собственной информационно-пропагандистской работы за счет распространения через Посольство советской печатной литературы и фото-видеоматериалов [10, л. 1–3]. В свою очередь, нежелание признать ошибочным определение советскими лидерами иранской революции как антиимпериалистической, вынуждало СССР уменьшать негативные последствия декабрьского нападения. Например, А. Громько, в докладе на Пленуме ЦК КПСС от 23 июня 1980 г. вместе с критикой “фанатизма и внутривластной реакции, что наступила после прихода к власти аятоллы Хомейни”, отмечал советскую поддержку “антиимпериалистической направленности исламской революции, которая всколыхнула огромные массы людей на борьбу против американского империализма” [11, л. 28].

МИД СССР с помощью иранской фирмы “Бусар” осуществил оценку повреждений, причиненных зданию Посольства. В соответствующем письме МИД СССР в МИД ИРИ от 4 февраля 1981 г. сообщалось, что “общая сумма материального ущерба, включая стоимость уничтоженного имущества, в том числе многих предметов, имеющих материальную и культурную ценность, вместе с ремонтно-восстановительными работами составила 33 462 33 риала” [12, л. 27]. Данное февральское обращение, как и последующие идентичные ноты от 14 марта 1981 г., 5 мая 1981 г. и от 12 августа 1981 г. остались без ответа иранской стороны [13, л. 9]. Проблема компенсации ущерба Посольству в Тегеране оставалась на уровне дипломатической переписки даже после заверения иранского правительства рассмотреть вопрос о выплате заявленной суммы в кратчайшие сроки. Однако, как говорилось в очередной ноте от 19 ноября 1981 г., “на неоднократные обращения Посольства в иранские инстанции определенного ответа по поводу заявления правительства ИРИ получено не было” [13, л. 92]. Затягивание решения по компенса-

ции ущерба советскому Посольству, при повторяющихся попытках нападения на дипломатические учреждения СССР, являлось реакцией Ирана на негласную поддержку Москвой Ирака в ирано-иракской войне¹ и пересечении советско-иранских внешнеполитических интересов в Афганистане.

Свидетельством негативного отношения иранцев к внешнеполитическому курсу СССР после 1980 г. стали не только массовые провокации в отношении зданий Посольства, но и акции мирного сопротивления в виде надписей, лозунгов антисоветского характера. В одной из нот Посольства СССР в ИРИ по этому поводу значилось, что “не смотря на все усилия Посольства содержать в порядке внешнюю часть стены, она постоянно используется для различного рода надписей, в том числе антисоветского содержания” [12, л. 50]. Так, в июле 1981 г. группа активистов приступила к несанкционированной окраске внешней части, упомянутой выше стены Посольства, выходящей на ул. Хафез и Газали. Представителями Посольства было установлено, что нарушение права пребывания дипломатических представителей было осуществлено иранцами при поддержке и указанию мечети Аббасабад [12, л. 140]. Кроме подобных мероприятий дипломатическими работниками принимались звонки с угрозами нападения [12, л. 62]. Любопытно, что просьба посла Виноградова “принять надлежащие и эффективные меры, которые исключали возможность захвата здания и перекрывали улицы, ведущие к Посольству” во время апрельской акции 1981 г. была удовлетворена, несмотря на обострение советско-иранских отношений [12, л. 66]. В письме В.М. Виноградова в адрес министра иностранных дел ИРИ звучали слова благодарности “за самоотверженные действия сотрудников Центрального исламского революционного комитета” в поддержании порядка вокруг советского Посольства [14, л. 14]. В декабре 1981 г. очередную угрозу нападения правительство СССР пыталось разрешить по апрельскому алгоритму, когда “агрессия в адрес посольства была сорвана своевременными действиями правительства ИРИ” [13, л. 108]. Однако нерешенность международных конфликтов при участии СССР и Ирана сводила на нет возможный продуктивный диалог о

¹ Как утверждает кандидат исторических наук Ало Саеед Кхудейда: после подписания в конце июня 1981 г. советско-иракского соглашения об экономическом, торговом, техническом сотрудничестве, СССР возобновил Ираку военные поставки. С. Хусейн 26 сентября 1982 г. подтвердил, что СССР в течение года поставил Ираку различные виды вооружения, включавшие самолеты “МиГ-25”, танки “Т-72”, ракетные установки ПВО “САМ-8”. (Ало Саеед Кхудейда. Советско-иранские отношения и позиция СССР по курской проблеме в 1958–1991 гг. : дис. ... канд.ист.наук : 07.00.02 / Кхудейда Ало Саеед. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 129, 131.

решении кризиса дипломатических советско-иранских отношений. Кризис усугубился после нападения 27 декабря 1982 г. на Посольство в Тегеране, во время которого участники “антисоветской акции пытались проникнуть на посольскую территорию и сорвали с флагштока государственный флаг СССР” [15, л. 188]. МИД Советского Союза обвинило иранские власти в игнорировании обращения работников Посольства в связи с угрозами нападения и “всяческому потаканию развитию антисоветской кампании в СМИ, что привела к нарушению общепринятых норм международного права” [15, л. 163; 189]. В ответной ноте иранского правительства по поводу нападения на советские дипломатические учреждения, впервые за период похолодания советско-иранских отношений, прозвучало открытое обвинение Кремля в “захвате Афганистана и предоставлении щедрой политической и военной помощи Ираку, который оккупировал важные участки территории нашей страны, подверг артобстрелами города” [15, л. 191]. При этом, нападение на Посольство ИРИ не признавал фактом нарушения, настаивая на том, что акция возле дипломатического учреждения, организованная афганскими беженцами, носила мирный и предупреждающий характер. Также документ давал понять правительству СССР, что подобные акции будут проходить до тех пор, пока не достигнется консенсус в решении афганского вопроса [15, л. 191].

На протяжении следующих 1983–1984 гг. в Посольство, при молчаливом согласии иранских властей, продолжали поступать угрозы о враждебных акциях и провокациях [16, л. 109]. Так, 24 октября 1983 г. толпа иранцев ворвалась на территорию Посольства в Тегеране, сожгла советский флаг и заблокировала ворота несколько часов [17, л. 45]. В июне 1984 г. на территорию представительства с ул. Газали было заброшено через забор взрывное устройство, разорвавшееся в районе жилого дома. Этот инцидент был квалифицирован Советским Союзом как диверсионный акт [18, л. 30].

Попытки частично компрометировать внешнюю политику Советского Союза, путем обвинения его официальных представителей в пренебрежительном отношении к традициям страны пребывания, были и предприняты в ноябре 1983 г., когда, несмотря на законодательный запрет, возле восточной стены Посольства была развернута стихийная торговля [17, л. 62]. Подобный инцидент, с учетом игнорирования обращений дипломатов в полицию, создавал предпосылки к очередному витку напряженности в советско-иранских отношениях. Значительное увеличение количества угроз и нападений на Посольство в Тегеране, а также случаи проведения декабрьских акций протеста возле Генерального консульства в Исфаха-

не [17, л. 123] объясняется не только разногласиями в решении афганского и ирано-иракского вопроса, но и обвинениями Советского Союза в поддержке деятельности запрещенной в Иране коммунистической партии "ТУДЕ".

В политическом диалоге между Москвой и Тегераном начиная с 1984 г. появляются некоторые позитивные тенденции. Уже в ноте МИД ИРИ в Посольство СССР по поводу суда над партией "ТУДЕ" звучали первые призывы к установлению "здоровых отношений между двумя странами" [19, л. 15].

После возобновления с середины 1984 г. межгосударственных контактов на высшем уровне и достижения согласованности мнений по спорным вопросам, касающимся состояния международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке, безопасность советских дипломатических учреждений значительно улучшилась. Работники Посольства в Тегеране, воспользовавшись активизацией советско-иранского диалога, приняли меры по восстановлению окраски ворот, поврежденных вследствие многочисленных акций протеста иранских граждан с использованием воспламеняемых жидкостей. При этом иранские власти заверили советских дипломатов о готовности компенсировать 19 500 реалов, потраченных на возобновление исторического вида здания Посольства [18, л. 149].

Выработанный компромисс между Ираном и Советским Союзом относительно занимаемой ими позиции по решению конфликтов в районе залива способствовал налаживанию нормальной работы Посольства в Тегеране. Однако перемещение в 1987 г. центра внутрииранской политической борьбы в Исфахан поставило под угрозу безопасность Генерального консульства, расположенного в этой провинции. Критика деятельности Консульства использовалась в качестве отвлекающего маневра от скандала с тайной закупкой американского оружия группой политиков и клерикалов, несогласных с курсом Хомейни. Результатом таких политических интриг стало нападение в декабре 1987 г. вооруженных лиц на Генеральное Консульство. Как вспоминает генеральный консул СССР в Исфахане 1985–1988 г. Р. Утургаури, "нападение на Консульство было осуществлено группой афганских боевиков из состава эмигрантских контрреволюционных организаций, базирующихся в провинции. Нападавшие имели огнестрельное оружие, бутылки с зажигательной смесью и стальные прутья" [20, с. 255]. Кроме повреждения консульского имущества были также сожжены автомобили дипломатов, уничтожены или похищены личные вещи сотрудников, в том числе радиотехническая, фотоаппаратура, женские украшения. Общая сумма убытка составила 6,75 млн реалов [21, л. 126]. Вопрос о компенсации ущерба Посоль-

ству в Тегеране и Генеральному консульству в Исфахане рассматривался 12–16 марта 1989 г. на заседании Департамента претензий и международного частного права при участии представителей МИД Ирана и Советского Союза [21, л. 125]. Окончательное решение вопроса о ликвидации последствий нарушения экстерриториальности советских дипломатических и консульских учреждений стало возможным после вывода советских войск с Афганистана и подписании советско-иранского договора о сотрудничестве.

Заключение

Таким образом, посольства являются официальными проводниками внешней политики аккредитующего государства в отношении страны пребывания. Позиция официальных властей относительно безопасности дипломатических представительств зависит от уровня развития двусторонних межгосударственных отношений. Нападения на советские Посольство и Консульство совпали по времени с похолоданием советско-иранских отношений и были связаны с несогласием Ирана относительно позиции СССР по "афганской" и ирано-иракской войнам. Уменьшения провокаций и диверсий, в центре которых находились советские дипломатические учреждения, свидетельствовали о переформатировании принципов диалога между Ираном и Советским Союзом на международной арене. Итак, исходя с вышеизложенного, можно утверждать, что положения и безопасность Посольства в стратегически важных для советской внешней политики странах, являются одним из опосредственных индикаторов уровня двусторонних отношений и наличия предпосылок к развиту каких-либо кризисных явлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дипломатический словарь : в 3 т. / А. А. Громыко, А. Г. Ковалев. – М. : Наука, 1984. – 1679 с.
2. Ноты МИД Исламской Республики Иран в Посольство СССР в Иране (1979 г.) // Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). – Ф.174. Оп. 63. П.265. Д. 2.
3. **Анаркулова, Д. М.** Иран: уроки революции 1978–1979 гг. / Д. М. Анаркулова. – Душанбе, 1998. – 90 с.
4. Ноты Посольства СССР в ИРИ в посольства и миссии третьих стран (1980 г.) // АВПРФ. – Ф.174. Оп.64. П.267. Д.5.
5. **Виноградов, В. М.** Дипломатия: люди и события: Из записок посла / В. М. Виноградов. – М. : РОССПЭН, 1998. – 496 с.
6. Интервью резидента КГБ СССР в Иране в 1979–1983 гг. Леонида Шебаршина "Ни Запад, ни Восток: 30 лет под этим лозунгом живет и развивается Исламская

- Республика Иран" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shebarshin.ru/vpk.html>. – Дата доступа: 26.06.2014.
7. Исходящие ноты Посольства СССР в Иране в МИД Ирана (1980 г.) // АВПРФ. – Ф. 174. Оп. 64. П. 267. Д. 2.
  8. Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml. – Дата доступа: 20.09.2015 г.
  9. Протест правительству Ирана // Правда. – 1980. – № 363(22783). – 28.12.1980. – С. 5.
  10. Информационно-пропагандистская работа на Иран (1980 г.) // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 89. Оп. 46. Д. 89.
  11. Доклад А. А. Громыко на Пленуме ЦК КПСС от 23 июня 1980 г. (1980 г.) // РГАНИ. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 521.
  12. Исходящие ноты Посольства СССР в ИРИ в МИД ИРИ (1981 г.) // АВПРФ. – Ф. 174. Оп. 65. – П. 270. – Д. 1.
  13. Ноты СССР в ИРИ (1981 г.) // АВПРФ. – Ф. 174. Оп. 65. П. 270. Д. 2.
  14. Протокольные вопросы (1981 г.) // АВПРФ. – Ф. 174. Оп. 65. П. 270. Д. 7.
  15. Исходящие ноты Посольства СССР в Исламской Республике Иран в Министерство иностранных дел Ирана (1982 г.) // АВПРФ. – Ф. 174. Оп. 66. П. 272. Д. 2.
  16. Ноты, памятные записки, меморандумы Посольства СССР в ИРИ (1934 г.) // АВПРФ. – Ф. 174. Оп. 67. П. 274. Д. 1.
  17. Ноты, памятные записки, меморандумы Посольства СССР в Иране (1983 г.) // АВПРФ. – Ф. 174. Оп. 67. П. 274. Д. 3.
  18. Ноты, памятные записки, меморандумы Посольства СССР в ИРИ // АВПРФ. – Ф. 174. Оп. 68. П. 277. 1984. Д. 2. Л. 30.
  19. Ноты, памятные записки, меморандумы МИД ИРИ в Посольство СССР в ИРИ (1984 г.) // АВПРФ. – Ф. 174. Оп. 68. П. 277. Д. 3.
  20. **Утургаури, Р.** Покер с аятоллой. Записки консула в Иране / Р. Утургаури. – Тбилиси : ООО "Веста", 2010. – 283 с.
  21. Ноты, памятные записки, меморандумы Посольства СССР в ИРИ в МИД ИРИ (1989 г.) // АВПРФ. – Ф. 174. Оп. 73. П. 296. Д. 2.

Поступила в редакцию 22.10.2015 г.
 Контакты: viktoryaplipenko@mail.ru
 (Пилипенко Виктория Викторовна)

Pylypenko V.V. THE USSR EMBASSY IN IRAN AS THE OBJECT OF AGGRESSION BY THE ADHERENTS OF THE ISLAMIC REVOLUTION.

The article covers the research of the activities of the Soviet Embassy in Tehran that became the target of aggression of the followers of the radical revolutionary ideas during the formation of the autocratic rule in Iran. Special attention is paid to the analysis of the causes and preconditions of the attack on the diplomatic establishment of the Soviet Union on December 27, 1980 as a turning point of the Soviet-Iranian relations. On the basis of the analysed sources, the author comes to the conclusion that the security of the Soviet diplomatic missions directly depended on the USSR policy in the Middle East.

Key words: embassy, provocation, propaganda, hostages, diplomatic officials, war, Iran, USSR.

УДК 94(476):37

**ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ
И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УМЕРЕННО-ПРАВЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ
БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX в.**

В. В. Волженков

старший преподаватель,
Могилевский институт МВД
Республики Беларусь

В статье рассматривается отношение умеренно-правых организаций на территории Беларуси в начале XX в. к проблемам культуры и благотворительности.

Низкий уровень духовно-нравственных ценностей народа умеренно-правые деятели связывали с малой образованностью, темнотой простых людей и с распространением в обществе революционных идей. С целью повышения уровня культурного развития широких слоев общества, идеологи умеренно-правых организаций предлагали расширить сеть образовательных учреждений, организовать публикацию книг и брошюр пропагандистско-идеологической и просветительской направленности.

Вопросами благотворительности занимались такие близкие умеренно-правым партиям организации как Русское общественное собрание в Минске, кружки русских женщин в Вильно и Минске, церковно-школьный отдел петербургского "Западнорусского общества". В годы Первой мировой войны многие консервативные организации и их лидеры сосредоточили свое внимание на оказании помощи беженцам, возглавляли отделы или являлись уполномоченными благотворительных обществ.

Ключевые слова: благотворительность, консерваторы, народная культура, общественные организации, польская культура, русские националисты, умеренно-правые, учреждения.

Введение

Консервативно-монархическое движение было одним из важных составляющих общественно-политической жизни Беларуси начала XX в. В современных исследованиях организации данного направления по ряду политических установок разделяют на три группы: крайне правые (Русское собрание, Союз русских людей, Русская монархическая партия, Союз русского народа (СРН) и ему подобные организации) [1, с. 9], центристы – СРН-обновленческий, Союз Михаила Архангела [1, с. 18]; умеренно-правые партии и организации – Всероссийский национальный союз (ВНС), Отечественный патриотический союз [1, с. 20, 24]. В 5 северо-западных (белорусских) губерниях в изучаемое время идеологию умеренно-правых общероссийских партий разделяли Северо-Западное русское вече, Русский окраинный союз, действующее в Вильно общество "Крестьянин" [1, с. 27–29, 32]. На территорию современной Беларуси была

сориентирована деятельность петербургских политических организаций русских националистов – Русского окраинного общества (РОО) и Западнорусского общества [1, с. 28, 32]. Выяснение отношения умеренно-правых организаций к проблемам культуры и благотворительности, уяснение важнейших направлений их деятельности по данным вопросам является целью статьи.

Основная часть

Проблемы в развитии культуры общества являлись в воззрениях умеренно-правых непосредственными результатами низкого уровня образования. К примеру, в обществе "Крестьянин" видели главную причину бедственного положения народа в низкой образованности: "Эта главная причина нашей бедности – наша темнота, наша необразованность, невежество" [2, с. 26].

Особенно плачевным предстало консервативным публицистам общекультурное положение в белорусской деревне: "пьянство, развитое среди крестьянских батраков и даже баб ... нравственность в крестьянской среде тоже падает, ... нет уважения к старшим, повиновения, и свобода понимается в разнузданности нравов... грамотность вообще очень слабо развивается" [3, с. 358]. Причины наличия подобных пороков в обществе умеренно-правые усматривали и в распространении революционных идей [4, с. 114; 2, с. 26].

Чтобы исправить данную ситуацию необходимо было, по мысли русских националистов, расширять сеть культурно-образовательных учреждений: «Мы имеем богатейший источник родной русской культуры... с каждой новооткрытой русскою школою, ... новоизданною русскою книгою, вновь открытою народною библиотекою, ... новонародившейся русскою газетою... мы все ближе и ближе подвигаемся к этому источнику...» – утверждал Л.М. Солоневич, издатель и редактор газеты "Белорусская жизнь", с 1911 г. – "Северо-западная жизнь", разделявший программные установки ВНС [5, с. 1].

Помимо увеличения количества культурно-просветительских учреждений, умеренно-правые в деле воспитания народа придавали большое значение публикации пропагандистско-идеологической и просветительской литературы. "Самым совершенным оружием" в национальной и экономической борьбе с инородцами называла издательскую деятельность редакция "Белорусской жизни" [6, с. 1–2]. Для распространения на территории Беларуси изданий русских националистов и тому подобной литературы Виленский русский национальный союз создал в своей структуре особую секцию [7, с. 419].

Значимость издательской деятельности умеренно-правых организаций в деле развития общекультурного уровня народа отмечал известный этнограф Е.Р. Романов. "Не все

номера, – писал ученый о журнале общества «Крестьянин» – представляют интерес для народа, в некоторых имеются крупные промахи, проистекающие от излишнего доверия к поступающим в редакцию сообщениям, но в общем, как первый опыт, журнал все же является одним из важных средств для внесения луча света в деревню и для ограждения ее как от посягательств разного рода хищников, так и от увлечения несбыточными химерами» [8, с. 3].

Положительно оценивал Е.Р. Романов проведение консервативным обществом музыкально-фольклорных мероприятий, таких как «белорусский вечер», устроенный в Вильно для сбора средств на нужды «Крестьянина» 24 января 1908 года [8, с. 4].

На страницах периодических органов печати умеренно-правые организации пытались вести борьбу с морально-нравственными недостатками в крестьянской среде. В частности, консервативные авторы ратовали за искоренение таких пороков в обществе как пьянство, проституция, сквернословие [9, с. 383]. Л.М. Солоневич еще в 1905 году в Гродненских губернских ведомостях опубликовал ряд статей о вреде пьянства и влиянии алкоголя на здоровье людей [10, с. 13–16; 11, с. 14–16; 12, с. 15–16]. Виленские умеренно-правые издавали брошюры соответствующего содержания для их распространения среди крестьян [13, с. 549].

Как и крайне-правые общественные деятели, русские националисты радостно приветствовали установление в годы Первой мировой войны запрета на продажу водки. По этому поводу руководство общества «Крестьянин» направило царю благодарственную телеграмму, в которой введение «сухого закона» характеризовалась как «царская милость, благие последствия которой для крестьян неисчислимы» [14, с. 9].

Проявляли консерваторы и заботу о повышении культуры медицинского обслуживания населения. К примеру, Л.М. Солоневич высказывался за замену фельдшеров, оказывающих медицинскую помощь крестьянам, по причине их низкой квалификации, врачами. «Необходимо дать народу врачей, а не фельдшеров, это единственно верное решение вопроса», – утверждал правый публицист [15, с. 11].

Помимо забот о насущных проблемах культурного развития народа, умеренно-правые организации стремились активизировать в обществе интерес к изучению истории и культуры Беларуси с русско-националистических позиций. Так, с целью пропаганды своих идей среди населения и распространения собственного видения истории Беларуси, умеренно-правые считали нужным «пустить в народ миллионы листовок по краевой истории», а для их издания организовать в губернских городах издательские комитеты и учредить один центральный комитет с центром в Вильно, при чем для

лучшего распространения данной литературы, предлагалось обязать все церкви и школы быть ее подписчиками на сумму не более 5 рублей в год, т. к. на добровольную подписку, были уверены консерваторы, «надеясь не придти» [16, с. 10–11]. Исходя из тех же целей, общество «Крестьянин» собирало пожертвования на установку в Вильно памятника князю Д.Е. Мышецкому, который возглавлял оборону города от войск Речи Посполитой в XVII веке [17, с. 276]. В журнале организации публиковалась серия статей о противнике Брестской церковной унии князе К.К. Острожском [18, с. 73–78; 19, с. 89–95].

Редакция Северо-западной жизни для сбора литературы, отражающей историю Беларуси с русских националистических позиций, предпринимала меры по созданию соответствующей исторической библиотеки, помочь в этом Л.М. Солоневичу оказывал один из ученых М.О. Кояловича – О.В. Щербицкий, передавший в редакцию газеты ряд сборников архивных документов, собранных исследователями края в XIX веке [20, с. 1–2].

Умеренные консерваторы проявляли внимание и к сохранности документов виленского Архива древних актов, обращая внимание властей и депутатов Государственной думы на важность сохранности фондов архива «в государственном и научном отношении» [21, с. 205]. Удручало умеренно-правых публицистов отсутствие должной, с их точки зрения, работы по выполнению «заветов М.Н. Муравьева» в виленской публичной библиотеке и музее [22, с. 3].

Кроме важности идеологической интерпретации истории, умеренно-правые придавали большое значение художественной литературе и науке в воспитании широких слоев общества. К примеру, в «Крестьянине» публиковали материалы о жизни и творчестве русских писателей и публицистов, которые, по мнению умеренно-правых, содействовали раскрепощению крестьян. В числе таких авторов консерваторы называли А.В. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, А.И. Герцена, И.С. Тургенева [23, с. 164].

Среди ученых-этнографов лидеры умеренно-правых положительно оценивали научную деятельность А.П. Пыпина и Е.Ф. Карского. Так, в некрологе А.П. Пыпина, опубликованном в «Белорусском вестнике» (издатель П.Г. Бывалькевич, редактор И.П. Фотинский – деятели консервативных минских организаций), смерть ученого названа «крупной потерей русской науки», а сам этнограф характеризуется как «идеалист науки, энтузиаст знания и носитель прекраснейших общественных идеалов» [24, с. 2]. Издание виленским генерал-губернаторским управлением первого тома труда Е.Ф. Карского «Белорусы» умеренные консерваторы называли важнейшим практическим действием

в попытках принятия местными властями мер для широкого развития русской культуры [25, с. 263]. На эту работу профессора в редакции “Крестьянина” ссылались, доказывая необоснованность преподавания Закона божьего на польском языке в белорусских школах, характеризуя при этом научную деятельность Е.Ф. Карского как имеющую выдающуюся научную ценность [26, с. 244].

Несмотря на негативное отношение к белорусскому национальному движению, особенно к деятельности “Нашей Нивы”, авторы изданий русских националистов признавали яркий поэтический талант Янки Купалы. “Но, – полагал правый публицист, – от непривычки владеть белорусским языком в качестве языка литературного, его стихотворения читают очень мало и его яркое дарование пропадает в туне” [27, с. 2].

Значение польской культуры для духовного развития белорусского народа умеренно-правые оценивали скептически. “Кто знает культурный уровень современного белорусского крестьянина, тот согласится также, что никаких культурных начинаний панство и католическое духовенство в белорусскую среду тоже не внесло”, – заявляла редакция “Северо-западной жизни” [28, с. 1].

Русские националисты призывали местную общественность противостоять проникновению польской культуры (в образование, печать и т. д.) в народную среду. “Мы русские, так же как и литовцы, должны напрячь все наши усилия к тому, чтобы не допустить проведения польской культуры в массы белорусского населения, являющегося частью русского народа...” – взывали органы печати русских националистов [29, с. 3].

Сама польская культура, по мнению умеренно-правых, во многом развивалась за счет выходцев из белорусских земель. Один из руководителей общества “Крестьянин”, редактор одноименного издания А.С. Вруцевич считал, что большую роль в развитии польской культуры сыграли выходцы из Литвы и Беларуси, такие как А. Мицкевич, которого называл одновременно “чистокровным белорусом” и “польским Пушкиным”, Т. Нарбут, А. Нарушевич, С. Манюшко, Т. Костюшко [30, с. 198].

Осуждали умеренно-правые общественную деятельность писателя-романиста Г. Сенкевича выступавшего в печати против выделения Холмской губернии из состава Привисленского края [31, с. 423]. Руководство газеты “Окраины России” негативно оценивала и исторические достоинства его романов, в которых автор, как находила редакция, “просветленный и пылкий в своей фантазии” искажает общеизвестные факты истории [32, с. 176].

В то же время престолярная (*белорусская*. – В.В.) культура, как полагали умеренно-

правые, “может оградить белорусский элемент от польских поползновений” [33, с. 413]. Однако белорусский язык, по мнению идеологов русских националистов, представлял лишь научный интерес, и поэтому консерваторы предлагали сохранить его только в этнографических сборниках: “Если нам говор (*белорусский язык*. – В.В.) важен по остаткам старины, то и сохраним его, как старину” [34, с. 4].

Значительное место в деятельности умеренно-правых объединений занимали вопросы благотворительности. Этим направлением деятельности в Вильно занимался дружественный большинству консервативных организаций Кружок русских женщин.

Силами Кружка были организованы: столовая, которой пользовались учащиеся церковно-приходской школы и дети бедных родителей; ясли “для дневного пребывания малолетних детей рабочего православного люда”, преобразованные затем в приют, рассчитанный на содержание 18 детей в возрасте от 1 до 7 лет; женская воскресная школа, где обучалось 48 человек; бюро труда по найму прислуги, гувернанток, переписчиков, учительниц. [35, с. 153]. Только за 1908 год в бюро было трудоустроено 158 женщин и 28 мужчин. Участницы кружка помогали православным паломникам, посещавшим Вильно: раздавали пищу, принимали больных, исполняли обязанности сестер милосердия [36, с. 251–252]. КРЖ выделял средства на приобретение для православных церквей икон, колоколов и прочих предметов культа [36, с. 251–252].

Для сбора средств на вышеуказанные благотворительные цели руководство Кружка русских женщин (председательница общества – начальница женской мариинской гимназии Е.Н. Добрянская, казначей кружка – Е.Н. Конончук) обращалось в столичные консервативные общества и редакции правой прессы [37, с. 95].

Пропагандистско-просветительской деятельностью занималась в Минске аналогичная организация [1, с. 289–290]. Здесь материальную помощь религиозным и благотворительным организациям (православным братствам, Русскому женскому кружку) оказывало близкое по идеологическим воззрениям к ВНС Русское общественное собрание, но помощь эта не была значительной в структуре затрат организации. К примеру, из всех расходов общества за 1912–1913 гг. в размере 24 тысяч рублей статья на благотворительность составляла всего 700 рублей [38, л. 60–63].

Вопросами оказания помощи церкви и образованию в “Западнорусском обществе” (структура Русского окраинного общества) занимался специально созданный церковно-школьный отдел. Собранные обществом пожертвования направлялись на ремонт храмов, рассылку по беднейшим приходам икон, обла-

чений, церковной утвари, крестиков и т. д. Так, за 1912 г. церковно-школьный отдел проявил благотворительность в отношении 24 церквей северо-западных губерний [39, с. 739].

В годы Первой мировой войны многие консервативные организации и их лидеры сосредоточили свое внимание на оказании благотворительной помощи беженцам. Епископ Минский и Туровский Митрофан (депутат III думы, правый) и священник К. Околович (депутат IV Думы, умеренно-правый, националист) принимали участие в организации Минского отдела всероссийского попечения беженцам, а одним из его руководителей (членом комитета) был глава губернского земства, председатель Борисовского отдела ВНС Б.Н. Самойленко. В Минском отделе сконцентрировали свою деятельность на устройстве приютов и яслей для малолетних детей беженцев и школ для подростков, которые планировалось открыть в Минске, Слуцке и Мозыре [40, с. 3].

По инициативе К. Околовича, как уполномоченного Западнорусского общества, в Борисове был создан местный комитет организации, члены которого решили открыть здесь 4 лавки и 1 склад, а так же лавки в Докшицах, Бегомле, Мельче, Березино, на эти цели комитетом выделялось 10.000 рублей [41, с. 4]. Уполномоченным этого же общества в Минской губернии был, после прекращения издательской деятельности, Л.М. Солоневич, также занимавшийся организацией учреждений по оказанию помощи беженцам [42, с. 2].

Заключение

Таким образом, идеологи умеренно-правых организаций с целью повышения уровня культурного развития широких слоев общества предлагали расширять сеть образовательных учреждений, пытались активизировать в обществе интерес к изучению истории и культуры Беларуси с русско-националистических позиций.

Умеренно-правые организации придавали большое значение художественной литературе и науке в целом в деле воспитания народа и популяризировали или критиковали ученых и литераторов в зависимости от их общественно-политических воззрений.

Среди практических мер по достижению целей в сфере развития культуры можно назвать такие не значительные акции умеренно-правых структур как создание Виленским русским национальным союзом особой секции для распространения брошюр просветительно-политического содержания, сбор пожертвований на установку в Вильно памятника князю Д.Е. Мышецкому, организация "Белорусской исторической библиотеки" при редакции газеты "Северо-западная жизнь", для накопления литературы, отражающей историю Беларуси с русских националистических позиций.

Вопросами благотворительности занимались такие близкие умеренно-правым партиям организации как Русское общественное собрание в Минске, Кружки русских женщин в Вильно и Минске, Церковно-школьный отдел петербургского "Западно-русского общества". В годы Первой мировой войны многие консервативные организации и их лидеры сосредоточили свое внимание на оказании помощи беженцам, возглавляя отделы или являясь уполномоченными благотворительных обществ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бондаренко, К. М.** Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.): монография / К. М. Бондаренко. – Могилев: УО "МГУ им. А. А. Кулешова", 2010. – 412 с.
2. От чего мы бедны? // Крестьянин. – 1906. – № 2. – С. 25–27.
3. **"Эльфи"** [Ивицкий, Л. Ф.] Ошмянский уезд (Корр. "Окраин России") Л. Ф. Ивицкий // Окраины России. – 1909. – 14 июня. – С. 357–359.
4. "Красный" Красное безумие // Крестьянин. – 1906. – № 8. – С. 114–116.
5. Вильна, 1 января // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 1 янв. – С. 1.
6. Вильна, 1 января // Белорус. Жизнь. – 1911. – 1 янв. – С. 1–2.
7. В национальном союзе // Крестьянин. – 1912. – № 27. – С. 417–418.
8. **"М"** [Романов, Е. Р.] Белорусский вечер в Вильне (От нашего корреспондента) / Е. Р. Романов // Витеб. губ. вед. – 1908. – 30 янв. – С. 3–4.
9. **Пщелко, А.** Водка, (ответ крестьянам) / А. Пщелко // Крестьянин. – 1907. – № 24. – С. 375–383.
10. **Солоневич, Л.** Почему спиртные напитки вредны / Л. Солоневич // Гроднен. губ. вед. – 1905. – 17 июня. – С. 13–16.
11. **Солоневич, Л.** От чего портится сердце / Л. Солоневич // Гроднен. губ. вед. – 1905. – 24 июня. – С. 14–16.
12. **Солоневич, Л.** Почему спиртные напитки вредны. Легкие. Дыхание / Л. Солоневич // Гроднен. губ. вед. – 1905. – 29 июля. – С. 15–16.
13. От общества "Крестьянин" // Крестьянин. – 1909. – № 36. – С. 549–550.
14. История упразднения у нас продажи водки // Крестьянин. – 1915. – № 1. – С. 5–9.
15. **"С.Л."** [Солоневич, Л. М.] О фельдшерах вообще и об их медицинском образовании / Л. М. Солоневич // Гроднен. губ. вед. – 1905. – 15 июня. – С. 11.
16. **Скрынченко, Д. В.** Трагедия белорусского народа / Д. В. Скрынченко. – Минск: Губ. тип., 1908. – 18 с.
17. Кто не дорожит славным прошлым, тот и будущего не имеет // Крестьянин. – 1912. – № 18. – С. 267.

18. Князь Константин Константинович Острожский // Крестьянин. – 1908. – № 5. – С. 267.
19. Князь Константин Константинович Острожский // Крестьянин. – № 6. – С. 89–95.
20. **Солоневич, Л. М.** Наша историческая библиотека / Л. М. Солоневич // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 6 янв. – С. 2–3.
21. “Г.” Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1909. – 28 марта – 4 апр. – С. 204–205.
22. Виленская жизнь // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 4 окт. – С. 3.
23. **Кудерский, А. С.** Наши писатели, содействовавшие раскрепощению крестьян / А. С. Кудерский // Крестьянин. – 1906. – № 11. – С. 161–163.
24. А. П. Пыпин // Белорусский Вестник. – 1904. – 29 (2/XII) ноябр. – С. 2.
25. “П.Г.” Отголоски из Вильны // Окраины России. – 1909. – 2 мая. – С. 261–263.
26. О преподавании Закона Божьего католиками в школах С. – Западных губерний // Крестьянин. – 1907. – № 16. – С. 241–247.
27. **Богородский, С. М.** Виленские письма. Белоруссы и “тоже белорусы” / С. М. Богородский // Северо-Западная Жизнь. – 1913. – 16 янв. – С. 2.
28. Вильна, 6 января // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 6 янв. – С. 1.
29. Польская печать // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 1 янв. – С. 3.
30. Открытие Виленского отдела “Русского Украинного Союза” // Крестьянин. – 1907. – № 13–14. – С. 195–202.
31. “Подляшский русский” Из Подляшья // Окраины России. – 1906. – 20 авг. – С. 422–423.
32. “П.К.” [Кулаковский, П. А.] Заявление поляков в Думе / П. А. Кулаковский // Окраины России. – 1906. – 7 мая. – С. 174–176.
33. “Эльфи” [Ивицкий, Л. Ф.] Вильна (Корр. “Окраин России”) / Л. Ф. Ивицкий // Окраины России. – 1909. – 4–11 июля. – С. 413–414.
34. К вопросу о бел. языке // Белорус. Жизнь. – 1911. – 1 янв. – С. 2–4.
35. “А.С.” Вильна (Корреспондент “Окраин России”) // Окраины России. – 1909. – 7 марта. – С. 153.
36. “Р.” Вильна. (Корреспондент “Окраин России”) // Окраины России. – 1909. – 25 апр. – С. 251–252.
37. Обзор печати // Окраины России. – 1906. – 25 апр. – С. 95.
38. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 295. Оп. 1. Д. 7949. Л. 32, 60–63.
39. Церковно-школьный отдел // Окраины России. – 1912. – 22–29 дек. – С. 739–740.
40. Минск. Отдел всероссийского попечения беженцам // Северо-Западное Слово. – 1915. – 17 ноябр. – С. 3.
41. Комитет русского западного общества в Борисове // Северо-Западное Слово. – 1915. – 20 ноябр. – С. 4.
42. Местная жизнь. Командировка Л. М. Солоневича // Северо-Западное Слово. – 1915. – 23 ноябр. – С. 2.

Поступила в редакцию 19.04.2016 г.
 Контакты: +375 29 240 08 50
 (Волженков Валерий Викторович)

Volzhenkov V.V. THE PROBLEMS OF CULTURE AND CHARITY IN THE ACTIVITIES OF THE MODERATE RIGHT-WING ORGANIZATIONS ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE EARLY XX CENTURY.

The article considers the attitude of the moderate right-wing conservative and monarchist organizations functioning on the territory of Belarus at the beginning of the XX century to cultural and philanthropic issues.

Moderate right-wing activists associated the low level of spiritual and moral values of the people with the low education level, ignorance of ordinary people and spread of revolutionary ideas in the society. In order to increase the level of cultural development of the society, the ideologists of moderate right-wing organizations proposed to expand the network of educational institutions, organize the publication of propaganda and educational books and pamphlets.

Philanthropic issues were studied by such organizations as the Russian public meeting in Minsk, the Russian women's clubs in Vilnius and Minsk, the Church and School Department of St. Petersburg organization “Western Russia Society”. During the World War I many conservative organizations and their leaders focused their attention on the assistance to refugees, they headed the departments or were authorized persons of philanthropic societies.

Key words: charity, conservatives, popular culture, social organizations, Polish culture, Russian nationalists, moderate right-wing establishments.

УДК 930.1(476.5)“1917/1991”

**ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ПОЛОЦКА
В 1917–1991 гг.**

А. А. Огородников
аспирант,
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

В статье представлена историография социально-экономического развития Полоцка в 1917–1991 гг. Делается вывод, что в наименьшей степени исследовано социально-экономическое развитие Полоцка в послевоенный период (1946–1991 гг.). Историографической лакуной можно считать изучение процессов модернизации и урбанизации, произошедшие в экономико-социальной инфраструктуре города. Констатируется, что в разработке темы необходимо сосредоточить внимание на причинах, условиях и последствиях смены парадигмы в развитии города, произошедшей во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., и выразившейся в переходе от преимущественно индустриально-социального к социально-культурному вектору развития.

Ключевые слова: Полоцк, социально-экономическое развитие, историография.

Введение

В период БССР проблема социально-экономического и культурного развития регионов и городов республики в XX в. вообще, и Полоцка в частности, находилась на периферии интересов научного сообщества. Проблема, затрагивалась только в том случае, когда исследователь, руководствуясь дедуктивным методом, стремился подтвердить на местном материале реализацию общественно-исторических тенденций, формируемых коммунистической партией.

До начала 1960-х гг. в белорусской советской историографии отсутствовали работы, излагавшие в системном виде и на научной основе историю Полоцка в целом, и советский период полоцкой истории в частности.

Основная часть

Первой работой подобного рода стало научно-популярное издание “Полоцк: исторический очерк” [1]. В книге большое внимание уделено социалистическому периоду истории Полоцка: более половины издания посвящено изложению истории Полоцка после 1917 г. В соответствии с господствовавшими идеологическими установками авторы издания последо-

вательно проводят мысль, что все достижения Полоцка и полочан в экономике и социальной сфере состоялись благодаря руководящей роли КПСС.

В 1987 г. вышло второе, переработанное и дополненное издание данного труда – “Полоцк: исторический очерк” [2]. В книге расширилась фактическая база, особенно это коснулось изложения темы “В борьбе против немецко-фашистских захватчиков”. Были смещены идеологические акценты: начиная с 1960-х гг. события стали интерпретироваться не через призму “строительства коммунизма”, а как идущие в русле политики “совершенствования развитого социализма”.

В целом, в названных выше изданиях была выстроена цельная концепция социально-экономического развития Полоцка в советский период его истории, опиравшаяся на установки марксистско-ленинской исторической науки.

Большой фактический материал содержит книга Н.С. Полянского “Славен город Полоцк: страницы истории” [3] и В.П. Шамова “Полоцк – город древний: Ист.-экон. очерк” [4]. Названные книги интересны не только своей документальной основой, но и тем, что иллюстрируют, каким образом социально-экономическая действительность подгонялась под идеологические рамки.

Научные работы, посвященные исследованию социально-экономического развития Полоцка в 1917–1991 гг., в советское время созданы не были.

Прорыв в исследовании социально-экономического развития Полоцка в советский период был сделан после 1991 г. В имеющихся научных и научно-популярных работах исследуются отдельные проблемы истории Полоцка в XX в. Научных монографий, исследующих социально-экономическое развитие Полоцка в 1917–1991 гг., до настоящего времени не издано.

В 2002 г. была опубликована книга, представляющая исключительный интерес для исследования полоцкой истории – “Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Полацка” [5]. В неё включены историко-экономические и биографические очерки, статьи о героях войны и труда, знаменитых уроженцах полоцкой земли. В этом издании широко используются документы и материалы из государственных и личных архивов, музеев, печатных источников, воспоминания. Издание содержит важный для изучения социально-экономического развития Полоцка в 1917–1991 гг. фактический и статистический материал, богато иллюстрировано и снабжено научным аппаратом.

Безусловную ценность для анализа социально-экономической и культурной истории Полоцка представляют энциклопедические статьи. Они носят академический характер и являются необходимым методологическим

инструментарием для анализа социально-экономического развития Полоцка в 1917–1991 гг. В этой связи стоит отметить энциклопедические статьи “Полацк” [6] в “Энцыклапедыі гісторыі Беларусі” и “Полацк” [7] в “Беларускай энцыклапедыі”. Кроме названных статей, в обеих энциклопедиях размещены статьи о предприятиях и учреждениях Полоцка, позволяющие исторически корректно отобразить социально-экономическое развитие Полоцка в 1917–1991 гг.

На фактической основе строится книга И.И. Калиновского “Полацк і яго ваколiцы” [8] и научно-популярное издание И.П. Дейниса “Полацкая даўнiна” [9]. Авторы реконструируют социально-культурный контекст полоцкой истории в XX в., уделяют большое внимание описанию процесса развития городского пространства Полоцка в послевоенное время.

В нескольких работах исследуются отдельные аспекты экономического развития Полоцка в 1917–1991 гг. Н.А. Сергеенко в статье “Фармiраванне, дзейнасць i структура дзяржаўных органаў савецкай улады ў Полацку ў 20–30-я гг. XX ст.” [10] анализирует роль советских органов власти в организации и развитии экономики Полоцка в межвоенный период, изучает на примере Полоцка процесс установления тотального идеологического контроля ВКП(б) над социально-культурной сферой общества.

О.Д. Краско в работе “Развіццё дробнара-меснiцкай вытворчасцi ў Полацку ў 20-я гг. XX ст.” [11] изучает развитие ремесленного производства в Полоцке в послереволюционные годы. И.Н. Гурина в статье “Развитие торговли в Полоцком округе в 1920–1930 годах” [12] исследует проблемы развития государственной, кооперативной и частной торговли в Полоцке в период НЭПа, показывает место и роль Полоцка и Полоцкого округа в товарообороте БССР.

В.В. Данилович и А.П. Соловьянов в работе “Полоцк в межвоенный период 1921–1941 гг.” [13] изучают социально-экономическую и общественно-политическую жизнь города в межвоенный период, выявляют тенденции, превратившие Полоцк за межвоенное время в один из важных промышленных центров БССР.

Работы С.В. Гавриловой “Асноўныя кірункі аднаўлення і развіцця Полацка ў 1944–1954 гг. Частка 1. Першыя крокі на шляху аднаўлення. Прамысловасць” [14] и “Асноўныя кірункі аднаўлення і развіцця Полацка ў 1944–1954 гг. Частка 2. Гандаль і грамадскае харчаванне, транспарт” [15] на основе архивных материалов реконструируют процесс восстановления социальной сферы и экономики Полоцка в послевоенное десятилетие.

В статье Е.В. Сумко “Восстановление и развитие розничной торговли в Полоцкой области в первое послевоенное десятилетие” [16]

исследован процесс развития розничной торговли в Полоцке и Полоцкой области в 1944–1954 гг., показаны объективные трудности в этом важном для социального развития города процессе.

Н.Б. Нестерович в работе “Эканамiчнае i сацыяльнае развіццё Полацка в 1944–1985 гг.” [17] анализирует основные этапы, направления, проблемы и результаты социально-экономического развития Полоцка в 1944–1985 гг.

В историографию проблемы социально-экономического и культурного развития Полоцка в 1917–1991 гг. включен ряд исследований, посвященных истории строительства Полоцкого НПЗ и города Новополоцка. Это строительство опиралось на первые порывы на экономико-социальную инфраструктуру Полоцка, в силу чего интерес для исследования истории Полоцка конца 1950-х – начала 1960-х гг. представляет монография М.М. Шлеймовича “Новополоцк: год за годом: история, архитектура, строительство” [18]. Она содержит значительный фактический материал, раскрывающий характер и масштабы взаимодействия органов власти и населения Полоцка с первостроителями Новополоцка.

В работах ряда современных белорусских историков исследуются отдельные аспекты социального развития Полоцка в 1917–1991 гг. В статье М.И. Старовойтовой “Население Полоцка и Полотчины в 1920–1930-е годы: этнодемографические и социокультурные изменения” [19] изучается динамика развития социальной сферы Полоцка в межвоенный период. На основе большого фактического и статистического материала автором анализируются изменения, произошедшие в межвоенный период в этническом, демографическом, гендерном и социально-культурном облике Полоцка и Полотчины.

А.И. Корсак и Е.В. Сумко в работе “Жизнеобеспечение населения Полоцка в первые послевоенные годы” [20] на основе архивных источников изучают основные направления деятельности советских органов власти по обустройству Полоцка и организации жизнеобеспечения горожан в процессе восстановительных работ в первые послевоенные годы. Эту же проблему изучает С.В. Гаврилова в статьях “Аднаўленне жыллёвага фонду Полацка ў пасляваенны перыяд (1944–1948)” [21] и “Асноўныя кірункі аднаўлення і развіцця Полацка ў 1944–1954 гг. Частка 3. Ахова здароўя, адукацыя, культура, фізкультура і спорт” [22].

Работы Т.А. Орловой “Советский период в архитектуре Полоцка” [23] и “Изменение планировочной структуры Полоцка с конца XVIII по XX вв.” [24] на профессиональном уровне исследуют изменение пространственной композиции города в течение длительного периода времени. На конкретных примерах из истории полоцкого градостроительства советской эпохи

автор показывает, каким образом на пространственной композиции города и градостроительных решениях отражались исторические обстоятельства и идеологические установки времени.

Н.В. Анисковец в статье «Архитектура и градостроительство Полоцка на втором этапе послевоенного развития (1954–1960-е годы)» [25] отмечает, что зачастую насущные потребности в обеспечении горожан жильем реализовывались без учета необходимости сохранения исторического центра города, вне единой архитектурной концепции, что создавало эклектизм в архитектурном облике города.

В статье Н.И. Немчинской «Яўрэйская адукацыя ў Полацку ў 1919–1926 гг.» [26] изучается проблема развития системы образования нацменьшинств в Полоцке в первые послереволюционные годы. М.М. Анискович в работе «Начальные и средние учебные заведения в Полоцке в 1918–1923 гг.» [27] рассматривает процесс становления в Полоцке единой трудовой школы двух ступеней, показывает объективные и субъективные трудности этого процесса, характеризует деятельность национальных школ (3 еврейских и польской), а также школ ликбеза в Полоцке. Ю.В. Студеникина в статье «Дошкольные учреждения Полотчины в 20–30-е годы XX столетия» [28] на основе архивных источников во всех подробностях воссоздает картину возникновения и развития всех типов дошкольных учреждений в Полоцке в межвоенное время. Ее статья содержит уникальный по своей полноте статистический материал.

Отдельные проблемы развития системы здравоохранения в Полоцке в советское время изучаются Т.С. Садовниковой в статье «История аптечной службы Полоцка и Полоцкого района» [29], а также О.В. Козелом в работе «Развитие здравоохранения в Полоцке в 20-е годы XX в.» [30]. В этих работах информативны сведения о состоянии и развитии системы здравоохранения в Полоцке в 1920–1940-х гг.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что историография социально-экономического развития Полоцка в 1917–1991 гг. насчитывает в настоящее время более 70 научных работ. Качественная сторона изучения заявленной проблемы позволяет констатировать факт, что на сегодняшний день отсутствует комплексное исследование социально-экономического развития Полоцка в 1917–1991 гг. Историография проблемы представлена в основном научно-популярными изданиями и научными статьями, исследующими отдельные аспекты развития экономики и социальной сферы Полоцка в советский период.

Исследования социально-экономической истории Полоцка в 1917–1991 гг., проведенные

в советское время, отличаются идеологизированностью, зачастую за счет неполноты изложения фактов.

Исследования современных белорусских историков, посвященные социально-экономическому развитию Полоцка в 1917–1941 гг., воссоздают отдельные элементы этого процесса. Требуется большего изучения проблема изменения социально-демографической и национальной структуры городского населения в межвоенный период. Предстоит работа по реконструкции процесса социально-экономического развития Полоцка в период НЭПа и индустриализации во всей его динамике и сложности.

Значительное число исследований посвящено истории Полоцка в годы Великой Отечественной войны. Стараниями историков советской эпохи и периода суверенной Беларуси создана достаточно полная и объективная картина ситуации в Полоцке в начале войны, в период нацистской оккупации и в первые годы после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Однако требуют дальнейшего изучения вопросы организации и деятельности оккупационной администрации, повседневной жизни города и горожан под нацистской оккупацией.

В наименьшей степени исследовано социально-экономическое развитие Полоцка в 1946–1991 гг. Часть материалов, характеризующих этот период, введена в научный оборот и исследована советскими и современными белорусскими историками, однако они не составляют целостной картины жизнедеятельности горожан и развития Полоцка в послевоенный период. Изучению подлежат изменения, произошедшие в экономико-социальной инфраструктуре города в результате процессов модернизации и урбанизации. Необходимо исследовать причины, условия и последствия смены парадигмы в развитии города, произошедшей во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., и выразившейся в переходе от преимущественно индустриально-социального к социально-культурному вектору развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Полоцк: исторический очерк / [АН БССР, Ин-т истории ; под ред. И. С. Кравченко, Н. В. Каменской]. – Минск : Изд-во АН БССР, 1962. – 286 с.
2. Полоцк: исторический очерк / АН БССР, Ин-т истории ; [редкол.: П. Т. Петриков, М. О. Бич, И. Е. Марченко и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Наука и техника, 1987. – 320 с.
3. *Полянскі, Н. С.* Славен город Полоцк: страницы истории. – Минск : Государственное издательство БССР, 1962. – 392 с.

4. **Шамов, В. П.** Полоцк – город древний : ист.-экон. очерк. / В. П. Шамов. – Минск : Польша, 1987. – 107 с.
5. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2002. – 912 с.
6. **Штыхаў, Г. В.** Полацк / Г. В. Штыхаў, Т. А. Джумантаева, Н. А. Сяргеева // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : БелЭн, 1999. – Т. 5. – С. 518–522.
7. Полацк / Г. В. Штыхаў [і інш.] // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. – Мінск : БелЭн, 2001. – Т. 12. – С. 451–454.
8. **Каліноўскі, І. І.** Полацк і яго ваколіцы / І. І. Каліноўскі. – Мінск : Выш. шк., 2005. – 143 с.
9. **Дэйніс, І. П.** Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс. – Мінск : Медисонт, 2007. – 330 с.
10. **Сяргеева, Н. А.** Фарміраванне, дзейнасць і структура дзяржаўных органаў савецкай улады ў Полацку ў 20–30-я гг. XX ст. / Н. А. Сяргеева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2000 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк : НППГКМЗ, 2001. – С. 83–86.
11. **Краско, В. Д.** Развіццё дробнарамесніцкай вытворчасці ў Полацку ў 20-я гг. XX ст. / В. Д. Краско // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 1998 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк : ПГКМЗ, 1999. – С. 23–25.
12. **Гурина, И. Н.** Развитие торговли в Полоцком округе в 1920–1930 годах / И. Н. Гурина // Труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Выпуск 34. Гуманитарные науки. – Новополоцк : ПГУ, 2009. – С. 27–30.
13. **Данилович, В. В.** Полоцк в межвоенный период 1921–1941 гг. / В. В. Данилович, А. П. Соловьянов // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22-23 мая 2012 г.) / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. універсітэт ; рэд. кал.: А. А. Каваленя [і інш.]; навук. рэд., уклад. М. В. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 314–323.
14. **Гаўрылава, С. В.** Асноўныя кірункі аднаўлення і развіцця Полацка ў 1944–1954 гг. Частка 1 : Першыя крокі на шляху аднаўлення. Прамысловасць / С. В. Гаўрылава // Полацкі музейны штогоднік : зб. навуковых артыкулаў за 2011 г. / уклад.: Т. А. Джумантаева [і інш.]. – Полацк : НППГКМЗ, 2012. – С. 20–32.
15. **Гаўрылава, С. В.** Асноўныя кірункі аднаўлення і развіцця Полацка ў 1944–1954 гг. Частка 2 : Гандаль і грамадскае харчаванне, транспарт / С. В. Гаўрылава // Полацкі музейны штогоднік : зборнік навуковых артыкулаў за 2013 г. / уклад. Т. У. Явіч. – Полацк : [НППГКМЗ], 2014. – С. 84–99.
16. **Сумко, Е. В.** Восстановление и развитие розничной торговли в Полоцкой области в первое послевоенное десятилетие / Е. В. Сумко // Гісторыя гандлю ў Беларусі (ад старажытнага часу да канца XX ст.: праблемы вывучэння і перспектывы даследавання : матэрыялы I Міжнароднай навукова-практычнай канф., Мінск, 14–16 лістапада 2013 г. / Цэнтр вывучэння гісторыі гандлю ТАА «Інстытут рознічных тэхналогій “Менка”». – Мінск : Тэхналогія, 2014. – С. 228–238.
17. **Несцяроў, Н. Б.** Эканамічнае і сацыяльнае развіццё Полацка в 1944–1985 гг. / Н. Б. Несцяроў // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22–23 мая 2012 г.) / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. універсітэт ; рэд. кал.: А. А. Каваленя [і інш.]; навук. рэд., уклад. М. В. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 343–350.
18. **Шлеймовіч, М. М.** Новополоцк: год за годом: история, архитектура, строительство / М. М. Шлеймович. – Минск : Беларусь, 2008. – 439 с.
19. **Старовойтова, М. И.** Население Полоцка и Полотчины в 1920–1930-е годы: этнодемографические и социокультурные изменения / М. И. Старовойтова // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22-23 мая 2012 г.) / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. універсітэт ; рэд. кал.: А. А. Каваленя [і інш.]; навук. рэд., уклад. М. В. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 297–305.
20. **Корсак, А. И.** Жизнеобеспечение населения Полоцка в первые послевоенные годы / А. И. Корсак, Е. В. Сумко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки. – 2015. – № 9. – С. 168–173.
21. **Гаўрылава, С. В.** Аднаўленне жыллёвага фонду Полацка ў пасляваенны перыяд (1944–1948) / С. В. Гаўрылава // Полацкі музейны штогоднік : (зборнік навуковых артыкулаў за 2010 г. / уклад.: Т. А. Джумантаева, А. У. Шумовіч, Т. Р. Смірнова. – Полацк : НППГКМЗ, 2011. – С. 37–54.
22. **Гаўрылава, С. В.** Асноўныя кірункі аднаўлення і развіцця Полацка ў 1944–1954 гг. Частка 3 : Ахова здароўя, адукацыя, культура, фізкультура і спорт / С. В. Гаўрылава // Полацкі музейны

- штогоднік : (зборнік навуковых артыкулаў за 2014 г.) / уклад. Т. У. Явіч. – Полацк : [НПГКМЗ], 2015. – С. 93–113.
23. **Орлова, Т. А.** Советский период в архитектуре Полоцка / Т. А. Орлова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2003 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк : НПГКМЗ, 2004. – С. 28–33.
  24. **Орлова, Т. А.** Изменение планировочной структуры Полоцка с конца XVIII по XX вв. / Т. А. Орлова // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі: (па выніках навукова-даследчай работы ў 2004 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк : НПГКМЗ, 2005. – С. 39–45.
  25. **Анисковец, Н. В.** Архитектура и градостроительство Полоцка на втором этапе послевоенного развития (1954–1960-е годы) / Н. В. Анисковец // Труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета. – 2008. – № 28. – С. 19–21.
  26. **Нямчынская, Н. І.** Яўрэйская адукацыя ў Полацку ў 1919–1926 гг. / Н. І. Нямчынская // Полацкі музейны штогоднік : зборнік навуковых артыкулаў за 2013 г. / уклад. Т. У. Явіч. – Полацк : [НПГКМЗ], 2014. – С. 147–154.
  27. **Анискович, М. М.** Начальные и средние учебные заведения в Полоцке в 1918–1923 гг. / М. М. Анискович // Полацкі музейны штогоднік : (зборнік навуковых артыкулаў за 2014 г.) / уклад. Т. У. Явіч. – Полацк : [НПГКМЗ], 2015. – С. 60–69.
  28. **Студеникина, Ю. В.** Дошкольные учреждения Полотчины в 20–30-е годы XX столетия / Ю. В. Студеникина // Полацкі музейны штогоднік: зборнік навуковых артыкулаў за 2012 г. / уклад. Т. У. Явіч. – Полацк : [НПГКМЗ], 2013. – С. 112–130.
  29. **Садовникова, Т. С.** История аптечной службы Полоцка и Полоцкого района / Т. С. Садовникова // Краткая история Витебской фармации: Материалы к конференции “Партнерство в лекарственном обеспечении”. – Витебск, 2000. – С. 65–78.
  30. **Козел, О. В.** Развитие здравоохранения в Полоцке в 20-е годы XX в. / О. В. Козел // Здравоохранение. – 2004. – № 11. – С. 59–61.

Поступила в редакцию 20.05.2016 г.
 Контакты: shura_ogorodnikov@mail.ru
 (Огородников Александр Александрович)

Ogorodnikov A.A. HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF POLOTSK IN 1917–1991.

In the article the historiography of social-economic development of Polotsk in 1917–1991 is presented. It is concluded that the social-economic development of Polotsk was researched in the least possible degree in the post-war period (in the years 1946–1991). The historiographic gap is considered to be the study of modernization and urbanization of the economic-social infrastructure of the town. It is stated that to develop the theme it is necessary to concentrate attention on the reasons, conditions and results of the change of paradigm in the second half of the 1980s and at the beginning of the 1990s that lead to the transition from mainly industrial-social to social-cultural development vector.

Key words: Polotsk, social-economic development, historiography.

УДК 37.011

**ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
И ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ
ДИАЛОГ**

С. А. Данилевич
старший преподаватель,
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Актуальность данной работы связана с необходимостью осознания тех проблем, которые связаны с формированием мировоззрения современной креативной личности в информационном обществе. Одной из таких проблем становится мировоззренческий выбор личности в условиях виртуальной реальности и виртуального диалога. Автор производит анализ различных подходов к выявлению сущности виртуальной реальности и характеристике виртуального диалога. Также в работе выявляется ряд противоречий и позитивных факторов в формировании современной креативной личности. В частности, автор рассматривает влияние компьютерных технологий и интернета на процессы межличностной коммуникации в современном мире, а также указывает на важную роль гуманитарных наук и, прежде всего, философии в формировании оснований мировоззрения современной креативной личности. По мысли автора, в информационном обществе философско-мировоззренческий диалог является одним из важнейших факторов формирования мировоззрения креативной личности.

Ключевые слова: диалог, мировоззрение, креативная личность, информационное общество.

Введение

Информационная революция поставила перед человечеством принципиально новые задачи и проблемы, решение которых возможно лишь при условии переосмысления сущности человеческого бытия. А для этого от современного человека требуется не только овладение как можно большим объемом знаний об организации современного социума, структуре и глубинных принципах существования новой культуры, но и составление самостоятельного суждения о новых способах организации социокультурного пространства и выработки собственной стратегии движения в нем. Такая задача уже сама по себе нетривиальна. А особенно в свете осознания того, какое важное место в структуре современной культуры занимает виртуальная реальность.

Основная часть

Виртуальную реальность можно рассматривать как своего рода принципиальный плюрализм в различении реальностей по степени достоверности их существования. Сила виртуальной реальности заключается именно в том, что «виртуальные» по своей природе про-

цессы играют в жизни и деятельности индивида и общества не менее, а порой даже более значимую роль, нежели реальные. Так, например, виртуальные «электронные деньги» имеют большую значимость для функционирования экономики, нежели реальные (бумажные, золотые и пр.). В такой ситуации способность индивида взаимодействовать с виртуальными сущностями и жить в виртуальном пространстве оказывается существенным условием достижения личного успеха. Так, А.А. Лазаревич отмечает: «Способность участвовать в генерировании виртуальной реальности не является уникальным свойством человека информационной эпохи. Вместе с тем именно способность человека к виртуализации (то есть к участию в процессе создания законов вторичной реальности, пониманию специфики ее законов, а также к свободному переключению сознания между мирами «реального» и «виртуального») становится едва ли не базовой коммуникативной компетенцией, важнейшей предпосылкой социального благополучия» [1, с. 9]. Кроме того, виртуальное пространство создает условия для организации новых эффективных способов межличностной коммуникации. Так, сеть Интернет давно стала территорией живого межличностного общения, где стирается грань между личным и публичным пространством коммуникации, а вполне приземленные по своей направленности бизнес-акции спокойно соседствуют с живыми движениями человеческой души. Тем не менее, как справедливо указывает А.А. Лазаревич, «большая опасность коренится также в том, что большинство людей в мире изобилия различной информации не формируют собственные (индивидуальные) смыслы, а «слепло впитывают» то, что выбрасывается сегодня на информационный рынок. Следствием этого является так называемое клиповое сознание, лишенное какой бы то ни было креативности» [1, с. 5]. Тем не менее, как отмечает Т.И. Адуло, «в отличие от предыдущих поколений, воспринимавших иллюзорный мир (например, сверхъестественный) как реальный мир, человек XXI века, даже находясь в сконструированном, «виртуальном» мире, дает полный отчет о своих действиях» [2, с. 40]. Иначе говоря, виртуальность осознается как особый мир, живущий по своим законам, но творчески мыслящий человек способен сам менять эти законы и устанавливать новые правила игры. Как полагает В.В. Тарасенко, «человек кликающий» выстраивает кнопочными интеракциями становящееся перед ним пространство и время, т. е. пространство и время связываются в целостность, структурируются через человеческие коммуникации» [3, с. 118]. В этих условиях становится актуальным вопрос о *виртуальном диалоге* – коммуникативном взаимодействии человека с виртуальными субъектами в рамках

полионтологической виртуальной реальности. Этот диалог позволяет проецировать желаемое на сферу действительного в мире, который конструируется по принципу: “нет ничего невозможного”. Этот диалог привязывает индивида к виртуальной реальности, поскольку эта реальность есть осознаваемая территория реализованной свободы, в том числе и свободы общения, что зачастую приводит к негативным воздействиям на нравственную сферу личности, которая, почувствовав вседозволенность, начинает самоутверждаться в асоциальных и аморальных действиях. Примером может служить так называемый “троллинг”, когда посредством использования нецензурной лексики и прямых угроз подавляется воля оппонента на интернет-форумах и агрессивно навязывается своя точка зрения. Виртуальный диалог позволяет вступить в коммуникацию не только с “живыми” собеседниками в рамках искусственно созданной реальности, но и с виртуально существующими персонажами – героями компьютерных игр, видеофильмов, персонажами комиксов и тому подобным. С одной стороны, виртуальный диалог способствует развитию творческого начала в человеке, но, с другой, он актуализирует, утверждает приоритет виртуальности перед “живой” реальностью, что может иметь сложно предсказуемые последствия.

Однако проникновение информационных технологий в различные сферы жизни общества способно привести не только к позитивным изменениям, но и вызвать негативные последствия для развития современной личности. В условиях информационного общества встает проблема нового отчуждения родовой сущности человека. По определению Маркса, “отчуждение проявляется как в том, что мое средство существования принадлежит другому, что предмет моего желания находится в недоступном мне обладании другого, так и в том, что каждая вещь сама оказывается иной, чем она сама, что моя деятельность оказывается чем-то иным и что, наконец, – а это относится и к капиталисту, – надо всем вообще господствует нечеловеческая сила” [4, с. 608]. Применительно к ситуации в информационном обществе отчуждение представляет собой один из трагических феноменов человеческого существования, сущностью которого является отстранение индивида от реальности, которая ранее казалась понятной, и, в конечном итоге, от самого себя.

Во-первых, это отчуждение связано с тем, что основным принципом существования и развития информационного общества становится не столько получение нового знания в результате концентрации усилий многих исследователей для решения актуальных для всего человечества проблем, сколько оперирование с уже готовым знанием, препарирование

его различными способами и обеспечение максимально широкого доступа к информации, что, впрочем, можно рассматривать как особый род творчества. Тем не менее, при таком положении дел посредством опубликования текста отчуждается личностный компонент творчески ориентированного индивида, который данное произведение создал, так как, попадая в пространство информационных потоков, его творение деперсонализируется, превращаясь в своеобразный “сухой паек”, состоящий из набора фактических данных и цитат, которые, в свою очередь, изменяются до неузнаваемости, проходя через “горнило” интернет-форумов. В целом ситуация осложняется еще и тем, что в сети Интернет обрабатывается огромное количество информации, несущей с собой разнородные представления о морально-этических, эстетических и иных ценностях, определяющих жизнь людей. Такое положение, как отмечает М.И. Вишневецкий, “резко повышает требования к способности человека как личности противостоять внешнему давлению на его систему ценностей, базовых жизненных ориентаций” [5, с. 107]. Информационная эпоха с ее культом техники и технологии способна негативно воздействовать на психосоциальную структуру личности именно вследствие специфической механической организации, унификации производства и быта. Так, по мнению Т. Имамичи, “механическое окружение, технологическое единообразие как новый способ коллективной идентификации – это искусство уничтожения личностных характеристик” [6, с. 82]. Техническое совершенство начинает преобладать над личностным в качестве идеальной цели социального развития.

Другой проблемой является возможная замена человека машиной, естественного интеллекта – искусственным. Однако создание “абсолютно человеческого” искусственного интеллекта и полная замена им человека в сфере производства не представляются в настоящее время возможными, так как психические механизмы творчества не поддаются логическому моделированию, о чем справедливо писал В.А. Звегинцев: “Пока человек остается человеком, он будет находиться в «кругу» порождаемых им самим психосфер, которые, какими бы они ни представлялись перед нами, будут устанавливать границы власти компьютерного ига” [7, с. 52]. Тем не менее, от современной личности требуется огромное внимание к процессам информатизации жизни общества и четкое осознание ответственности за свое будущее, которую невозможно перекладывать на плечи пусть даже самой совершенной машины или технологии. Как считает Сяо Цзыньюй, “люди нуждаются в общении для выражения настроения, но по разным причинам в реальной жизни часто трудно найти подходящего собеседника, и они обращаются к возможно-

стям сети Интернет и мобильной связи для расширения своего круга общения” [8, с. 80]. Информационные технологии предоставляют современному человеку широкие возможности для вступления в коммуникативное взаимодействие и самореализации в общении с другими людьми.

Таким образом, развитие межличностной виртуальной коммуникации в информационном обществе носит двоякий характер. С одной стороны, необходимо отметить такое негативное явление, каким является сокращение числа непосредственных межличностных коммуникаций, их замена или опосредование знаково-символическими средствами, тенденция к “информационному потребительству”. С другой стороны, при взвешенном подходе к применению достижений информационных технологий последние могут стать важным средством межличностного общения и творчества, сближая людей, преодолевая их языковую, территориальную и культурную разобщенность, создавая уникальные возможности для творения нового.

В новых условиях стандартизации, унификации явлений и смыслов, имеющих культурно-образующее значение, личность, или, вернее, индивид, претендующий на данное звание, сталкивается не только с трудной задачей самоидентификации среди однообразно существующих себе подобных, но и с проблемами личностного творческого роста, утверждения себя в свободном порыве реализации своих креативных и когнитивных потенциалов. В современном мире, как отмечает Б. Никифорова, “массовое распространение получает эклектическое мировоззрение, сочетающее логически и исторически не связанные между собой элементы, почерпнутые из различных традиционных религий, квазинаучных или фольклорных представлений, а также как результат переосмысленных образов массовой культуры” [9, с. 18]. Но здесь также появляется широкая возможность моделирования собственного бытия, его видов и концептов, что предусматривается самой организацией социальной действительности в информационном обществе и обеспечивается интерактивностью и виртуальностью бытия. От индивида, живущего в стремительно виртуализирующемся мире, требуется осуществлять не только личный мировоззренческий выбор, но и создавать свой собственный вариант картины мира, непрестанно ее совершенствуя и преобразуя. Таким образом, в современной ситуации развития информационного общества становится востребованным особый тип личности, для которой свойственна способность создавать новые виртуальные миры и формировать собственное отношение к ним и другим субъектам (реальным и виртуальным) – *креативная личность*. Следовательно, и значение гуманитарного знания, понимаемого как знание о

человеческом мире как мире культуры, должно непрерывно возрастать. А это определяет необходимость отхода от закрытого монологизма “массового” человека и утверждения диалогизма как базового принципа мировоззренческого самоопределения личности. Ю. Хабермас в этой связи замечает: “Потребности интерпретируются в свете культурных ценностей; и так как последние всегда являются составной частью интерсубъективно признанной традиции, пересмотр ценностей, дающих основание для интерпретации потребностей, не может быть делом, которым монологически распоряжались бы отдельные индивиды” [10, с. 107]. Своеобразной квинтэссенцией культурной традиции становятся философские идеи, которые вырастают из самой действительности, в связи с чем особую актуальность приобретает философское образование, которое имеет изначально диалогическую природу и способ организации и функционирования. И, если только оно продолжает претендовать на осуществление функции выработки мировоззрения, ему необходимо способствовать формированию самостоятельной, творчески мыслящей личности, активно осмысливающей современную культуру в ее основаниях и нацеленной на ее продуктивное изменение в соответствии с вызовами времени. Решить такую задачу способна лишь такая мировоззренческая теория, которая позволит человеку, приобщаясь к ней, заложить фундамент собственной жизненной позиции, непосредственно сопрягая значимые наработки предшественников с основами своего мировидения и личными ценностными ориентациями. Верификация этих ценностей может осуществляться посредством *философско-мировоззренческого диалога*, который представляет собой двустороннюю, опосредованную бытийно-организующими философскими концептами, связь между субъектами – сторонниками различных мировоззренческих ориентаций и аксиологических предпочтений. Диалогическая методика обучения мировоззренческим дисциплинам позволяет сращивать теоретические положения гуманитарных наук с реальной жизненной практикой индивида.

Заключение

Таким образом, в условиях информационного общества утверждаются новые ценности современной личности, к числу которых следует отнести: ценность интеллектуального труда и умения обрабатывать большие массивы информации (т. е. технологическая информационная компетентность), а также способность к виртуальному мировоззренческому творчеству (созданию виртуальных реальностей и субъектов). Можно констатировать, что в условиях информационного общества трансформируется структура ценностей и изменяется характер

взаимодействия между людьми, что создает в целом благоприятные условия для творчества и определяет востребованность креативной личности. Вместе с тем, в рамках информационного общества действуют и негативные факторы, затрудняющие живое межличностное общение и развитие процессов личностного творчества. В настоящее время обществом востребован особый тип личности, способный не только адаптироваться к постоянно меняющемуся миру – реальному и виртуальному, но и творчески его преобразовывать, учитывая интересы реальных других на основе принципов диалога и сотрудничества. И решающее значение в стимулировании этих процессов имеет внедрение философско-мировоззренческого диалога в практику современного образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Лазаревич, А. А.** Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / А. А. Лазаревич ; науч. ред. И. Я. Левяш. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 537 с.
2. **Адуло, Т. И.** Человек в условиях социальных трансформаций: философско-антропологический анализ / Т. И. Адуло, О. А. Павловская. – Минск : Бел. наука, 2006. – 311 с.
3. **Тарасенко, В. В.** Антропология Интернет: самоорганизация “человека кликающего” / В. В. Тарасенко // Общественные науки и современность. – 2000. – № 5. – С. 111–120.
4. **Маркс, К.** Экономическо-философские рукописи 1844 года / Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1956. – 690 с. – С. 517–642.
5. **Вишневский, М. И.** Актуальные проблемы современной философии образования : курс лекций / М. И. Вишневский. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2003. – 162 с.
6. **Имамичи, Т.** Моральный кризис и метатехнические проблемы (Предисловие к публикации А. Л. Доброхотова) / Т. Имамичи // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – С. 73–82.
7. **Звегинцев, В. А.** Проблема отношений человека и машины в компьютерной революции // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 44–52.
8. **Цзыньюй, Сяо.** Эстетика смеха М. М. Бахтина и китайская народная смеховая культура / Сяо Цзыньюй // Вестник Московского Университета. Серия 7. Философия. – № 1. – 2006. – С. 73–82.
9. **Никифорова, Б.** Идентитет в культурно-цивилизационной перспективе / Б. Никифорова // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: М.А. Можейко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2008. – С. 17–22.
10. **Хабермас, Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас / перевод с немецкого под редакцией Д. В. Складнева. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 380 с.

Поступила в редакцию 20.05.2016 г.
Контакты: dasan83@mail.ru
(Данилевич Сергей Александрович)

Danilevich S.A. VIRTUAL REALITY AND PHILOSOPHICAL WORLD OUTLOOK DIALOGUE.

Actuality hired is related to the necessity of realization of those problems that is related to forming of world view of modern creative personality in informative society. The world view choice of personality becomes one of such problems in the conditions of virtual reality and virtual dialogue. An author produces the analysis of the different going near the exposure of essence of virtual reality and description of virtual dialogue. On the idea of author, in information society a world philosophical-view dialogue is one of major factors of forming of world view of creative personality.

Key words: dialogue, world, outlook, creative personality, information society.

УДК 115:119:159.955

ТЕЧЕНИЕ КВАНТОВОГО ВРЕМЕНИ И ЕГО МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ***А. Н. Спасков**кандидат философских наук, доцент,
Институт философии
Национальной Академии наук Беларуси

Статья посвящена выяснению квантовой природы течения времени и обоснованию математической модели внутреннего времени. Выдвигается гипотеза о том, что глубинные основания самостождественности мира, находятся в квантовом мире. Обосновывается новое понимание субстанциально-информационной природы течения времени как непрерывно длящегося активного взаимодействия субъекта и объекта.

Ключевые слова: природа времени, метафизика, субстанциальная концепция времени, расслоенное квантовое время, транзитивно-фазовая концепция времени, течение квантового времени, сознание, субстанциальное действие, хрональный континуум, информация.

Введение

Наше исследование посвящено одному из ключевых вопросов современной науки – объяснению природы времени. Автор исходит из недостаточности традиционной физической парадигмы для обоснования природы квантовых явлений и сознания. В качестве выхода из парадигмального тупика предлагается пересмотреть метафизические основания и ввести в научный оборот новые онтологические понятия.

Гипотеза о субстанциально-информационной природе времени, развиваемая в работе, основывается на принципиальной приверженности ее автора субстанциальной концепции пространства и времени, что противоречит доминирующей сейчас в физике релятивистской парадигме, но вполне соответствует духу постнеклассической науки. Радикальность этой гипотезы заключается в пересмотре фундаментальных оснований физической картины мира.

Анализируя природу времени и числа, а также логическую субординацию этих фундаментальных понятий, автор пришел к выводу о том, что натуральный ряд чисел, который воспроизводится в нашем сознании благодаря арифметическому счету, является естественной моделью времени как последовательности событий [1]. При этом каждое натуральное число является отдельным событием. Но само событие представляет собой элементарный временной цикл и делится на 4 внутренние фазы. Это и есть внутреннее время события, которое также нуждается в математическом представлении.

Для такого представления мы используем геометрическую модель теории расслоенных пространств [2]. Но геометрическое представление также имеет числовое выражение, так как оно основано на понятии множества и континуума. Таким образом, в определении внутреннего времени мы все же вынуждены использовать числовую модель. Но это уже не модель натурального ряда чисел, как дискретной последовательности событий, а более адекватная модель расслоенного фазового времени, позволяющая описать течение непрерывно длящегося квантового времени. Это геометрическое представление и дает нам наглядную математическую модель, объединяющую два независимых временных измерения. А именно – внешнее линейное макроскопическое время и внутреннее расслоенное квантовое время.

Квантовое время и природа его течения

Следует отметить, что само по себе геометрическое представление времени, будь то модель вещественной числовой оси или модель расслоенного пространства, все равно не дает полного представления о времени, так как игнорирует такое фундаментальное свойство, как его течение. Согласно разрабатываемой нами концепции транзитивно-фазового времени, мы описываем течение времени, как непрерывное изменение фазы [3].

Анализ генезиса числового ряда показывает, что невозможно определить числовую последовательность, избегая временных представлений [1]. Поставим теперь ту же задачу, что решали в этой работе для внешнего транзитивного времени, но уже для анализа внутреннего фазового времени. Если мы сможем определить понятие изменения фазы через понятие числа, не используя при этом в определении числа понятия времени, то мы сможем определить время через число, как более фундаментальное понятие.

Как известно Ньютон впервые ввел в науку понятие абсолютного математического времени, как числового параметра, характеризующего равномерно текущую фазу настоящего времени. Само по себе это абсолютное время ни от чего не зависит, но все мировые процессы зависят от него. Но это значит также, что абсолютное время нельзя никаким способом измерить и наблюдать, за что это понятие и критиковал Мах. Но зато можно измерить эквивалент абсолютного времени – относительное время. И таким эквивалентом будет любое равномерное движение. Мах считал, что понятие абсолютного времени, “кажущееся нам бессмысленным” избыточно, хотя и “безвредно” в механике и в духе позитивизма пытался вообще исключить его из науки [4, с. 420].

Для описания любого движения Ньютон и Лейбниц изобрели дифференциальное исчис-

© Спасков А. Н., 2016

* Публикуется в порядке дискуссии.

ление и представили его в виде математической пропорции бесконечно малых приращений искомого и эталонного движения. При этом о движении в ньютоновском представлении можно осмысленно говорить лишь тогда, когда определена скорость движения $v = dx/dt$. Символ x в этом выражении означает любую переменную физическую величину, которую можно измерить и выразить в эталонных единицах. Скорость движения может быть равна и нулю $v = dx/dt = 0$, но это означает, что хотя движения и нет, то есть мы описываем состояние покоя $dx = 0$, но течение времени все равно продолжается и $dt \neq 0$.

Выходит, что течение времени неустранимо ни при каких обстоятельствах. И это действительно так, пока у нас есть эталонные часы. Но как быть, если таких часов нет и их ни при каких условиях просто невозможно реализовать с помощью каких-либо материальных референтов? Для Ньютона решение этого вопроса было очевидным – все равно абсолютное время течет, так как оно является сенсориумом Бога и не зависит от материального мира. Более того – все движения самого материального мира зависят от Бога, он является источником всяких движений и изменений, а следовательно и времени. Поэтому время у Ньютона субстанциально. Оно течет благодаря истечению из Бога, как абсолютной системы отсчета.

Эти идеи Ньютона казались антинаучными в эпоху господства материализма и позитивизма. После создания теории относительности на смену субстанциального времени и пространства Ньютона пришло реляционное пространство-время Эйнштейна. Но теория относительности не решала вопроса о течении времени и Эйнштейн в своей первой знаменитой статье “К электродинамике движущихся сред” принципиально отказался от выяснения природы течения времени [5, с. 9].

Но уже в общей теории относительности пространство и время приобретают субстанциальные свойства. И если в специальной теории относительности пространство и время – это отношения между телами и событиями, то в общей теории относительности – это свойства самих тел, как источников гравитации. Это же относится и к событиям, т. к. событие – это взаимодействие, а любое из известных взаимодействий, так же как и гравитационное, вызывает искривление пространства-времени. Отсюда следует, что тела и события являются субстанциальным источником такого фундаментального свойства пространства и времени, как кривизна.

Но все же кривизна, хотя и трактуется по отношению ко времени как его замедление, не проясняет природу течения времени, т. к. время здесь все равно остается статическим. Поэтому, если о специальной теории относитель-

ности говорят, как о реляционно-статической, то об общей теории относительности можно говорить, как о субстанциально-статической концепции пространства-времени. А такая концепция не может описать динамическое течение времени и его необратимость.

Еще в большей степени проблема течения и необратимости времени не поддается решению в квантовой механике. И здесь возникает принципиальный парадокс. Ведь природу бесконечно малой длительности dt , которую ввели в физику Ньютон и Лейбниц, можно по настоящему понять лишь выяснив природу течения времени на микро масштабах. Но эту природу мы как раз и не можем выяснить экспериментальным способом, т. к. в микромире никаких материальных референтов, используемых в качестве эталонного движения и измерительного прибора времени просто нет.

Поэтому в квантовой механике время является единственной ненаблюдаемой величиной и измеряется с помощью лабораторных макроскопических часов. Но что значат лабораторные часы для электрона? Это то же самое, что использовать галактические часы с периодом в сотни миллионов лет для измерения нашего собственного времени. Для таких часов даже время нашей жизни – ничтожно малая величина. На этом основании многие ученые вообще отказываются от понятия времени на микро масштабах и считают его макроскопическим параметром [6; 7].

Попытаемся, однако, не имея никакого экспериментального способа, построить модель квантового времени чисто умозрительно. Такая квантовая модель и поможет нам до конца прояснить взаимосвязь времени и числа.

На самом деле физическая модель квантового времени уже есть. Это – модель линейного квантового осциллятора. Но, насколько нам известно, никто до сих пор не рассматривал квантовый осциллятор в качестве квантовых часов. Это связано с тем, что в квантовой механике нет понятия внутреннего времени, как параметра, характеризующего внутреннее состояние квантового объекта. Поэтому, хотя модель линейного осциллятора и предполагает колебания, фазу этих колебаний мы не можем определить, подобно положению часовой стрелки. Более того – в описании линейного осциллятора вообще отсутствует понятие внутренней фазы. Сам осциллятор описывается по лабораторным часам в постоянной фазе текущего настоящего времени.

Ведь, наблюдая показания часов, мы находимся в активной фазе взаимодействия с ними. Это взаимодействие заключается в том, что мы настраиваем, прежде всего, свое сознание на восприятие этого показания. Эта настройка занимает предварительный цикл восприятия и означает освобождение сферы нашего внима-

ния от всяких, не относящихся к данному акту восприятий. Таким образом, на протяжении этого цикла мы погружаемся в состояние углубленной сосредоточенности в себе, что соответствует состоянию “в-себе-бытия” по Гегелю. Можно сказать, что это – нулевое состояние нашего сознания или чистое состояние самосознания, когда мы создаем себя как готового к наблюдению субъекта, но не обнаруживаем еще объекта наблюдения.

В следующем цикле восприятия мы выходим из сферы сосредоточенности в себе и концентрируем свое внимание на объекте наблюдения. Эта концентрация означает активное взаимодействие субъекта и объекта, в результате которого происходит запись информации об объекте в нашем сознании. Иными словами, мы отождествляемся с объектом, схватываем его образ, что означает переход нашего сознания в качественно новое состояние “для-другого-бытия”. И лишь затем мы осознаем объект как предмет, принадлежащий нашему сознанию, что означает новое качественное состояние “для-себя-бытия”. В результате такого избирательного наблюдения мы накапливаем нужную нам информацию о внешнем объективном мире и расширяем сферу своего сознания.

Таким образом, любой элементарный акт наблюдения состоит из трех временных циклов, неразрывно связанных в кванте времени [1, с. 66]. Благодаря такой способности к восприятию квантов времени, в котором связаны модусы прошлого, настоящего и будущего времени и происходит формирование осмысленного образа объективного мира в нашем сознании. Такой осмысленный образ представляет собой идеальную копию объекта, но эта копия не статична, а динамична.

Но наблюдение внешнего объективного мира в форме отдельных квантов времени еще не означает наблюдение всего объективного времени, как непрерывной длительности. Непрерывная длительность, как монотонная самотождественность, не является свойством внешнего объективного мира. Это свойство привносится нашим присутствием в мире в экзистенциальном состоянии активного взаимодействия при неизменном условии сохранения самотождественности собственного я.

То есть – мы живем в настоящем и непрерывно длящемся собственном времени самотождественности “Я=Я”, благодаря которому наш внутренний цикл собственного настоящего времени растягивается в продолжительность нашей жизни по земному времени. Но на фоне этого цикла единого настоящего происходит множество отдельных событий меньшей длительности, которые и формируют весь спектр нашего восприятия внешнего мира и его сканирование в виде динамической копии, протяженностью от момента рождения до момента смерти.

Тем не менее, хотя мы и не наблюдаем объективной непрерывной длительности, как единого настоящего, это свойство самотождественности объективного мира должно поддерживать его непрерывное существование. Но основания такого самотождественного существования мира, как единого целого, находятся на глубинном уровне квантового мира. Этот квантовый мир, возможно, и является тем единым и самотождественным миром, о котором говорил Парменид, а макроскопический мир – это иллюзия наших чувств. А под иллюзией мы как раз и понимаем динамическую копию последовательно сменяющих друг друга случайных и причинно связанных событий, которые записываются в нашем сознании. Таким образом, мы приходим к новому пониманию субстанциально-информационной природы течения времени как непрерывно длящегося активного взаимодействия субъекта и объекта [8].

Заключение

Вместо традиционных материалистических представлений, полагающих в основание мироздания понятия пустого пространства и движущихся в нем неделимых атомов, которые берут начало еще от Демокрита и Аристотеля, в нашем подходе выстраивается принципиально новая иерархия фундаментальных сущностей, более соответствующая философской традиции Парменида и Платона. Согласно этой иерархии, основанием всего многообразия физических феноменов, доступных эмпирическому наблюдению, является действие субстанции. Это действие реализуется в хрональном континууме, как некоторые информационные процессы в виде детерминированных и воспроизводимых идеальных программ [8]. И лишь затем происходит материализация этих паттернов в физическом пространстве-времени, на фоне которого и становится доступным их эмпирическое наблюдение в виде разнообразных феноменов.

Отсюда следует, что физическая Вселенная, со всеми наблюдаемыми феноменами и процессами – это иллюзия наших чувств, которые воспринимают манифестацию неподвижной и неделимой субстанции. Другими словами – то, что мы наблюдаем и измеряем физическими приборами во Вселенной – это вторичная или виртуальная реальность, которая генерируется невидимой и недоступной никаким эмпирическим измерениям субстанцией, записывается в пространственно-временном континууме *Голографической Вселенной* и воспринимается нами, благодаря субстанциальной природе нашего сознания.

Это представление соответствует принципу психо-физического параллелизма, согласно которому между физическими и психическими явлениями существует изоморфизм. Мы

же полагаем, что этот параллелизм возможен только при условии субстанциальной природы материи и психики. Такая картина мира соответствует также известному голографическому принципу, впервые сформулированному в виде гипотезы знаменитым физиком-теоретиком т'Хофтом, согласно которой, источник информации, содержащейся в виде голограммы в некоторой области пространства, находится на границе этой области [9].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Спасков, А. Н.** Число и время. Часть I : Элементарная идея числа и квант времени / А. Н. Спасков // *Философия науки*. – № 4(67). – 2015. – С. 48–69.
2. **Согутеау, R.** Multi-dimensional Universes. Kaluza-Klein, Einstein Spaces and Symmetry Breaking. Marseil : CPT-83/P-1556, 1983.
3. **Спасков, А. Н.** Структура времени в транзитивно-фазовой концепции / А. Н. Спасков // *Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету*. Серія: історія, філософія, політологія : збірник наукових праць. Випуск 5. – Одесса, 2013. – С. 40–44.
4. **Мах, Э.** Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Э. Мах. – М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. – 456 с. : ил.
5. **Эйнштейн, А.** К электродинамике движущихся тел // *Собр. науч. тр.* : в 4 т. – М. : Наука, 1965. – Т. 1. – С. 7–35.
6. **Zimmerman, E. J.** The macroscopic nature of space-time // *American Journal of Physics*. – 1962. – Vol. 30, № 2. – P. 97–105.
7. **Chew, G. F.** The dubious role of space-time continuum in microscopic physics // *Science Progress*. – 1963. – Vol. 51, № 204. – P. 529–550.
8. **Спасков, А. Н.** Метафизические основания новой модели времени // *Сборник научных статей "Научные труды Республиканского института Высшей Школы"* (Философско-гуманитарные науки. Исторические и психолого-педагогические науки). – Минск : РИВШ, 2015. – С. 285–293.
9. Голографический принцип [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/ Голографический_принцип](http://ru.wikipedia.org/wiki/Голографический_принцип).

Поступила в редакцию 23.05.2016 г.
Контакты: spaskov.a@mail.ru
(Спасков Александр Николаевич)

Spaskov A.N. THE FLOW OF QUANTUM TIME AND ITS MATHEMATICAL PRESENTATION.

The article deals with the clarification of the quantum nature of time flow and the substantiation of the mathematical model of internal time. The hypothesis is based on the idea that the underlying reasons of the universe self-identity are rooted in the quantum world. A new understanding of the informational nature of time flow views it as a continuous interaction between subject and object.

Key words: the nature of time, metaphysics, substantial concept of time, bundle quantum time, transitive-phase concept of time, quantum time flow, consciousness, substantial action, temporal continuum, information.

УДК 101.1:316

**СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
ЕВРАЗИЙСТВА В ОЦЕНКЕ
РУССКОЙ МЫСЛИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.****С. Г. Павочка**кандидат философских наук, доцент,
Гродненский государственный аграрный
университет

В статье анализируется проблема рефлексии русской философии второй половины XX в., содержания и сущности идейного поля "евразийства" – одного из наиболее оригинальных и вместе с тем неоднозначно оцениваемых феноменов культуры русской эмиграции "первой волны". Предложенные евразийством социально-философские конструкции вызвали к жизни обширную и многоаспектную критику евразийства, которая, однако, не всегда носила строго научный или философско-мировоззренческий характер. Представленный в статье анализ критики евразийской литературы известными русскими философами, историками, богословами, многие из которых были современниками самого евразийского движения, позволяет более глубоко осмыслить причины дискуссионности многих его основоположений, характер и направленность идейного ландшафта, сопровождавшего возникновение евразийства и конкретно-исторические условия его становления и развития.

Ключевые слова: русская философия, история философии, эмиграция "первой волны", евразийство, социальная философия, идеология.

Введение

Евразийство как идейное движение оформилось в условиях русской эмиграции "первой волны" в 1921 г. У его истоков стояли филолог и культуролог Н.С. Трубецкой, экономист и географ П.Н. Савицкий, богослов Г.В. Флоровский, искусствовед П.П. Сувчинский. В разные периоды существования к евразийству присоединялись и другие значимые фигуры русской интеллигенции, среди которых особо выделяется фигура историка культуры и философа Л.П. Карсавина. Евразийское движение особо выделялось в широкой гамме "пореволюционных" идейных исканий, связанных с осмыслением опыта русской революции и поиском дальнейших приемлемых путей исторического развития России. Русская культура предстала в их сознании уже не только как европейская или исключительно почвеннически-самобытная, но и как включающая в себя восточные (туранские) элементы, обусловившие специфику ее исторического развития, ее формальные стороны и содержательные компоненты. Евразийством были предложены не только философско-теоретические, культурологические и историософские конструкции. В значительной степени нерв

движения определялся его политико-идеологическими установками, правовыми аспектами и социально-экономическими программами. Оппонентами и критиками евразийства были Н.А. Бердяев, П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, И.А. Ильин, П.Б. Струве и другие видные русские философы, историки и богословы. Критика эта во многом носила конструктивный характер, обнаруживая слабые стороны евразийства и инициируя дальнейший процесс его идейного оформления и самоидентификации.

Основная часть

Профетическая настроенность мышления евразийцев, предрекавших исторический спазм, смену западноевропейской культуры иным типом культурного развития, не давала им поводов для сомнений в том, что новый культурно-исторический тип грядет с Востока. Схожие мысли высказывал Н.А. Бердяев, современник и одновременно оппонент евразийцев, также отмечавший упадок западной культуры и провозгласивший начало восточного мегацикла истории, нового этапа приобщения Востока к всемирной истории: "Обратное движение с Запада на Восток ... является внутренней неизбежной диалектикой европейской культуры" [1, с. 115]. Россия должна понять срединность своего географического положения в обратном шествии истории и культуры, осознать себя как Востоко-Запад и принять на себя вытекающую из этого новую миссию – "быть соединителем двух миров, а не их разъединителем". Однако религиозный экуменизм и эсхатологизм мыслителя не согласовывались с воспринятой от Данилевского и развиваемой евразийцами "наивной философией" натурализма, постулировавшейся евразийцами относительной статичностью и замкнутостью евразийского культурно-исторического типа, утопизмом евразийской государственной идеи. Идеократическое государство, в понимании Бердяева, оказалось несоотносимым с проблематикой человеческой свободы и духа: посягающий на организацию культуры и творчества государственный абсолютизм парализует свободу индивидуального мышления, "симфонически" дисциплинируемого к единомыслию.

Евразийцы не увидели за критикой "воинствующего экономизма" Запада его христианской духовности и полностью подменили ее плотью "туранской" государственности Востока. Многие евразийство восприняло из прошлого русской общественной мысли в утрированном виде. Правда евразийцев состоит в том, что они чувствуют мировой кризис (война, революция), но они не способны понять то, что окончание новой истории предполагает возникновение новой универсальности: "Национализм есть порождение новой истории. Ныне кончаются времена замкнутых нацио-

нальных существований. Все национальные организмы ввергнуты в мировой круговорот и мировую ширь" [2, с. 28]. Наиболее полно проявляется это во взаимном проникновении Востока и Запада, их автономное автаркическое существование прекращается. Евразийство враждебно универсализму, его культурно-исторический тип статичен и замкнут, в чем Бердяев усмотрел отрицание евразийцами вселенского значения Православия и мирового призвания России как мира Востока-Запада, "соединяющего в себе два потока всемирной истории" [2, с. 28]. По этой причине евразийская культура будет оставаться одной из замкнутых восточных, азиатских культур. И именно поэтому евразийство остается исключительно географическим термином и, с точки зрения Бердяева, не приобретает культурно-исторического смысла, по определению противоположного всякому замыканию и самодовольству.

В построениях "русской идеи" XIX в. и славянофилами, и западниками отмечалась необходимость размыкания и выхода России вширь. Она не подчиняется Европе, а открывает Западу свои духовные богатства. Таким образом русский народ вносит свой вклад в созидание единого духовного космоса. Здесь евразийцы изменили "русской идее", радикально порвав с традициями религиозно-философской мысли. Их конструкции уводят в сторону от Хомякова, Достоевского, они регрессивны и партикулярны. Евразийцам более симпатичен Данилевский, нежели Достоевский. И даже "неузнанный гений" русской мысли Леонтьев, впервые заговоривший о восточных предпосылках русской культуры и любивший западную культуру и ее аристократическое прошлое, по словам Бердяева, мало может помочь евразийству для оформления его собственной традиции. Более того, Бердяев обвинил евразийцев в греховности. Их отношение к Западу и к западному христианству ложное и нехристианское, поскольку культивирует нелюбовь и отвращение к другим народам. Восстановив в правах историософию Данилевского, евразийцы масштабно реципируют его натурализм и номинализм, что квалифицируется Бердяевым как неоправданная форма номиналистического отрицания человечества и наивная философия истории: "Евразийцы – реалисты в понимании национальности и номиналисты в понимании человечества" [2, с. 30]. Евразийцы произвольно осуществляют реальные единства. Номинализм в конечном счете не может признать и реальности национальности, также как отрицает и реальность человеческой индивидуальности. Последнее возвращает евразийцев к языческому партикуляризму, преодоленному христианством. Если не существует человечества как духовного единства, то невозможным оказывается и христианство.

Русский философ согласен с положением евразийцев о том, что западноевропейская культура не универсальна и не единственна. Но он категорически не соглашается с евразийцами в отрицании последними сверхнационального характера культуры: "Культура всегда национальна, никогда не интернациональна, и вместе с тем она сверхнациональна по своим достижениям и универсальна по основам" [2, с. 31]. Туранское плотское наследие евразийцы поставили выше эллинского духовного наследия, выдвинув как более значимую и фундаментальную связь с Чингисханом, нежели связь с Платоном и греческими учителями Церкви. Историософия евразийцев натуралистична. Национальное, расовое, географическое и материалистическое начала представлены в ней в более явственной форме, нежели факторы духовного порядка. Философия истории евразийства, заключал Бердяев, не сеть философия духа, свидетельством чему является евразийское забвение того, что кроме Востока и Запада, расы и крови, есть еще и царство духа, сделавшее возможным само христианство. Православие у евразийцев, полагал Бердяев, представлено не более как этнографический факт, а фольклор поставлен в центр национальной культуры. Православие берется ими извне, а не изнутри как факт духовной жизни. Отсюда вытекает и редукция Православия к бытовому исповедничеству.

Опыт русского коммунизма, с точки зрения Бердяева, отчетливо продемонстрировал тот факт, что стремление к совершенному государству, претендующему на организацию всей жизни, есть стремление неистовое и безбожное. Совершенное государство не может быть построено на эмпирическом материале земной истории, поскольку само совершенство предполагает отмену и преодоление государства. Именно поэтому, утверждает Бердяев, сохраняет свою силу дуализм, отражающий греховность человеческой природы, но вместе с тем предоставляющий свободу личности, осуществляемую в зазоре между "должным" и "сущим". Подлинная идеократия евразийцев оказывается невозможной, но именно идеократическое государство выдвигается евразийскими мыслителями как институт, готовый взять на себя управление всеми процессами общественной и индивидуальной жизни, включая организацию таких явлений, как культура, мышление, творчество. В действительности же государственный абсолютизм реабилитирует язычество, а человеческая личность у евразийцев принуждается к симфоническому мышлению [3, с. 319–325].

Размышляя над историческими перспективами России, Вл. Соловьев задавался вопросом: "Каким же хочешь быть Востоком, Ксеркса или Христа?". Евразийцы пребывают в плену

“Востока Ксеркса”, забывая о том, что его порождением также является и большевизм. В действительности будущее русского народа полностью зависит от его способности преодолеть в самом себе нехристианский Восток и татарскую стихию. Постоянные ссылки евразийцев при обосновании своих конструкций на Данилевского и Леонтьева не являются случайными. Они не любят Соловьева, для которого христианство – не данность, а задание, осуществляемое через свободную активность человека. “Русская идея” Соловьева центрировалась вокруг проблемы осуществления Христианской правды в мире. Поиск данной правды никак не свойственен туранскому духу, но очень характерен русскому духу.

Евразийские прозрения и пророчества, рецепты и прогнозы стали предметом критического анализа уже у современников евразийства – А.А. Кизеветтера, П.М. Бицилли, И.А. Ильина, Г.В. Флоровского, П.Б. Струве, П.А. Милюкова, Ф.А. Степуна и других видных философов, богословов, историков.

Отошедший от евразийства Бицилли отмечал внутреннюю противоречивость евразийской концепции, базирующуюся на несовпадении понятий Православия и географического тела Евразии [4, с. 279–291]. Попытка осмыслить “выход России из рамок европейской культуры” (Савицкий) в мессианском своем призвании и значении предполагает синтез восточных и западных культур в духе классической парадигмы “единства в многообразии”, чему, полагал Бицилли, не способствует открытое евразийское антизападничество. Россией, с его точки зрения, не столько отделяется, сколько связывается Азия с Европой. При этом Россия не ограничивается ролью продолжательницы исторической миссии Чингисхана и Тимура, она не просто посредница в культурном обмене между отдельными азиатскими окраинами, но и творческий синтез восточных и западных культур [5, с. 89].

Ильин не принял сведения духовной самобытности к вопросу “географического и этнографического припадания” России [6, с. 351]. Дилемма русской истории не может быть, полагал он, разрешена субъективным своеволием выбора евразийцев между Востоком и Западом, Севером и Югом. Признавая самобытный характер русской истории и культуры, Ильин категорически отрицал возможность создания русской самобытности на путях “татаризации русского духа”: самобытность достигается только через самостояние в самоуглублении и обращенности к Богу.

Либеральный историк Кизеветтер, противопоставлявший евразийскому партикуляризму и релятивизации истории славянофильский универсализм и вселенскость православия и упрекавший евразийство в разрыве интегральной

связи России со славянством, в недоумении вопрошал: почему же Россия не Европа? “Многопредметность” евразийства, с его точки зрения, порождает и “евразийский туман”. Родство евразийцев со славянофилами сомнительно: славянофилы никогда не предлагали русскому народу двигаться в объятия азиатов, не отрывали Россию от Европы, надеялись, что Европа пойдет путями России. Это уже совсем неевразийский контекст. И русское западничество, и русское славянофильство смотрели на историю как на единый процесс. Для евразийцев же не существует общечеловеческой культуры.

Не принял русский либеральный историк введенного евразийцами понятия симфонической личности и их увлеченности геополитическими системами. Географическая природа страны не может предопределять все остальное в ней. Если это так, то геополитика, по мнению Кизеветтера, превращается в метафизику [7, с. 19–25]. Евразийский вариант историософии, содержащий ненужную ломку сложившихся представлений о русской истории, был оценен как весьма опасный в плане своих возможных последствий для русского национального самосознания. Выделение в концепции Евразии двух миров – “Европы” и “Азии” – и проведение границы между ними по “живому телу славянства”, а также исключение из географических контуров Евразии европейского славянства, тождественно полному подавлению славянофильской идеи. С точки зрения Милюкова, позиция евразийства ошибочна в том, что европеизацию России оно пыталось представить как результат внешнего заимствования. В действительности она есть следствие внутренней эволюции, одинаковой в принципе как для России, так и для Европы.

Многих в эмиграции не устраивала и произошедшая в евразийстве материализация Православия. На уровне метафизического мышления представители течения рассматривали Евразию как особую симфоническую индивидуализацию православной церкви и культуры, а показатель различия пограничных культур часто был ассоциирован ими прежде всего с конфессиональным критерием. Закономерно, что границей между Евразией и Западом был объявлен польский католицизм и протестантизм (“инославие”), позитивные аспекты которых были явно не замечены и специально не рефлексировались евразийцами. “Православие, – указывал отошедший от евразийства Флоровский, – слишком выдвигается как предикат национального начала, и неизбежная диалектика моментов национального и вселенского задерживается на первом” [8, с. 41].

Флоровский отмечал, что судьба евразийства – история духовной неудачи, “правда вопросов, неправда ответов” [9, с. 354]. Евразийство парадоксальным образом соединило в

себе органофизиологию истории и секуляризирующий культуру и государство просвещенческий рационализм, против безбожности и богоборчества которого внешне выступало. Евразийская философия истории, по мнению Флоровского, “не перегорела, не очистилась в животворном искусстве церковного опыта и раздумья” [9, с. 369], не заметила того, что своеобразие культуры нации и ее миссия состоят не в том, что “она сама думает о себе во времени, но в том, что Бог думает о ней в вечности” (Вл. Соловьев). При этом Флоровский полагал евразийскую доктрину “третьим максимализмом”, хотя ни один из притязаемых максимализмов (“черный”, “красный” или вновь открытый “черно-красный”), с точки зрения мыслителя, никогда не был подлинным максимализмом, выступая преимущественно как “максимализм” средств, а не заданий. Любой “максимализм” так или иначе снижает насущные задачи действительной жизни до уровня и пределов внешнего общественного строительства и даже простой организации, устойчиво игнорируя проблематику духовно-культурного творчества. “Максимализм” неизменно сказывается в духовном упрощении, оскудении и немощности, прикрываемыми произволом и распущенностью страстей. С этим Флоровский связывал и такие свойственные всем типам “максимализма” черты, как духовная узость, кружковский дух, дух самопревозношения и полной презрительности к человеку, к человеческой свободе: “От внутренней слабости исчезает понимание того, что только свобода есть достаточная и необходимая среда для подлинного творческого самоопределения и творчества. Иссякший пафос творчества подменяется пафосом распределения и «водительства», максимализмом власти, не только дерзновенной, но и дерзостной” [9, с. 366]. При всех внешних евразийских декларациях о “внепартийности” в нем отчетливо проявляется дух человеконенавистнической нетерпимости, властолюбия и порабощения; в нем “искривляются все перспективы, все кругозоры”. В евразийской концепции человек всегда “выражает” высшее “соборное” целое, к которому он органически и кровно принадлежит, но никогда не творит самого себя, свою обособленную самость: “Каждый должен превратиться, — отмечал Флоровский, — в «орган высшей соборной личности». Евразийцы воскрешают старую мечту о некоем обобществлении человека. Для них порядок обращается: не из личных волей слагается и сростается «общая воля», но в них открывается и проявляется, в каждой по-своему и по-особому, единая в согласном многообразии” [9, с. 367].

Более того, занятость евразийцами исключительной морфологией России-Евразии, ее географическим единством, своеобразием “евразийской” территории, приводит к тому, что

подлинным субъектом исторического процесса и становления оказывается не столько народ, сколько территория. Именно в этом следует усматривать главную причину растворения истории русского народа в истории Евразии как специфической среды и “месторазвития”. Несмотря на признание евразийцев в изменении территории в ее историческом бытии под “психическим и физическим давлением” населяющих ее народов, территория в предложенной концепции оказывается основным фактом и фактором исторического процесса. Поэтому закономерно, что в евразийской морфологии исторических типов, идущей от Леонтьева и Данилевского, теряется проблема христианской философии истории. Схематизация и типизация истории, по словам Флоровского, заслоняет у евразийцев конкретную и трагическую судьбу: “Евразийцы не пережили до конца тех старых уже русских дум о России, в которых превзойдена узость морфологизма и учтена их правда. Была скрытая, но вещая правда в том, что проблема русского своеобразия была поставлена сразу в виде антитезы России и Европы. Это случилось не только потому, что силой исторических превратностей Россия была брошена в душные объятия Европы, что внутри самой России сложилась своя внутренняя «Европа», и русский исторический лик двоился... «Поворот» к Европе был нужен и оправдывался, — отмечал философ, — не техническими потребностями, но единством религиозного задания и происхождения” [9, с. 373–374].

Чувство религиозной связанности и сопринадлежности России и Европы, как Востока и Запада, единого “христианского материка” составляет основное идейное содержание старшего славянофильства, впоследствии выраженное Достоевским. И это противостоят не только не стирает, но и, напротив, усиливает твердую и ясную грань между православно-русской Россией и неправославной Европой. Эта грань не является морфологической, как у евразийцев, а имеет вполне конкретный религиозно-исторический характер. Непреходящая ценность славянофильства обнаруживается в его, по словам Флоровского, Христоцентризме как основе философии истории, в исключительной его восприимчивости к исторической динамике не только органических превращений, но и творческого делания и греховного разлада. Старшие славянофилы трагедию Запада переживали как составную часть собственной судьбы. В евразийстве эта трагедия не замечается, мотив морфологического своеобразия лишь невнятно пересекается в нем с мотивом религиозной оценки. Смешение географических, этнических и религиозных мотивов осуществлено евразийцами без четкого сознания их разнородности. Россия и Европа для Флоровского в духовно-исторической динамике неразделимы:

“Есть глубокая и неснятая религиозная грань между Россией и Западом, но она не устраняет внутренней мистико-метафизической их сопряженности и круговой христианской поруки. Россия, как живая преемница Византии, останется православным Востоком для неправославного, но христианского Запада внутри единого культурно-исторического цикла” [9, с. 375]. Для евразийцев же русская культура “в Азии у себя дома”, ей ближе азиатские культуры, а исторические перспективы России неизбежно связаны с ее “органическим поворотом к Азии”, несмотря на то, что смысл и содержание этого поворота во многом остаются неясными.

Степун, анализируя причины преждевременного и несколько бесславно исчезновения из интеллектуального ландшафта евразийства как культурно-политического движения, главный недостаток евразийской идейной платформы усматривал в генезисе миросозерцания евразийцев, оформившегося в условиях радикального неприятия тех сил, которые привели Россию на край гибели, а также в резко озлобленном отношении к западной интеллигенции. Эта озлобленность против внутреннего и внешнего Запада в дальнейшем пересеклась с неправильной, по словам Степуна, тенденцией примирения с большевистской властью, которая изначально была присуща движению [10, с. 260]. Последнее закономерно привело к снижению до уровня “бытового исповедничества” славянофильского православия и националистической теории “культурных типов” Данилевского.

Характеризуя евразийство как вариант гибридной идеологии, вызванной к жизни революцией, Струве отмечал лишь внешнее продолжение евразийцами славянофильской традиции и тех немецких историко-философских учений, на которых она основывалась. В соответствии с последними полагалось, что страна или народ имеют свое историческое призвание, в котором они осуществляют определенную универсальную идею и общечеловеческую правду. В этом плане формальный национальный партикуляризм славянофильства не препятствовал его широкому идейному универсализму. В евразийстве же, по мнению Струве, данная интенция историософского сознания выражена гораздо слабее. Оно мыслит Россию в качестве главного элемента особого культурного целого, противопоставляемого германо-романскому миру, создавшему европейско-американскую культуру. Евразийская доктрина сводится к утверждению культурных и расовых особенностей евразийского мира. И здесь отчетливо просматривается обычная ошибка всех подобных схем: “Известные черты рассматриваются не как меняющийся, текущий результат исторической обстановки и событий, а как априорно данные, определяющие и пре-

допределяющие условия этой обстановки и этих событий” [11, с. 411].

Переживаемый Россией в начале XX в. политический, экономический и социальный кризис так или иначе коррелирует, согласно Струве, с кризисом народного духа, знаменующего исчерпанность целой эпохи русской духовной жизни, связанной с “переживанием” русской интеллигенцией западноевропейских построений и идей XVIII–XIX вв. Эти идеи “просочились” и в народ, инициируя социально-политический революционный взрыв. Вместе с тем между идеями и той социальной средой, в которую они внедрялись, существовало одновременно и полное соответствие и полное несоответствие: “Народу были доступны именно наиболее популярные в интеллигенции максималистские социалистические идеи; идеи средние, либеральные и даже идеи умеренного постепенного социализма реформ были ему не интересны и не привлекательны. Но, с другой стороны, максималистские идеи ничего, кроме разрушения, внести в эту жизнь не могут” [11, с. 419]. Суть идейного максимализма как раз и проявляется в том, что его “превышает” сама жизнь. Входя в нее, максимализм неизбежно ее разрушает. Именно это отчетливо просматривается в факте и следствиях русской революции, потерпевшей как социальный и политический проект полное поражение.

Заключение

Признавая уязвимость концепции евразийцев по ряду изложенных выше позиций, следует указать на наличие в их теоретических воззрениях рационального зерна, состоящего в выдвигании идеи двуликости России как ее органичной принадлежности одновременно и Европе и Азии и невозможности разъединения данных начал, фундирующих содержание российской самобытности. Вместе с тем уничтожающая критика исторического опыта Европы и радикальное антизападничество евразийцев далеко выходило за рамки той критики Европы, которая была представлена в истории русской общественной мысли их предшественниками. Такой далеко идущей критики не содержалось даже в концепции славянофилов, сочетавших критику европеизма с уважительным отношением к духовным ценностям европейской культуры. Давление идеологических предпочтений привело евразийцев к аисторичному пониманию и толкованию истории. Более того, приняв многие положения концепции локальных цивилизаций Шпенглера, они попытались выстроить “мир истории” с точки зрения “мира природы”, противопоставив “логику пространства” “логике времени”. Предметом особой критики в среде русской эмиграции стала предположенная евразийцами концепция государства, предполагающая смену существующих в мире

демократий идеократическим политическим строем. Идеологическая монополия как идеал евразийства призвана была обеспечить духовное единство и сплоченность общества. Она же, с другой стороны, исключала разномыслие, творчество и индивидуальность.

В широком спектре идейно-мировоззренческих исканий русской интеллигенции начала XX в. евразийство особо выделялось радикальностью предложенного осмысления опыта русской истории и культуры, факта русской революции и духовных оснований русского общества. Данная радикальность, как убедительно демонстрирует проведенный в статье анализ, не всегда находила свое понимание у старшего поколения современников евразийства, оказавшегося, как и евразийцы, в условиях эмиграции. Осуществленная евразийцами предельная радикализация основополагающих проблем и тем русского исторического опыта отчасти может быть понята как следствие “пореволюционности” – возникновения и эволюции евразийства именно как движения, сформировавшегося как результат реакции на факт русской революции. Критика евразийской концепции представителями русской мысли первой половины XX в. обнаружила определенные присущие имплицитно евразийству противоречия и стимулировала дальнейшую разработку теоретического ядра евразийской доктрины, что было связано с привлечением к движению фигуры Л.П. Карсавина, предпринявшего попытку сведения разрозненных постулатов и идейных принципов евразийства в единую систему мировоззрения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бердяев, Н. А.** Судьба России: опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 206 с.
2. **Бердяев, Н. А.** Евразийцы / Н. А. Бердяев // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов : сб. ст. / Рос. АН. Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Л. В. Пономарева. – М., 1992. – С. 28–36.
3. **Бердяев, Н. А.** Утопический этатизм евразийцев / Н. А. Бердяев // Мир России – Евразия: антология / сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 319–325.
4. **Бицилли, П. М.** Два лика евразийства / П. М. Бицилли // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: антология / ред.-сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – М.: Наука, 1993. – С. 279–291.
5. **Бицилли, П. М.** “Восток” и “Запад” в истории Старого Света / П. М. Бицилли // Евразия: исторические взгляды русских

эмигрантов : сб. ст. / Рос. АН. Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Л. В. Пономарева. – М., 1992. – С. 85–91.

6. **Ильин, И. А.** Самобытность или оригинальничанье? / И. Ильин // Мир России – Евразия: антология / сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 349–354.
7. **Кизеветтер, А. А.** Славянофильство и евразийство / А. А. Кизеветтер // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов : сб. ст. / Рос. АН. Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Л. В. Пономарева. – М., 1992. – С. 19–25.
8. **Флоровский, Г. В.** “Окаменелое бесчувствие” / Г. В. Флоровский // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов : сб. ст. / Рос. АН. Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред. Л. В. Пономарева. – М., 1992. – С. 41–43.
9. **Флоровский, Г. В.** Евразийский соблазн / Г. В. Флоровский // Мир России – Евразия: антология / сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 354–384.
10. **Степун, Ф. А.** Россия между Европой и Азией / Ф. А. Степун // Новый журнал. – 1962. – № 269. – С. 251–277.
11. **Струве, П. Б.** Patriotica: политика, культура, религия, социализм / П. Б. Струве. – М.: Республика, 1997. – 527 с.

Поступила в редакцию 16.02.2016 г.
Контакты: pavochka_sergey@mail.ru
(Павочка Сергей Григорьевич)

Pavochka S.G. SOCIAL PHILOSOPHY OF EURASIANISM EVALUATED BY RUSSIAN THINKERS IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY.

The article considers the reflections on the content and essence of eurasianism by the Russian philosophy of the first half of the XX century. Eurasianism was one of the most original and controversial phenomena of the Russian emigration culture of the “first wave”. Proposed by the Eurasians socio-philosophical constructions resulted in a large-scale and manifold criticism but it was not always strictly scientific or philosophical. Presented in the article the analysis of criticism of the Eurasian literature by famous Russian philosophers, historians, theologians makes it possible to evaluate the causes of the controversy of the Eurasian basic theses and the character of the ideological landscape that accompanied the emergence of eurasianism, and the historical context of its development.

Key words: Russian philosophy, history of philosophy, emigration of the “first wave”, social philosophy, eurasianism, ideology.

УДК 882.09

**“РЕЛИГИОЗНАЯ ДРАМА” ИЛИ “ТРАГЕДИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ГЕНИЯ”?
ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ Л. Н. ТОЛСТОГО
В ОЦЕНКЕ С. Н. БУЛГАКОВА**

М. С. Чернова

кандидат филологических наук, доцент,
Могилевский государственный университет
имени А. А. Купешова

В статье анализируются суждения религиозного философа, богослова и литературного критика эпохи “религиозно-культурного ренессанса” начала XX в. С.Н. Булгакова об этическом идеале Л.Н. Толстого. Доказывается объективная и субъективная обусловленность его оценок идейных исканий писателя. Прослеживаются вскрытые Булгаковым теоретические источники учения Толстого о “самоправедности”. Отмечается литературно-критическое значение вывода Булгакова об определяющей роли этического идеала в творчестве художника. Подчеркивается актуальность православно-религиозной и нравственной оценки Булгаковым этического учения Толстого.

Ключевые слова: С.Н. Булгаков, Л.Н. Толстой, русская литература, религиозно-философская критика начала XX века, религиозно-культурный ренессанс, христианство и литература, религиозно-философские взгляды Л.Н. Толстого.

Введение

Л.Н. Толстой занимает особое место в истории русской и мировой культуры. Он всегда воспринимался не только как великий писатель, но и как идеолог, ставший, по словам Н.А. Бердяева, “побудителем совести в обществе, религиозно индифферентном или враждебном христианству” [1, с. 115]. Толстому посвящена обширнейшая научная литература. Однако и по сей день дискуссионным остается вопрос о религиозном смысле мировоззрения и творчества писателя. Обсуждение этой проблемы началось еще в конце XIX – начале XX вв., когда представители различных критических течений: марксисты и религиозные философы, символисты и интуитивисты – пытались понять “религию Льва Толстого” и уяснить суть его веры.

В современной филологической науке актуализировалась тема “христианство и литература”, при этом даже разрабатывается концепция, согласно которой русскую классическую словесность следует рассматривать как “православную по преимуществу” (В.Н. Захаров). Но как соотносить с Православием отлученного от Церкви Толстого? Некоторые исследователи и публицисты убеждены в конечном единстве христианского гуманизма и смысла нравственных исканий автора “Анны Карениной” и “Воскресения”. (В.А. Котельников, П.В. Басинский и др.). Другие, напротив,

доказывают враждебность Толстого не только православию, но и христианству вообще (Ю.Н. Давыдов, о. Г. Ореханов, А. Ткаченко).

Обращает на себя внимание тот факт, что, отстаивая свои диаметрально противоположные точки зрения, исследователи зачастую ссылаются на авторитетное сегодня мнение религиозного философа и литературного критика эпохи “культурного ренессанса” начала XX в. С.Н. Булгакова. Причем одни в качестве аргумента приводят его выводы о том, что “толстовское толкование Закона Божия как закона жизни не противоречит духу Церкви, ибо его смысл состоит в любви к ближнему”. Другие же тиражируют воспоминания Булгакова о богохульственном выпаде Толстого в адрес Богородицы. Но цитаты, вырванные из контекста его статей, порой создают впечатление непоследовательности их автора.

В этой связи возникает необходимость проследить суждения Булгакова об этических исканиях Толстого в динамике, что позволит объективно судить об их литературно-критическом значении. Вместе с тем нельзя не признать, что сегодня эти суждения приобретают особую актуальность. Они не только дают духовный ориентир в отношении к этическому учению писателя, но и помогают противостоять новомодным, нетрадиционным для восточных славян верованиям, истоки которых обнаруживаются в социально-нравственных идеях Толстого¹.

Основная часть

Следует подчеркнуть, что литературно-критическая деятельность Булгакова была обусловлена исторической эпохой и особенностями идеологической борьбы, участником которой он был, а также его собственными философскими взглядами. Он прошел сложный путь “от марксизма к идеализму”, а затем к церковности. И эта духовная эволюция непосредственным образом отразилась на его оценках русской литературы и творчества Толстого, в частности.

Булгаков был не только современником Толстого, но и неоднократно виделся и беседовал с ним. Первая их встреча состоялась в Москве в 1897 г. В дневнике А.Б. Гольденвейзера есть следующее свидетельство: “Был у Толстых, там был С.Н. Булгаков-марксист. Лев Николаевич был в ударе и очень горячо, страстно спорил с Булгаковым, явно отстаивавшим свои марксистские положения. Диалектика Льва Николаевича одержала верх, и Булгаков аргументировал все слабее и слабее <...>”. Позже в примечаниях к этой записи Гольденвейзер добавил: “Я глубоко убежден, что эта беседа была одним из сильнейших толчков, заставивших Булгакова

¹ См. Кураев, А. Сатанизм для интеллигенции. О Рерихах и Православии / А. Кураев. – Москва : Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2007. – 562 с.

вскоре отказаться от марксизма и пойти по совершенно иному, хотя и весьма далекому от Льва Николаевича, пути” [2, т. 1, с. 7–8].

Ссылаясь на эту запись, а также примечания, сделанные Гольденвейзером более чем через двадцать лет, некоторые современные исследователи делают необоснованный вывод о том, что именно влияние Толстого “способствовало разрушению его старых воззрений” [3, с. 347]. “Старые воззрения” – это не религия, а экономическое учение К. Маркса, сторонником которого Булгаков был в молодые годы.

Однако мемуарист не приводил подробностей описанной беседы. Нет свидетельств о ней и у самого Булгакова. Поэтому нельзя с уверенностью судить о значении первой встречи с Толстым в мировоззренческой и, особенно, духовной эволюции Булгакова. Тем более, что резкий поворот “от марксизма к идеализму” в “Автобиографических заметках” он сам объяснил двумя причинами: любовью к Иисусу Христу и духовным влиянием Вл.С. Соловьева и Ф.М. Достоевского.

Впервые имя Толстого появилось в статье Булгакова “Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев и Толстой (параллели)” (1902). В этой работе он затронул вопрос о социальном значении творчества писателя². Подробно анализировать религиозные взгляды Толстого Булгаков начал лишь после его смерти в 1910 г. Интересно отметить, что даже его 80-летний юбилей, широко отмечавшийся в 1908 г., Булгаков оставил без внимания.

Этот факт во многом объясняет их вторая встреча и беседа, состоявшаяся в Гаспре в 1902 г. В “Автобиографических заметках” Булгаков вспоминал: “Я имел неосторожность выразить свои чувства к Сикстине, и одного этого упоминания было достаточно, чтобы вызвать приступ задыхающейся, богохульной злобы, граничащей с одержанием. Глаза его загорелись недобрым огнем, и он начал, задыхаясь, богохульствовать. «Да, привели меня туда, посадили на fegerbank (скамью для пыток), я тер ее, тер ж..., ничего не высидел. Ну что же: девка родила малого, девка родила малого, только всего, что же особенного?» И он искал еще новых кощунственных слов, тяжело было присутствовать при этих судорогах духа” [4, с. 391].

“Судороги духа” Толстого были вызваны рассказом Булгакова о пережитом душевном потрясении, заставившем его “молиться и плакать”, перед образом “Царицы Небесной с Предвечным Младенцем на руках”, созданным итальянским художником Рафаэлем Санти. Од-

² О Толстом как о еретике в это время рассуждал Д.С. Мережковский. Он констатировал неверие писателя в “христианского личного Бога и в Единородного Сына Божия” и “отпадение Толстого от христианства” (Мережковский, Д.С. Л. Толстой и Достоевский : в 2 т. – Санкт-Петербург : Издательство журнала “Мир искусства”, 1901–1902. – Т. 1. – С. 68).

нако, увидев эту картину вновь через четверть века, Булгаков испытал глубочайшее разочарование и даже вынужден был признать относительную правоту Толстого. Теперь и автор воспоминаний увидел не икону, а лишь гениально выполненное изображение прекрасной земной женщины с ребенком. Дело в том, что к 1924 г. у Булгакова окончательно сложилась философско-эстетическая концепция. Согласно ей истинная красота мудра, возвышенна, целомудренна и оптимистична³. В этом смысле образцом христианского искусства Булгаков считал русскую православную икону, а в искусстве Возрождения усматривал господство эстетики формы и “земной телесности, лишенной духа”.

Однако Булгаков так и не смог простить “яснопольскому старцу” богохульственных речей о Богородице. После той беседы у него долго сохранилось неприязненное отношение к Толстому, а “Крейцерову сонату”, “Дьявола” и “Отца Сергия” критик воспринимал тоже как “судороги духа” их автора. И лишь смерть Толстого заставила Булгакова обратиться к осмыслению его идейного наследия и творчества.

В 1912 г. Булгаков подготовил коллективный сборник статей известных в то время критиков “О религии Льва Толстого”, куда поместил и свои опубликованные ранее, в 1910 г., лекции “На смерть Толстого”, “Толстой и Церковь”, “Человек и художник”. Эти работы, а также его статья “Простота и опрощение” составили цикл под единым названием “Л.Н. Толстой”. Для Булгакова, все больше склонявшегося к “церковности”, идейные искания писателя явились поводом для обсуждения причин, сути и следствия ревизии христианства, расправившейся среди российской интеллигенции.

В статье “Героизм и подвижничество” (1909) Булгаков резко выступал против “христианствующего интеллигента”, который “всего легче чувствует себя Мартином Лютером, <...> призванным не только обновить церковную жизнь, но и создать новые ее формы, чуть ли не новую религию” [5, т. 2, с. 332]. К числу “пророков новой религии” Булгаков не без основания отнес и Толстого. При этом он вскрыл неожиданную и, на первый взгляд, парадоксальную связь между революционным демократом В.Г. Белинским и сторонником учения “непротивления злу насилием” Толстым. Суть этой связи – в недопустимо произвольном толковании Христа и его учения.

Булгакову было глубоко чуждо представление “неистового Виссариона” о Христе как о революционере, отдавшем жизнь за идею

³ Проблемы философско-эстетической концепции Булгакова и ее определяющей роли в оценках литературных явлений рассматривались в наших статьях “С.Н. Булгаков о сущности искусства” (Вестник МДУ імя А.А. Куляшова. – 2000. – № 4 (7). – С. 85–91), “В нем говорит нам русская душа...” (С.Н. Булгаков об А.С. Пушкине) (Вестник МДУ імя А. А. Куляшова. – 1999. – № 2-3(3). – С. 13–17).

социальной справедливости. Он считал недопустимой ошибкой и попытки Толстого свести христианство к практической морали. Сравнив содержание письма Белинского к Н.В. Гоголю и основные идеи теоретических трактатов Толстого "Христианское учение", "Путь жизни", "В чем моя вера?", "Царство Божие внутри нас" и др., Булгаков пришел к выводу: Белинский и Толстой, при всем глубочайшем различии их убеждений, явились выразителями одной и той же тенденции – вулгаризации Христа.

В статье "Толстой и Церковь" критик пояснил, что Толстого постигла драма Ивана Карамзова, причина которой состояла в невозможности "земным, эвклидовым умом" разрешить проблему теодицеи. Величие писателя, заметил Булгаков, "во всех его не", в нравственном протесте против социальной несправедливости. Однако Толстой, как и герой Достоевского, не принимая мира Божьего, перепутал Творца с "тварным миром". Провозгласив равенство всех людей не в Боге, но в природе, Толстой искал разрешение всех противоречий в уничтожении, прежде всего, социального зла [4, с. 12].

"Простота и опрощение" занимает особое место в цикле статей Булгакова "Л.Н. Толстой". Очевидно, что все более осознаваемая пропасть между собственным идеалом и этическим идеалом Толстого обусловила категоричность выводов, которые Булгаков сделал в этой работе. Ее автор снова отметил остроту социальной критики, прозвучавшей со страниц произведений писателя. Но теперь, сославшись на его "Исповедь", Булгаков уточнил, что "социальный нигилизм", т. е. отрицание всех государственных институтов и Церкви, в том числе, явился не причиной, а следствием философских и религиозных исканий Толстого.

Как известно, автор "Исповеди" признавался, что страх смерти заставил его обратиться "взыскующий взор" на простых крестьян: они не мучились неразрешимой проблемой бессмысленности бытия и в надежде "на жизнь вечную за гробом" не боялись умереть. Толстому казалось, что простым людям открыт тайный и высший смысл жизни: они знают, что заслужить бессмертие души можно, если "отречься от всех утех жизни, трудиться, смиряться и быть милостивым" [6, с. 153]. Чтобы постичь этот высший смысл, Толстой и пытался разделить с крестьянами жизнь, труд и их веру.

Булгаков расценил подобное "опрощение" лишь как формальность. В толстовском "опрощении", по его убеждению, не было "простоты" истинно верующего человека. Безусловная народная христианская вера в бессмертие души была Толстому непонятна, а потому отвергнута. Зато бессмертие как *идея*, что во многом было обусловлено влиянием философии А. Шопенгауэра, стала краеугольным камнем философско-нравственных исканий писателя.

Тема "Л. Толстой и А. Шопенгауэр" выходит за рамки данной работы. Следует лишь отметить, что Толстой интерпретировал *идею бессмертия* по-своему. Необходимым условием ее осуществления он считал "жизнь для людей", а само бессмертие видел «в единении с другими людьми».

Булгакову, как человеку православному, все эти философские построения Толстого представлялись умозрительными, сконструированными, искусственными. Поиски писателем бессмертия не на небе, но на земле создали пропасть между ним и народом, а "опрощение" не смогло избавить его ни от страха смерти, ни от религиозного индифферентизма. Вот почему Булгаков назвал "опрощение" Толстого "бутафорским, до известной степени средством лечения, вроде шведской гимнастики". Писатель никогда не знал ни нужды, ни голода, ни настоящей зависимости от тяжелого физического труда. За Толстым, кроме всего прочего, стоит "вековая барская культура, образование да, наконец, и его гений", – заключал автор статьи [7, с. 121–122].

На первый взгляд, эти суждения Булгакова совпадают с оценками революционно ориентированной критики стремлений Толстого "слиться с народом". В 1869 г. Н.К. Михайловский заявил, что "кающийся дворянин" Толстой не смог преодолеть родимых пятен своего социального происхождения [8, с. 179]. Позже В.И. Ленин, назвав Толстого "помещиком, юродствующим во Христе", тоже усмотрел в его "опрощении" элемент фальсификации, суть которой в неискреннем публичном покаянии русского интеллигента в нравственных пороках [9, с. 209].

Однако эти совпадения кажущиеся. Булгаков разделял точку зрения Достоевского, который писал об "опрощающемся" герое романа "Анна Каренина" и его авторе: "Вот эти, как Левин, сколько бы ни прожили с народом, но народом вполне не сделаются, мало того, во многих пунктах так и не поймут его никогда во все, мало одного самомнения, или акта воли, да еще столь причудливой, чтобы захотеть и стать народом" [10, с. 205].

В отличие от народников и марксистов, Булгаков признавал нравственным и верным исходный пункт духовных исканий писателя. Но он считал ложным метод, каким Толстой "добывал Бога". Как и Достоевский, Булгаков был убежден, что "стряхнуть с себя грех истории, социальный, а вместе и свой личный грех невозможно никакими опрощениями, никаким внешним действием, он изглаживается лишь покаянием перед Богом, искупается лишь Божественной кровью" [7, с. 122]. Подтверждение тому Булгаков нашел в Зосимовой пустыни, где в молитве у ног Спасителя он видел духовное единение людей разных сословий.

В 1910-е гг. в литературной критике и публицистике наиболее обсуждаемым оставался

вопрос об идеале Толстого. В лекции-статье “Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л.Н. Толстого “Дьявол” и “Отец Сергей” (1912) Булгаков предпринял попытку вскрыть его теоретические истоки. В первой части работы автор указал на целый ряд известных философских и религиозных учений, так или иначе повлиявших на этические искания писателя. При этом Булгаков обратил особое внимание на их обусловленность рационализмом и учением о “естественном человеке”.

“Вера в разум как орган непогрешимости” стала причиной враждебности Толстого “идее откровения”; “сверхразумность веры” расценивалась им как “извращения разума”, что в свою очередь привело к неприятию Церкви и церковных таинств, сомнению в Божественной сущности Христа и как итог – к отрицанию Богочеловека, но признанию человекобога. А вера в “естественного человека”, “извращенного лишь соблазном и обманом общества”, давала писателю основание уповать на “силу собственной воли” в борьбе с грехом, что и вело к отрицанию христианства вообще [5, т. 2, с. 10].

Толстовская “религия человекобожия” (учение о “самоправедности” и “самоспасении”) логически уводила писателя от православия, но вела к протестантизму. Следует уточнить, что в данном случае Булгаков имел в виду одно из течений в протестантизме – иезуанизм с его религиозным утилитаризмом как “почитанием Иисуса во имя социологической целесообразности” не Богом, а пророком, и внецерковным индивидуализмом⁴.

В лекции-статье “Человекобог и человекозверь” Булгаков проиллюстрировал обусловленность позднего творчества Толстого именно этим, антихристианским по своей сути, идеалом. Во второй ее части он сопоставил изображение одного и того же объекта – народную толпу вокруг Оптинского старца о. Амвросия – двумя художниками: Толстым в повести “Отец Сергей” и Достоевским в “Братьях Карамазовых”. Булгаков считал, что “обмирщенный”, “лишенный религиозно-мистической окраски” идеал Толстого обусловил его равнодушие, если не сказать, презрение к обыкновенному человеку, столь непохожему на сконструированный им тип “естественного человека”⁵. Отсюда высокомерное и почти брезгливое описание странников, богомольцев, сырых крестьян и крестьянок, “давно знакомых и неинтересных о. Сергию”. Совершенно по-другому изобра-

жены в “Братьях Карамазовых” женщины, пришедшие в монастырь под Скотопригоньевском, и искренне сочувствующий им старец Зосима. Он, учивший Алешу: “Кто любит людей, тот радость их любит”, не мог остаться безучастным даже к самым обыденным заботам своих прихожан. “Братья Карамазовы” и “Отец Сергей” – это “духовные плоды двух религий”: веры Достоевского в живого Христа и веры Толстого в “поправленное” учение Христа, – считал критик. Поэтому последние произведения Толстого он охарактеризовал как “тьма, мрак, подземелье”.

Заключение

Конечно, нельзя не признать, что в данном случае публицистические и религиозно-просветительские цели подчинили себе литературно-критический анализ. Но важно другое: Булгаков однозначно определил свое отношение к этому сложному, противоречивому, но и великому явлению русской культуры: “Мы не пойдем здесь за Толстым – религиозным проповедником”, ибо “мрак души о. Сергия” не должен и не может “заслонить свет старца Зосимы” [5, т. 2, с. 47]. Эти заключительные слова Булгакова о Толстом звучат как завет тем, кто пытался прежде и пытается сегодня найти ответы на вечные вопросы: “Бог и мир”, “Бог и человек” – у мыслителя и художника, который вовсе не взывал: “Верую, Господи! Помоги моему неверию”.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Бердяев, Н. А.** Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS 1955 г. / Н. А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
2. **Гольденвейзер, А. Б.** Вблизи Толстого / А. Б. Гольденвейзер. – Москва: “Кооперативное издательство” издательство “Голос Толстого”, 1922. – 488 с.
3. **Сапов, В. В.** Христианская социология С. Н. Булгакова / В. В. Сапов, А. Ф. Филиппов // С. Н. Булгаков: философия хозяйства; В. В. Сапов (ред.). – М.: Наука, 1990. – С. 345–384.
4. **Булгаков, С. Н.** Тихие думы. Статьи и очерки разных лет / С. Н. Булгаков. – М.: Республика, 1995. – 509 с.
5. **Булгаков, С. Н.** Сочинения: в 2 т. / С. Н. Булгаков. – М.: Наука, 1993.
6. **Толстой, Л. Н.** Исповедь / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений: в 22 т. – М.: Художественная литература, 1978–1985. – Т. 16. – 1983. – С. 106–166.
7. **Булгаков, С. Н.** Простота и опрощение / С. Н. Булгаков // О религии Льва Толстого. – М.: Путь, 1912. – С. 114–141.
8. **Михайловский, Н. К.** Десница и шуйца Льва Толстого / Н. К. Михайловский // Ли-

⁴ Об иезуанизме Булгаков писал в статье “Кризис христианства в современном протестантизме” (Русская мысль. – 1911. – № 9. – С. 44–48).

⁵ Интересно, что подобную мысль высказал М. Горький: “Он, (Толстой. – М.Ч.), часто казался мне человеком непоколебимо – в глубине души своей – равнодушным к людям” (Максим Горький. Лев Толстой / Максим Горький // Избранное. – Москва: ЭКСМО, 2003. – С. 50).

тературно-критические статьи. – М. : Гослитиздат, 1957. – С. 58–181.

9. **Ленин, В. И.** Лев Толстой как зеркало русской революции / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. – Пятое издание. – М. : Издательство политической литературы, 1965–1975. – Т. 17. – 1968. – С. 206–213.
10. **Достоевский, Ф. М.** Дневник писателя. 1877 год. Июль-август. Глава третья / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. – Ленинград : Наука, 1972–1989. – Т. 25. – 1983. – С. 206–224.

Поступила в редакцию 22.12.2015 г.
Контакты: masha.70@mail.ru
(Чернова Мария Станиславовна)

Chernova M.S. “RELIGIOUS DRAMA” OR “TRAGEDY OF ARTISTIC GENIUS”? L.N. TOLSTOY’S ETHICAL IDEAL ASSESSED BY S.N. BULGAKOV.

The article displays the opinions of the religious philosopher, theologian and literary critic S.N. Bulgakov on L.N. Tolstoy’s ethical ideals. The objective and subjective conditionality of his assessments of the writer’s findings is proved. Uncovered by Bulgakov theoretical sources of Tolstoy’s doctrine of “self-righteousness” are traced. The importance of Bulgakov’s conclusion on the determining role of the ethical ideal in the writer’s work is noted. The relevance of the Orthodox religious and moral assessment of Tolstoy’s ethical teachings pointed out by Bulgakov is stressed.

Key words: S.N. Bulgakov, L.N. Tolstoy, Russian literature, religious and philosophical criticism of the early XX century, religious and cultural renaissance, Christianity and literature, religious and philosophical views of L.N. Tolstoy.

УДК 811.112.2'36

REALISATION DER AUFGÄHUNG IN SCHÖNGEISTIGEN UND PUBLIZISTISCHEN TEXTEN

И. В. Шитикова

старший преподаватель,
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Данная статья посвящена исследованию перечисления. Перечисление относится к явлениям экспрессивного синтаксиса и является одним из стилистических средств, используемых в текстах различной коммуникативно-речевой направленности. В статье предпринята попытка исследования особенностей реализации перечисления в текстах двух функциональных стилей – стиля художественной литературы и газетно-публицистического стиля.

Ключевые слова: перечисление, экспрессивный синтаксис, стиль художественной литературы, газетно-публицистический стиль.

Einleitung

Die Aufzählung ist ein wichtiges sprachlich-stilistisches Ausdrucksmittel bei der Textproduktion. Diese Erscheinung gehört zu den traditionellen Mitteln der Sprache, die aktiv und verschiedenartig, besonders in der schöngeistigen und publizistischen Literatur, verwendet werden.

Die Aufzählung als Erscheinung des funktionalen Aspekts der Sprache gehört zum Gebiet der expressiven Syntax. Sie basiert auf den Prinzipien der quantitativen Äquivalenz, des quantitativen Gleichgewichtes, der kleinen und großen Dosierung der Information [1, S. 5]. Die Aufzählung stellt die Häufung von gleichwertigen Satzgliedern dar. So bilden alle Glieder der Aufzählungskette eine Sinneinheit und nehmen syntaktisch eine Position in dem Satz.

Grundtext

Man darf nicht behaupten, dass diese Erscheinung der expressiven Syntax von Linguisten unbeachtet geblieben ist, aber sie wurde auch nicht besonders oft das Objekt ihrer Aufmerksamkeit. Sie wird in stilistischen Werken neben den anderen Erscheinungen der expressiven Syntax erwähnt, aber leider gibt es wenige spezielle Untersuchungen, die gerade dieser Erscheinung im heutigen Deutsch gewidmet sind [2; 3]. Davon zeugen selbst die neuere linguistische Literatur der letzten Jahrzehnte und wenige spezielle Publikationen über diese Erscheinung. Aber auch die Werke der antiken Rhetoren und die alten traditionellen Arbeiten zur deutschen Sprache enthalten nur einiges darüber. So kann man behaupten, dass die Aufzählung als Forschungsobjekt bis heute nicht genug untersucht ist und einige Unstimmigkeiten in ihrer terminologischen Bezeichnung noch existieren.

Dadurch, aber vor allem durch die Aktualität dieser Erscheinung in Rahmen der Textlinguistik wird die Wahl des Themas für diesen Artikel motiviert. Das Herangehen an sprachlich-stilistische Erscheinungen vom Standpunkt der Textlinguistik aus ist in der modernen Sprachwissenschaft sehr verbreitet. In diesem Sinne gewinnt an Aktualität die Untersuchung der Realisation der Aufzählungen in Texten, besonders in Texten verschiedener Funktionalstile.

Expressive Stilistik ist eine besondere Richtung in der Stilistik. Sie erforscht expressive Elemente des Sprachsystems aus der Sicht ihres emotionalen Gehalts, d.h. alle Erscheinungen der Sprache aus dem Bereich der Emotionen. Man kann sagen: Alles, was emotional ist, ist expressiv. Expressivität der Sprache ist eine ungewöhnliche Ausdrucksweise, die durch eine Anziehungskraft, Lebendigkeit, Frische und Originalität gekennzeichnet ist. Expressivität als Konzept ist unwahrscheinlich vielgesichtig. Am öftesten kommt sie in der Sprache als Ausdruck verschiedener Emotionen zum Vorschein. Zusammen mit Tropen stellen auch syntaktische Figuren einen wesentlichen Teil des Schmuckes der Rede dar. Sie wurden noch in der antiken Rhetorik ausgebaut und gelehrt.

In diesem Artikel ist ein Versuch unternommen, eine Untersuchung der Aufzählung als Erscheinung der expressiven Syntax auf textlicher Basis vorzunehmen. Der ausgewählte Stoff wird mit Betrachtung der Kontexte aller Realisationsfälle der Aufzählung und mit Berücksichtigung der funktional-stilistischen Differenzierung der deutschen Sprache analysiert. Der Analyse unterliegen Auszüge aus den Texten zweier Funktionalstile – des Stils der schöngeistigen Literatur und des Stils der Presse und Publizistik.

Jeder Funktionalstil besitzt seine spezifischen Besonderheiten, d.h. auch Besonderheiten in Bezug auf den Gebrauch der Aufzählungen. Um diese Besonderheiten im Stil der schöngeistigen Literatur und im Stil der Presse und Publizistik zu entdecken, wurden Textfragmente des gleichen Umfangs aus dem Roman M.L. Fischer „Verbotene Liebe“ und aus der deutschen Zeitung „Rheinischer Merkur“ verglichen.

Jeder Stil bedingt einen bestimmten Bereich und hat seine eigenen Funktionen. So stellt der Stil der schöngeistigen Literatur eine ganz besondere Verwendungsweise der Sprache dar. Die schöngeistige Literatur benutzt die Sprache als Material und ästhetisiert es. Das Spezifische der künstlerischen Werke ist eine besondere Bildkraft, sie entsteht als Folge der Bildlichkeit und Bildhaftigkeit. Die genannten Merkmale bilden die Grundlage der Emotionalität und Expressivität solcher Texte. In diesem Stil besteht das Ziel des Autors darin, auf das Gemüt des Lesers ästhetisch einzuwirken, ihn zu erschüttern und zu einem neuen Bewusstsein zu bringen; der Leser soll nachempfinden, was der Autor empfindet. Und so hilft auch die Aufzählung

dem Autor, sein Ziel zu erreichen, Impressionen zu geben und die ästhetische Funktion zu realisieren.

Der Stil der Presse und der Publizistik hat dagegen ganz andere Funktionen. Die Massenmedien informieren den Leser über die Geschehnisse und versuchen ihn ideologisch zu beeinflussen. In der Presse und der Publizistik tritt die Aufzählung als Mittel der Kürze auf und dabei dient sie hier der logischen Anschaulichkeit, der gedanklichen Steigerung, trägt zur Klarheit und Leichtfasslichkeit bei [4, S. 52].

Der Realisation der Aufzählungen im Stil der schöngeistigen Literatur und im Stil der Presse und Publizistik wird nach folgenden Kriterien verglichen:

1. Gebrauch der Wortarten in der Struktur der Aufzählung;
2. syntaktische Funktionen der Aufzählung im Satz;
3. Erweiterung der aufgezählten Glieder durch attributive Wörter;
4. wortbildender Typ von Elementen der Aufzählung;
5. allgemeines quantitatives Merkmal der Aufzählung in den beiden oben genannten Funktionalstilen.

So wird im Artikel der Versuch der mehr detaillierten, d.h. konkreteren Differenzierung innerhalb der Struktur der Aufzählung nach den obengenannten Kriterien realisiert.

1. Beim Vergleich der Aufzählungen nach dem Gebrauch der Wortarten in ihrer Struktur ist festgestellt, dass im Stil der schöngeistigen Literatur am meisten Verben aufgezählt werden. Davon zeugen folgende Beispiele:

Ganz bewußt ließ er sich vollaufen, bis er nichts mehr fühlte, nichts mehr dachte, nichts mehr wußte.

Sie stand auf, drehte sich und reckte sich, um die verkrampften Glieder zu lösen, trat zu einem der Fenster und öffnete beide Flügel weit.

So werden in den deutschen schöngeistigen Texten viermal so oft Strukturen mit aufgezählten Verben als im Stil der Presse und Publizistik fixiert. Das entspricht dem typischen Stilzug – der überwiegenden dynamischen Beschreibung in der schöngeistigen Literatur.

Und im Gegenteil überwiegen im Stil der Presse und Publizistik Aufzählungen mit Substantiven als aufgezählten Elementen:

Es ist auch deshalb die logisch richtige Strategie, weil für alle, die in Japan die Politik bestimmen – ob Parteipolitiker, Beamte oder führende Geschäftsleute – die Gesellschaft an allererster Stelle steht – und nicht die Wirtschaft.

Substantive treten in dieser Funktion fast dreimal so oft als in der schöngeistigen Literatur auf. Dabei werden in der Presse und Publizistik auch Adjektive viel öfter gebraucht. Das stimmt völlig mit der nominalisierenden Funktion des Stils der Presse und Publizistik, seiner „Sachprosa“ und

Sättigung mit Realien, und d.h. Substantivität überein.

2. Nach dem syntaktischen Faktor überwiegen im Stil der schöngeistigen Literatur die Aufzählungen in den Positionen und syntaktischen Funktionen der Hauptsatzglieder, am meisten der Prädikate:

Er öffnete ihre Handtasche mit einer Hand und fand, was er suchte: ein Fläschchen Eau de Cologne. Er trankte ihr Taschentuch damit, rieb ihr die Schläfen ein und redete voll Sorge auf sie ein.

Plötzlich verschwamm alles vor ihren Augen. Sie taumelte, suchte Halt ... Mit wenigen langen Schritten war er bei ihr, fing sie auf, hob sie hoch, trug sie zum Diwan.

Im Stil der Presse und Publizistik befinden sich die Aufzählungen syntaktisch dagegen in den Positionen der Nebensatzglieder, sehr oft dabei in den Positionen der Präpositionalobjekte:

Für die meisten amerikanischen Politiker, für japanische Studenten und auch viele Geschäftsleute sind diese fünf grundlegenden Annahmen zu Glaubenssätzen geworden.

Nicht zuletzt wird über Theologie der Religionen, Judentum, Ökumene und neue Wahrnehmungsweisen von Kirche gehandelt.

Diese Tatsache widerspiegelt die Erweiterung des semantischen Raumes der Information im Stil der Presse und Publizistik vor allem in Objekten und Adverbialbestimmungen, während solche Erweiterung des semantischen Raumes im Stil der schöngeistigen Literatur in Hauptsatzgliedern verläuft.

3. Im Stil der schöngeistigen Literatur überwiegen einfache Aufzählungsstrukturen:

Sie holte tief Atem, biß die Zähne zusammen und stieg weiter.

Sie drängte sich nicht zur Büroarbeit, denn das Ausschreiben von Rechnungen, Bestellungen, Formularen war für sie, die gewohnt war, anstrengende und schwierige Schriftsätze zu bewältigen, einfach langweilig.

Aber die aufgezählten Elemente können durch attributive Wörter begleitet werden, die den Satzraum erweitern. Solche erweiterten Strukturen werden in der schöngeistigen Literatur seltener fixiert und sind für Presse und Publizistik typisch. Sie werden hier zweimal so oft fixiert als in den schöngeistigen Texten:

Nur zu gern attackierte die neue Bildungsministerin Edelgard Bulmahn die Bundesregierung mit dem Vorwurf, ihre Aufgabe ganz zu vernachlässigen, Ziele, Konzepte und Rahmenbedingungen zur Qualitätssicherung und -steigerung zu entwickeln.

Maßnahmen aus Washington, japanische Politiker und die öffentliche Meinung brachten die Regierung dazu, größere Geldbeträge in die Wirtschaft zu pumpen, als irgendein anderes Land es tat – ohne den geringsten Nutzen.

4. Was den wortbildenden Typ von Elementen der Aufzählung angeht, so können in beiden Stilen

einfache Wörter, Abteilungen und Zusammensetzungen aufgezählt werden. Aber in der schöngeistigen Literatur überwiegen die Aufzählungen, die aus einfachen Wörtern bestehen. Solche Strukturen werden hier zweimal so oft als im Stil der Presse und Publizistik fixiert:

Sie sah sein Gesicht über sich, die feinen, fast aristokratischen Züge, die hohe Stirn, die grauen Schläfen.

Mit einem tiefen Seufzer der Erleichterung zog Sabine Kortner die letzte Seite aus ihrer Schreibmaschine, legte sie in die Unterschriftenmappe, warf einen Blick auf ihre Armbanduhr – es war sechs Uhr – und begann ihren Schreibtisch aufzuräumen.

Und im Gegenteil werden im Stil der Presse und Publizistik zweimal soviel Ableitungen und dreimal soviel Zusammensetzungen als Elemente der Aufzählung gebraucht. Für publizistische Texte ist also die Aufzählung von Abteilungen und Zusammensetzungen typisch:

Die Kirche ist eine der wichtigsten Institutionen der Lebenshilfe, Beratung und Seelsorge.

Das gilt besonders für das offizielle Washington: US-Schatzamt, Weltbank und Internationale Währungsfonds sind da einer Meinung.

5. Nach dem allgemeinen quantitativen Merkmal überwiegen in beiden Stilen die dreigliedrigen Strukturen der Aufzählung. Aber kompliziertere Strukturen aus vier und mehr Gliedern sind doch öfter im Stil der Presse und Publizistik zu treffen. Dabei findet man hier auch Strukturen mit sechs und sieben aufgezählten Elementen, während in den schöngeistigen Texten die Strukturen mit maximal fünf aufgezählten Elementen fixiert werden:

Der langjährige Professor für systematische Theologie listet gleich sieben Aspekte auf und spricht von einer Mitglieder-, Finanz-, Mitarbeiter-, Vereinigungs- und Orientierungskrise sowie von einer Krise des Krisenmanagements und einer grundlegenden Orientierungskrise.

Das alles spricht von der größeren Detaillierung der publizistischen Texte gegenüber den schöngeistigen Texten.

Schlussfolgerung

Nach der Vergleichung der Stile nach diesen quantitativen Kriterien sieht das Bild der Realisierung der Aufzählung in beiden Funktionalstilen folgender Weise aus:

Im Stil der schöngeistigen Literatur überwiegen Strukturen mit Verben als aufgezählten Elementen. Substantive und Adjektive werden hier auch aufgezählt, aber sie stehen nach der Häufigkeit der Aufzählung hinter den Verben.

In den meisten Fällen werden die Aufzählungen in diesem Funktionalstil in den Positionen und syntaktischen Funktionen der Hauptsatzglieder fixiert.

Die aufgezählten Elemente können hier durch attributive Wörter begleitet werden, die den Satz-

raum erweitern, aber solche erweiterten Strukturen werden in der schöngeistigen Literatur seltener fixiert, als im Stil der Presse und Publizistik.

Obwohl Ableitungen und Zusammensetzungen auch in der schöngeistigen Literatur aufgezählt werden können, überwiegen hier die Aufzählungen, die aus einfachen Wörtern bestehen. Dabei werden hier solche Strukturen mit einfachen Wörtern als aufgezählten Elementen zweimal so oft fixiert als im Stil der Presse und Publizistik.

Nach dem allgemeinen quantitativen Merkmal sind hier die dreigliedrigen Strukturen der Aufzählung am meisten zu treffen. Solche Aufzählungen bilden den typischen Stilzug der schöngeistigen Literatur.

Im Stil der Presse und Publizistik zeichnet sich ein völlig anderes Bild der Realisation der Aufzählungen ab.

In diesem Funktionalstil überwiegen Aufzählungen mit Substantiven als aufgezählten Elementen, und Adjektive treten in dieser Rolle häufiger als im Stil der schöngeistigen Literatur auf.

In den meisten Fällen befindet sich die Aufzählung hier syntaktisch in den Positionen der Nebensatzglieder, sehr oft dabei in den Positionen der Präpositionalobjekte.

Auch erweiterte Aufzählungen sind für Presse und Publizistik typischer als für die schöngeistige Literatur. Sie werden hier zweimal so oft fixiert als in den schöngeistigen Texten.

Nach dem Kriterium der Wortbildung sind aufgezählte Elemente hier meistens nicht einfache Wörter, sondern Abteilungen und Zusammensetzungen. Im Vergleich zur schöngeistigen Literatur werden im Stil der Presse und Publizistik zweimal soviel Aufzählungsketten mit Ableitungen und dreimal soviel Aufzählungsketten mit Zusammensetzungen als Elementen der Aufzählung gebraucht.

Aber es gibt in beiden Funktionalstilen einen allgemeinen Stilzug: Nach dem allgemeinen quantitativen Merkmal überwiegen in beiden Stilen die dreigliedrigen Strukturen der Aufzählung, und kompliziertere Strukturen aus vier und mehr Gliedern sind selten fixiert.

Auf Grund aller fixierten Merkmale und formulierten Schlussfolgerungen kann man behaupten: Beim Aufbau von Aufzählungen wirkt im Stil der Presse und Publizistik die Tendenz der Nominalisierung, während im Stil der schöngeistigen Literatur eine andere Tendenz wirksam ist, und nämlich die Tendenz der Verbalisierung. Das zeugt von dem dominierenden statischen und realistischen Charakter des Stils der Presse und Publizistik und beweist ohne Zweifel dominierenden Stilzug der schöngeistigen Literatur – ihre Dynamik.

LITERATUR

1. Глушак, Т. С. Конструкция перечисления в создании структуры художественного текста / Т. С. Глушак // Известия Смоленск. гос. ун-та. – 2008. – № 4. – С. 5–11.

2. **Комаров, А. А.** Перечисление и его стилистические функции: (на материале немецкой художественной литературы): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Комаров ; Алма-Атинский пед. ин-т иностр. яз. – Алма-Ата, 1992. – 22 с.
3. **Примак, В. В.** Структурные формы и функции перечисления в текстовой организации современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. В. Примак ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2003. – 21 с.
4. **Махова, Э. Ф.** Практическая стилистика немецкого языка : учеб. пособие для студентов / Э. Ф. Махова, Т. В. Неустроева. – 2-е изд. – Екатеринбург : ГОУ ВПО “Урал. гос. пед. ун-т”; Ин-т иностр. языков, 2010. – 266 с.

Поступила в редакцию 21.12.2015 г.
Контакты: +375 29 395 95 11
(Шитикова Ирина Васильевна)

Shytsikava I.V. ENUMERATION IN BELLES-LETTRES AND PUBLICISTIC STYLES.

The article focuses on enumeration. Enumeration belongs to the phenomena of expressive syntax and is one of the stylistic means applied in the texts of different communicative types. The author attempts to research the peculiarities of enumeration in two functional styles – belles-lettres style and publicistic style.

Key words: enumeration, expressive syntax, belles-lettres style, publicistic style.

УДК 784.1

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ЧЕТЫРЕХ ХОРОВЫХ ЗАРИСОВОК “ЖУРАЎЛІНЫ ДОСВІТАК” ДЛЯ ХОРА А CARRELLA ВЛАДИМИРА КАРИЗНЫ

М. Ю. Голомбовская

магистрант,

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы

В статье раскрывается сущность художественного содержания произведения на примере цикла для хора а capella современного белорусского композитора В. Каризны “Жураўліны досвітак”. Перед человеком, включенным в музыкально-педагогический процесс и занимающимся музыкально-педагогической деятельностью, постоянно стоит вопрос: каков художественный мир произведения? Эта проблема довольно остра в синтетическом – словесно-музыкальном произведении. Данная статья представляет собой научно-методическую разработку, предлагающую один из путей, ведущих к ответу на этот вопрос.

Ключевые слова: анализ музыки, музыковедческий, художественный, педагогический, эстетический, технологический, нравственный, сравнительный.

Введение

Необходимость глубокого анализа произведения в музыкально-педагогическом процессе является безусловной. Он может быть как комплексным, так и дифференцированным: музыковедческим, художественно-педагогическим, эстетическим, технологическим, нравственно-семантическим, компаративным. Применение конкретного из них в учебном процессе обусловлено темой и целью урока. Без проведения аналитической работы над произведением слушание музыки как вид художественной деятельности теряет педагогический смысл и образовательный эффект.

Основная часть

Культура музыкального восприятия слушателя обусловлена многими факторами. Основные из них заключаются в его эстетической образованности, педагогических условиях и методах организации художественного анализа, идейном содержании произведения. Интенсивность ассоциативно-образных представлений во многом детерминирована наличием авторской ремарки к сочинению, его объективным звучанием, исполнительской трактовкой, эмоциональным тоном слушателя. Учитывая данные факторы в работе с хором, великий дирижер А. Юрлов, по словам композитора Т. Корганова, “всегда шел от образа” [1, с. 50]. А. Носков вспоминал, что на репетициях А. Юрлова “работа над образом не останавливалась до тех пор, пока он (А. Юрлов. – М.Г.) не

добивался нужного для этой цели качества звука” [1, с. 119]. Обобщая уровень мастерства дирижера, Н. Данилин считал ценным его качеством “яркость исполнительского выявления содержания” [2, с. 33]. Эту точку зрения поддерживает и В. Живов, отмечая художественную ответственность авторов хорового сочинения – композитора и поэта в поисках средств убедительного донесения его образного смысла до слушателей [3, с. 16]. Не случайно в последние десятилетия появился ряд работ, посвященных анализу художественного содержания вокальных сочинений. Наиболее яркой из них представляется исследование Л.П. Казанцевой [4]. Основную цель рассмотрения художественного содержания произведения автор видит в синхронной характеристике текстового и музыкального первоисточников. Ею предложен алгоритм образно-художественного анализа вокально-хоровых сочинений, адаптировать который к разбору сюиты “Жураўліны досвітак” сделана попытка в данной статье.

Белорусский композитор В. Каризна сочиняет музыку в различных жанрах с ладогармоническим и стилевым языком романтизма, используя при этом композиционные приемы XX в. Наибольшей популярностью пользуются его песни и хоры. Не случайно композитор в своем творчестве предпочтение отдает вокальному жанру. Особое восприятие текстового содержания передалось к нему по наследству, от его отца – крупнейшего белорусского писателя и поэта Владимира Каризны. Среди многочисленных хоровых опусов представлен и цикл “Жураўліны досвітак”, включенный в репертуар многих хоровых коллективов страны, в том числе ансамбля “Мадригал” Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Могилевской городской хоровой капеллы и др.

Тема “Времена года” давно и красочно интерпретирована в музыкальных сочинениях многих композиторов. В творчестве музыкантов экспликация данного художественного образа эволюционирует в тесной взаимосвязи с философским и эстетическим его пониманием. Ключевую роль играют историко-художественные стили, оказывающие определенное влияние как на авторский замысел, так и художественные задачи воплощения этой темы. Если эпоха барокко наиболее ярко представлена циклом скрипичных концертов “Времена года” Антонио Вивальди, то классицистское их выражение отражено в оратории “Времена года” Йозефа Гайдна. В XIX в. в связи с индивидуализацией художественного творчества композиторов наблюдается романтическая трактовка анализируемой темы (фортелианный цикл “Времена года” П. Чайковского), а также модернистская (балет “Времена года” А. Глазунова). Социально-личностную сущность образа воплотил в хоровой сюите В. Каризна-сын, в основе которой использованы четыре стиха В. Каризны-отца.

Литературным содержанием первого хора явилось стихотворение “Вечар зорны”, относящееся к пейзажной лирике о весеннем вечере, наполненном теплом и утасующим светом. Передать его поэтику и состояние героя помогают эпитеты (“вечар зорны”, “вечар сіні”), метафоры (“музыка кустом шпышыны”, “сэрцам дакрануцца”). Стихотворный текст представлен в виде двух строф.

Как же воспринято поэтическое слово музыкантом? Миниатюра написана в трехчастной форме. Весьма тонко нивелирована динамика, формирующая ощущение раздвигающегося пространства, наполненного активным насыщенным звучанием. Рельефную художественную значимость приобретают в этом музыкальном фрагменте гармонические краски, с целью воссоздания которых композитором используются аккорды кварто-секундовой структуры, цепочки нонаккордов, создающие мягкую звуковую ауру.

Вторая часть хора “обыгрывает” поэтический текст в виде оstinato-повторяющихся комплексов. В мелодии теряется выразительный интонационный строй мелодических рисунков, предпочтению отдается гаммаобразному движению. Меняется тип фактуры с использованием элементов полифонии, в которых превалирует ленточное голосоведение с вкраплением отдельных звуков, позволяющих акцентировать внимание на тексте. Функции голосов становятся равнозначными, так как мелодия словно скользит из партии к партии, окрашиваясь в разные тембральные тона.

Кульминацией хора является начало третьей части, которое посвящено изображению весенней природы средствами укрупнения длительностей, хоральным типом изложения фактуры, яркой динамикой, тональной определенностью в виде пульсации на звуках доминантсептаккорда. В этой части провозглашается основная идея: “Нельга, каб не дакрануцца сэрцам да такой красы, і калючкі застаюцца ад яе на ўсе часы”. Завершает миниатюру кодовое построение, в котором возвращается первоначальная тема, исполняемая партией сопрано. В виде секвенциобразных проведений ее звучание переводится в другие голоса хора, утверждая при этом тоническую устойчивость ре минора.

Основное отличие поэтического произведения от хоровой миниатюры заключается в характере развития главной идеи. Поэт постепенно движется к раскрытию ее сущности, “ударно” формулируя во второй строфе. Композитор же смягчает звучание, переводя его из драматически-напряженного в философски-возвышенное, сопровождающееся соответствующим эмоциональным состоянием как исполнителей, так и слушателей.

Второй хор сюиты “Каласавікі” олицетворяет лето созревающей пшеницы. Идеализируемая

окружающая среда воссоздана в стихотворении в первой строфе обобщенно, эскизно (“нявестай свеціцца пшаніца”, “васількі сінеюць”). Не менее выразительным является наделение неодушевленных предметов чертами живых существ: пшеницы – невестой, грибов-боровиков – слушателями пения птиц и др. Легкая, ненавязчивая манера изложения стихотворения “Каласавікі” определяет незавершенно-бесконечный полет мыслей о прекрасной летней природе, которая лишь иллюзорно представляется среди констант реальной действительности. Очевидной является и акцентуация антитез, содержащихся в каждой строфе. В первой – дождь противопоставляется растущей пшенице и василькам; во второй – поющие птицы боровикам. Вследствие двукратного проведения контрастных образов происходит активизация наглядных представлений у слушателей.

В свою очередь, композитор достаточно свободно относится к поэтическому тексту. Не изменяя слова, он прибегает к многократному их повторению и дублированию фраз. Этот прием позволяет расширить границы двух строф стиха до трехчастной развернутой формы синтетического художественного произведения. Музыкальное воплощение поэтики определяется при этом подвижным темпом, романтическими красками гармонии, в которой существенную роль играет частая смена тонального плана.

Во второй части миниатюры автор меняет тип фактуры, обращаясь к минималистской технике репетитивности. Эффектным средством выразительности в этом музыкальном фрагменте является декламация стихов в различном ритме. По вертикали возникают кварто-секундовые созвучия, образующие сонорное звучание. Кульминация вновь совпадает с началом третьей части, характеризующейся хоральной фактурой, четким ритмическим рисунком, выделяющимся в каждой партии. Таким образом, целостная концепция синтетического произведения, в котором поэт и музыкант соединили прекрасный мир иллюзий и константу реального времени, заключена в зарисовке пейзажа летней природы. Интеграционным фактором в создании композиции и образной драматургии данной хоровой миниатюры является музыка.

В третьей хоровой миниатюре цикла “Асенная часінай” через общую картину природы переданы мысли уже зрелого, познавшего жизнь человека. Возможно, текст стиха содержит и автобиографические самонаблюдения. В совокупности с изображением элементов пейзажа в виде “солнца, играющего на небосклоне”, “журавлиного рассвета” воплощены глубинные размышления о сущности человеческого бытия. В произведении утверждается атмосфера покоя, располагающего к мысленному созер-

цанию бесконечных просторов. Этому способствует свободная ритмика текста, гибкая фразировка музыки. Хоровая миниатюра написана в простой трехчастной форме. В ее первой части ведущую роль играют гармония и ритм. Композитор обращается к джазовой манере изложения в стиле свинг, отличающимся волнообразным движением, которое создается на контрасте бита, в результате которого возникает впечатление так называемой “раскачки” [5]. В данном хоре свинг проявляется через применение синкопы на вторую долю в трехдольном размере (а-сен-НЯЙ, ча-сі-НАЙ, і хут-КА), а также динамичность штрихов.

Средняя часть хоровой миниатюры совпадает с третьей строфой поэтического текста и начинается со слов “І досвіткам жураўліным, кранутым чароўным пухам...”. Выразительными элементами в музыке являются двухтактовые фразы, которые развиваются путем секвенцирования; ритмодекламации, чередующейся с широкой мелодикой; задержаний в моментах тональных отклонений тоникодоминантового соотношения. В сокращенной репризе возвращается первоначальный темп. Заключительная фраза звучит в тональности D-dur, подготавливаемой наступлением следующей поры года – зимы. В анализируемом хоре композитору удалось достичь полного взаимопроникновения музыки и поэзии, с редкой деликатностью и вкусом тонко отобразить зависимость настроения человека от природных явлений. Текст и музыка синкретически способствуют выражению идейного замысла авторов благодаря прямой связи музыкального образа с поэтическим содержанием.

Хоровая миниатюра “Першы снег” завершает сюиту неторопливым повествованием, элегически-мечтательным настроением, светлой и умиротворенной атмосферой зимней природы. В стихотворении используется своего рода игра слов: трижды повторяется слово “хмарами”, а в четвертый раз заменяется термином “марами”, символизирующим, возможно, несбывшуюся мечту человека. Художественные концепции, закрепившиеся за зимой как порой года, весьма разнообразны. Если, например, у Шуберта в вокальном цикле “Зимний путь” это крайняя степень пессимизма, то у В. Каризны зима ассоциируется с осмыслением прожитой жизни, что подтверждается последними стихотворными строками данной миниатюры: “Поле наша вячыстае ў асколках зарніц”. Музыкальное воплощение поэтической мысли представлено в сквозной форме, в которой сохранена метроритмика стиха, норма просодии. Музыкальная фразировка подчинена поэтической. Примечательной является идентичность словесного текста музыкальному, продублированному в хоровой партии сопрано. Мелодическая канва близка песенному жанру благодаря плавному

покачиванию, обусловленному трехдольным размером 6/8. Лирическое звучание темы при статичном ее сопровождении способствует созданию широкого спектра различных оттенков настроения – от мечтательности до светлой грусти.

Текстовая и музыкальная фабулы развертываются параллельно. При эпизодической синхронности компонентов целое выстраивается по принципу их взаимодополнения, в результате чего становится гармоничным в раскрытии главной идеи произведения – светлой грусти по прекрасному прошлому. Это эмотивное состояние явно превалирует в заключительном хоре цикла. Глубинные качественные отличия финальной части придают ей приоритетное место в произведении. “Першы снег” подобно магниту притягивает и подчиняет себе предыдущие образы, становясь обобщением многочастного целого. А именно, неспешным размышлением о многогранной жизни человека.

Заключение

Адаптация алгоритма художественного анализа хорового произведения к циклу В. Каризны “Жураўліны досвітак” свидетельствует об очевидности результирующей его сущности, выражающейся в поэтапной и обобщающей фиксации развития целостного музыкально-синтетического сочинения как носителя смысла. Такая позиция критика не преследуется целью детального пересказа авторского текста и не ограничивается теоретическим анализом мелодических, гармонических, фактурных, композиционных средств музыкальной выразительности. В процессе художественного анализа дифференцированному рассмотрению подлежат, прежде всего, концептуальные компоненты произведения как опорные характеристические особенности сложно устроенного целостного образа.

Хоровой цикл “Жураўліны досвітак” В. Каризны является синтетическим произведением, драматургическая идея которого рассредоточена среди всех хоров цикла и воплощается в процессе интеграции поэтического и музыкально-стилистического источников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Марисова, И.** Статьи и воспоминания, материалы / И. Марисова, А. Юрлов. – М. : Сов. комп., 1983. – 200 с.
2. **Птица, К.** Мастера хорового искусства в Московской консерватории / К. Птица. – М. : Музыка, 1970. – 120 с.
3. **Живов, В. Л.** Исполнительский анализ хорового произведения / В. Л. Живов. – М. : Музыка, 1987. – С. 95.
4. **Казанцева, Л. П.** Анализ художественного содержания вокального и хорового

вого произведения : учеб. пособие / Л.П.Казанцева.–Астрахань:Волга,2011.– С. 7–8.

5. **Чуфаров, Д.** Его величество свинг / Д. Чуфаров // [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://study-music.ru/ego-velichestvo-sving/>. – Дата доступа: 27.03.2014.

Поступила в редакцию 25.08.2014 г.
Контакты: bronislav.goleshevich@mail.ru
(Голомбовская Марта Юрьевна)

Golombovskaya M.Y. ARTISTIC ANALYSIS OF FOUR CHORAL RECITATIONS FROM "ZHURAUliny DOSVITAK" A CAPPELLA BY VLADIMIR KARIZNA.

The article reveals the essence of the content of a work of art exemplified by means of "Zhurauliny Dosvitak", a cycle for chorus a capella produced by the modern Belarusian composer V. Karizna. A person who is involved in the musical and pedagogical activities constantly raises the question what the artistic world of a piece of music is. This problem is acute in a synthetic-verbal piece of music. The article offers the scientific and methodological materials providing the answer to this question.

Key words: music study, musicological, artistic, pedagogic, aesthetic, technological, moral, comparative.

УДК 655.1(470+571):502 "18/20"

**РОССИЙСКОЕ КНИГОИЗДАНИЕ
ПО ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ
В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.**

Н. И. Шишкина

кандидат филологических наук, доцент,

Белорусский государственный технологический университет

В предлагаемой публикации впервые предпринимается попытка дать целостное исследование российского книгоиздания по экологической проблематике в XVIII – начале XX в. Отраслевое книгоиздание представлено как социально-историческое явление, эволюция которого непрерывно связана с преобразованием сфер общественной деятельности. Издательский репертуар проанализирован с таких позиций категорий книговедения, как тематический спектр, видовое разнообразие, территориальное распределение рассматриваемых изданий, а также распределение выпуска по издающим организациям. Приводимые нами материалы обладают научной новизной, вводят в научный оборот неизвестные ранее факты и, как нам представляется, могут послужить толчком к становлению нового тематического направления книговедческих исследований, а именно отраслевого книгоиздания.

Ключевые слова: книгоиздание, издательский ассортимент, видовое разнообразие, тираж, объем выпуска, издающие организации, тенденции отраслевого выпуска.

Введение

Изучение процесса становления и истории развития современного экологического книгоиздания приобретает все большую значимость и актуальность в связи с возросшими экологическими проблемами во всем мире. Все более глубокое осознание актуальности и важности теории и практики экологической деятельности породило в последнее время весьма широкий поток соответствующей литературы, различной по тематике и читательскому назначению. Жесткая спрессованность этого потока во времени, отсутствие ретроспективной библиографической информации привели к распространённому представлению о том, что литература экологической проблематики появилась как бы у нас на глазах. Однако это мнение ошибочно.

История возникновения и развития экологического книгоиздательства никем ранее не изучалась и не нашла отражения в современной книговедческой науке. Нет специальных исследований, посвященных развитию экологической книги и книгоиздательства, отсутствуют точные данные о масштабах выпуска экологической литературы, не определена ее тематическая структура в ретроспективе, не выявлены издающие организации, осуществлявшие

издание отраслевой книги. Отсутствие комплексного исследования специфики выпуска книжных изданий по экологической проблематике порождает различное толкование понятия "экологическая книга", и как следствие – наличие разных подходов в осмыслении ее читательского предназначения и социальной роли.

Цель данной статьи – дать целостное представление о российском книгоиздании по экологической проблематике. Объектом нашего исследования является отраслевое книгоиздание в период XVIII – начала XX в., а его предметом выступают особенности развития издательского репертуара рассматриваемой литературы. Данные этого хронологического периода являются частью общего исследования экологического книгоиздания. Нами были использованы следующие методы: историко-книговедческий, позволивший рассматривать историю экологической книги в связи с особенностями социального и культурного развития общества; типолого-книговедческий, давший возможность определить социальную роль экологической книги через ее функциональные и тематические особенности; статистико-библиографический, с помощью которого проанализирована динамика выпуска литературы.

Основная часть

Современная отрасль знаний "экология" сложилась в результате длительного исторического процесса. Ее состояние всегда определялось степенью развития общества, социально-экономическим строем, достижениями техники и производства, общим уровнем культуры. Линия развития экологического книжного репертуара в рассматриваемом периоде определялась этапами развития экологии как науки. При этом необходимо подчеркнуть, что экологические знания начали развиваться в Европе, а свое достойное место в научной деятельности русских ученых заняли лишь в конце XVIII – начале XIX в.

В начале XVIII в. в жизни Российского государства происходили коренные изменения, вызванные развитием производственных сил. Закладывались основы промышленности, развивалась внутренняя и внешняя торговля, организовывались регулярная национальная армия и флот, укреплялись экономические и культурные связи России со странами Запада и Востока. Быстрое экономическое и политическое развитие сопровождалось быстрым ростом национальной культуры, науки и просвещения.

Порывая с религиозными традициями прошлого, новая русская культура приобретает ярко выраженный светский характер. Создавались научные и просветительные учреждения, содействующие развитию русской науки. Издательское дело в XVIII в. получило широкий размах. До сих пор оно служило преимущественно

нуждам церкви. С приходом к власти Петра I стали открываться новые типографии и преобразовываться уже существующие, которые коренным образом изменили тематический репертуар выпуска изданий. Если до XVIII в. книги по естествознанию и, в частности, экологические печатались только в странах Европы, то с открытием в 1724 г. Российской Академии наук, а при ней в 1728 г. типографии Россия заняла одно из ведущих мест по выпуску научных трудов.

По замыслу Петра I Академия наук должна была не только науки "производить", но и "оние распространять" [1]. В числе этих "оних" были и науки по естествознанию (к ним мы условно причисляем и экологические). Причем их развитие диктовалось условиями политики, реализуемой в стране. Русскими учеными при финансовой поддержке правительства было реализовано большое количество экспедиционных исследований для описания, изучения и систематизации флоры и фауны России, которые носили определенный экологический оттенок. Результатами этих экспедиций явились труды профессоров Академии наук С.П. Крашенинникова, И.И. Лепехина, П.С. Паласса, Г.Ф. Миллера и доктора медицинских наук С.Г. Гмелина, изданные в академической типографии в Санкт-Петербурге. Помимо печатания научных книг академическая типография издавала и официальную литературу – законодательные документы (указы, регламенты, уставы) природоохранного характера.

Помимо типографии при Академии наук в Санкт-Петербурге выпуском сочинений экологической тематики занималась и университетская типография в Москве. Так, в 1784 г. вышло из печати сочинение английского ученого У. Дерэма "Физико-теология" (объемом 489 стр.) в переводе на русский язык, которое там же в 1797 г. и было переиздано.

В связи с широкой сетью общеобразовательных и специальных школ, открывшихся в первой половине XVIII в., появилась очень большая потребность в учебниках. Профессор Академии наук В.Ф. Зуев написал учебник "Начертания естественной истории", изданный в Санкт-Петербурге (типография Брейткопфа) для "народных училищ Российской империи" в 1786 г., тиражом 3000 экз., объемом 460 стр. Эту книгу многие ученые относят к изданиям по экологии начального периода ее развития [2]. Учебник долгое время был весьма популярен и переиздавался два раза в XVIII в. (тип. Брейткопфа, 1789 г., тип. Вильковского, 1794 г.) и три раза в XIX в.

Тематика выпущенных книг говорит о быстрых темпах развития новой научной дисциплины, которой является экология. Многократные переиздания трудов русских ученых ярко свидетельствуют о повышенном и неуга-

сающем интересе к русской флоре и фауне, а следовательно к экологическим наблюдениям.

Необходимо подчеркнуть, что для сочинений рассматриваемого периода характерно то, что экологическим исследованиям и обобщениям в опубликованных книгах были посвящены лишь отдельные разделы, "чисто экологических" трудов в то время еще не существовало.

С типологической точки зрения все книги экологической тематики, изданные в XVIII в. – научные, научно-популярные, учебные и официальные.

К началу XIX в. приурочены исключительно важные этапы формирования современной науки экологии – завершение ее предистории, создание теоретических основ, формулировка понятий и определений экологии как самостоятельной теоретической дисциплины в рамках биологии, уточнение круга объектов экологического изучения в целях решения некоторых вопросов практики. Эти исторические для науки события непрерывно связаны прежде всего с именами выдающихся русских и зарубежных ученых и их научными сочинениями – Ч. Дарвина "Происхождение видов благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь" (СПб., 1864 г.), Э. Геккеля "Всеобщая морфология организмов" (СПб., 1878 г.), К.Ф. Рулье "О влиянии наружных условий на жизнь животных" (М., 1845 г.), Н.А. Северцова "Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии" (М., 1855 г.), В.В. Докучаева "К изучению о зонах природы" (СПб., 1899 г.), Э.А. Эверсманна "Введение в лепидоптерологию России" (Казань., 1854 г.), А.Ф. Миддендорфа "Путешествие на север и восток Сибири" (СПб., 1860 г.).

Уже к середине XIX в. стал ощущаться не только качественный, но и количественный рост исследований животного и растительного миров. Если ранее мы вынуждены были ограничиваться упоминанием лишь отдельных конкретных работ, то в рассматриваемом периоде количество их так возросло, и достигло такого методического и теоретического уровня, что позволило перейти к созданию статистического обзора литературы экологической тематики.

Наибольшее количество экологических книг выпускалось в Санкт-Петербурге (34 наим.), Москва занимает второе место (16 наим.), Казань – третье (5 наим.). Названные города выбраны в силу наибольших показателей в отраслевом выпуске, во всех других издающих городах (Оренбурге, Ташкенте) издавалось всего пара наименований. И это не случайно, так как центрами развития экологических знаний являлись биологические факультеты Московского и Казанского университетов, а также Академия наук в Санкт-Петербурге.

Отечественные научно-просветительные учреждения выполняли не только педагогиче-

ские функции, но и научно-исследовательские. Академики и профессора обязаны были заниматься не только науками, но и следить за научной литературой, составлять сводки (“экстракты”) научных достижений по своей специальности, проверять правильность открытий [3]. Если учесть, что русские экологи внесли определяющий вклад в накопление знаний прикладного практического характера, а развитие теории экологии до конца XIX в. определялось главным образом трудами зарубежных ученых, то важно отметить, что переиздание на русский язык теоретических сочинений зарубежных ученых осуществлялось практически одновременно с изданием оригинала.

Книги экологического содержания издавались как в государственных, так и в частных типографиях практически в равном соотношении. Типографии Казанского, Московского университетов и Академии наук в Санкт-Петербурге занимались преимущественно выпуском научных трудов и учебного материала своих профессоров и академиков – Э.А. Эверсмана, К.Ф. Рулье, А.Ф. Миддендорфа, В.В. Докучаева и др. Наиболее крупными частными издателями, которые публиковали рассматриваемую литературу были Н.Л. Тиблен, М.О. Вольф, Н.П. Глазунов, А.Ф. Девриен. На их долю приходится максимальное количество выпуска переводной литературы.

К концу XIX в. термин “экология” укрепил и дифференцировал свои позиции в биологическом лексиконе и приобрел все большее признание в кругах ученых. Экология получила распространение в ботанике, зоологии и природоведческих науках, впервые рассматривались проблемы влияния человека на изменения физико-географических условий природы (Г. Марш, СПб, 1866 г.). Таким образом, тематику выпущенных экологических книг условно можно представить следующим образом: зоология (26 наим.), ботаника (10 наим.), природоведение (6 наим.), общие труды (12 наим.), человек и природа (1 наим.).

С типологической точки зрения все экологические книги, которые “выходили в свет” в XIX в. – учебные, практические (производственные) научные и научно-популярные (хотя популярная литература не отделена резко от научной и провести грань между ними не всегда возможно). Издания по экологической проблематике в большинстве случаев не обладают типологической чистотой, и поэтому их типизация в отдельных случаях носит несколько условный характер.

Научная литература представлена отчетами соответствующих организаций, учебная – пособиями по лесному, водному и пушному хозяйству, практическая – в основном изданиями, посвященными очистке промышленных вод. Своеобразной разновидностью научно-по-

пулярных изданий являлись публичные выступления профессоров Российских университетов. Например, речь Я.А. Борзенкова, произнесенная на торжественном собрании Московского императорского университета 12 января 1881 г. “Исторический очерк направлений, существовавших в зоологических науках в XIX столетии” и программная речь профессора Казанского университета (1839 г.) “О пользе наук естественных, и в особенности зоологии” и др. Речи профессоров обычно сразу же печатались в университетских типографиях и распространялись. Причем, тема речей и их содержание, как правило, не были связаны с официальным поводом их произнесения.

Начало XX в. отмечено продолжением исследований в области экологии растений и животных. В дореволюционной России развивались главным образом прикладные направления экологии животных. Были организованы научные школы по охотоведению и промысловой добычи животных, созданные при Департаменте земледелия. Они осуществляли важные экспедиционные исследования на территории страны и разрабатывали проекты организации заповедников. Один из них – Баргузинский – существует и поныне. Известный ученый-охотовед Н.В. Туркин произвел статистический анализ охотничьих и промысловых зверей России и опубликовал этот обзор в своей книге “Звери России” (Т. 1, вып. 1. М., 1902). Ежегодно продолжают публиковаться труды многочисленных обществ естествоиспытателей и любителей природы. Их тематика весьма обширна. Это научные статьи теоретического характера, отчеты экспедиционных исследований, практические рекомендации к деятельности зоологических трудов, научно-популярные беседы о заповедной флоре и фауне страны.

Опубликованная в России сводка немецкого ученого Варминга “Ойкологическая география растений. Введение в изучение растительных сообществ” (М., 1901) дала толчок развитию ботанической экологии. Однако официальное признание в качестве самостоятельной отрасли ботаники экология растений получила лишь в 1910 г. на III Всемирном ботаническом конгрессе [4]. В начале XX в. особенно детально изучалось воздействие на растения различных факторов окружающей среды. При этом сначала преобладали лишь наблюдения, а затем появились эксперименты в природной обстановке (в основном в ботанических садах), публикация результатов которых имеет место в издательском репертуаре рассматриваемого периода.

Отдельно хотелось бы отметить книжные издания под общей тематикой – проблема охраны природы. Из литературы данной тематической линии, считаем нужным, выделить первое в своем роде издание – брошюру И.П. Бородина “Охрана памятников природы”

(Спб., 1910 г.). Все содержание данного издания проникнуто тревогой за судьбу природы, разрушаемой деятельностью человека. Охрану памятников природы русский ученый считал нравственным долгом перед родиной, человечеством и наукой. В 1911 г. в Петербурге вышло второе издание этой брошюры с небольшими дополнениями. Они в основном касались принятых в России природоохранных мероприятий. С этой точки зрения рассматривалась деятельность Рижского общества естествоиспытателей и Московского общества испытателей природы.

Большой интерес представляет издательская деятельность Харьковского общества любителей природы. Оно было организовано в 1911 г. и объединяло около 200 человек. Председателем Общества был избран В.И. Талиев, впоследствии крупный ученый, профессор, автор ряда учебников. По инициативе В.И. Талиева в 1913 г. Общество основало первую в России серию книг природоохранной тематики под названием "Охраняйте природу". Нами было выявлено семь ее выпусков: 1) Талиев В.И. "Охраняйте природу!" (1913 г.); 2) Филиппин И.С. "Общественная охрана полезных птиц" (1913 г.); 3) "Выставка охраны природы Харьковского Общества любителей природы" (1913 г.); 4) Шингарев Н.К. "К вопросу о хищническом истреблении рыбы и законодательной охране рыбных богатств наших рек" (1913 г.); 5) Шарлеман Э.В. "Бобр. Очерк его прежнего и современного распространения" (1914 г.); 6) Талиев В.И. "Святые горы Харьковской губернии как памятник природы" (1914 г.); 7) Брызгалин Г. "Зимняя подкормка полезных птиц" (1915 г.). Книжные брошюры представленной серии отличались всесторонним, комплексным подходом к исследуемой экологической проблематике.

В целом Харьковское общество любителей природы было важным издательским центром по выпуску природоохранной литературы. В этом смысле оно представляло собой уникальное явление в издательской жизни дореволюционной России.

В связи с интенсивным строительством городов, увеличением населения появляется необходимость в специальной литературе о санитарных системах в строительном деле. В издательском ассортименте появляется раздел "Водопроводные и канализационные работы" (Библиографический ежегодник), где присутствуют издания о строительстве санитарной техники и о способах очистки городских, хозяйственно-бытовых сточных вод, а также об условиях их спуска в естественные водные источники. Эпидемия холеры 1908–1909 г. в Петербурге, которая была вызвана неудовлетворительной очисткой невольской воды, усилила интерес к этой проблеме. Появились работы,

представляющие собой попытку систематизации современных сведений в данной области.

В России исследованиями, связанными с биологической очисткой сточных вод, занимались два учреждения: Институт экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге и Опытная станция по исследованию метода биологической очистки на полях орошения канализации г. Москвы. Они выпускали научные труды и отчеты о своих работах.

Из выше сказанного видно, что экология как комплексная наука продолжает развиваться и дифференцировать свои знания. "Экологические вопросы" теперь рассматриваются глубже, все большее значение приобретает прикладной характер проблем. А это значит, что и тематика книг экологического содержания расширяется.

В начале XX в. выпуск книг экологической проблематики хотя неравномерно, но растет. Если в XIX в. в среднем издавалось по 0,57 наименований в год, то за период 1901–1915 г. было выпущено усреднено по 3,2 наименования.

В анализируемый период выпуск книг экологической тематики обусловлен в основном изданием научной литературы 52%. Учебная литература представлена во всех тематических разделах, а этот факт дает нам возможность утверждать, что вопросы связанные с экологическими проблемами рассматриваются уже не только учеными, но и приобретают статус учебных дисциплин. Группу книг тематики "Водопроводные и канализационные работы" составляют справочники, руководства и учебные пособия для специалистов-строителей, а также научные разработки в области охраны естественных водоемов от загрязнений городскими сточными водами. Выпуск видовой разнообразия литературы этой тематики вызван ее актуальностью. Впервые в июле 1898 г. в Москве началась эксплуатация централизованной канализационной системы, обслуживавшей около 16 тыс. человек. К 1905 г. эта сеть обеспечивала отвод хозяйственно-бытовых городских сточных вод уже у 425 тыс. человек, а к 1911 – у 661 тыс. человек [5]. Для ее быстрого строительства и правильной эксплуатации требовалась узко специализированная тематическая литература.

В начале XX в. выпуск книг экологического содержания был сосредоточен в основном в Москве и Санкт-Петербурге (62,5%). Как отмечалось выше, именно здесь находились научные и учебные организации, ученые которых работали в области "экологии" (в первую очередь имеется в виду экология растений и животных). В рассматриваемый период времени наблюдается резкий рост населения в названных городах. Если в Санкт-Петербурге в 1857 г. число жителей составляло 47 226 человек, то в 1890 г. – 1 млн человек, а в 1915 г. уже

2,3 млн человек [6]. В Москве с 1882 по 1912 гг. население удвоилось, а за последнее пятилетие данного периода прирост составлял 4%, т. е. 50 тыс. человек [7]. И здесь наиболее остро стал вопрос сбора, отвода и очистки сточных вод. А значит, литература данной тематики издавалась в этих городах и для этих городов. В таких городах как Киев, Харьков и др. книжный выпуск определялся, как правило, изданием научных трудов "Обществ естествоиспытателей и любителей природы".

После проведенного анализа нами было выделено три издательские группы: государственные, ведомственные и частные издательства. Ведомственные издательства (издательства министерств, ведомств городских коммунальных служб, а также различных общественных организаций) лидируют по выпуску книжной продукции – 56%, второе место занимают частные издательства (издательства А.А. Николаева, Риккера, А.Ф. Девриена) – 25% и третье – государственные издательства (Наука и жизнь, Вестник знания, Научная мысль, а также издательства учебных заведений) – 19%. Необходимо отметить, что государственные и частные издательства выпускали как правило книги больших объемов (в среднем 230-245 стр.), а ведомственные издательства малообъемную литературу (в среднем 63 стр.).

Во второй половине XIX – начале XX в. в России в результате социально-экономического и технического развития страны возникла опасность нарушения экологического равновесия. В связи с этим передовые русские ученые и специалисты начали вести работу в области экологической проблематики. Важнейшим направлением деятельности являлась пропаганда природоохранных мер в печати. А в комплексе мероприятий, призванных обеспечить решение теоретических и практических проблем экологии не последнее место принадлежало экологической книге.

Заключение

В XVIII в. происходили коренные изменения в политике Российской империи, сопровождающиеся быстрым ростом национальной культуры, науки (в частности естествознание, к которому причисляли и экологию) и просвещения. Получили широкий размах издательское дело, укрепляется полиграфическая база. В прогрессивных и научных слоях общества возникла потребность в книгах и учебниках, содержащих экологические данные (сведения о природе, флоре и фауне) родного края. В этой связи типографиями Академии наук в Санкт-Петербурге и Московского университета издавались и переиздавались труды русских ученых и переводные сочинения зарубежных теоретиков.

Период XIX в. характеризовался дальнейшим увеличением выпуска изданий экологи-

ческой тематики. Уже к середине рассматриваемого периода стал ощущаться не только качественный, но и количественный рост исследований в области экологии. Если ранее речь шла лишь об отдельных конкретных работах отечественных и зарубежных ученых, то во второй половине XIX в. количество их так возросло и достигло такого методического и теоретического уровня, что позволило перейти к созданию вторичных обзоров экологической литературы. Отраслевые книги издавались в основном в Санкт-Петербурге и Москве в государственных и частных типографиях (практически поровну). Наиболее крупными частными издателями были Н.Л. Тиблин, М.О. Вольф, Н.П. Глазунов, А.Ф. Девриен. На их долю приходилось максимальное количество выпуска переводной литературы. Тематика изданных книг говорила о распространении экологических идей в ботанике, зоологии и прикладных науках, впервые рассматривались проблемы влияния человека на изменение условий природы.

С точки зрения видового разнообразия все экологические книги, которые выходили в свет в XIX в. – учебные, практические (производственные) научные и научно-популярные (хотя популярная литература не отделена резко от научной и провести грань между ними не всегда возможно).

К концу XIX в. ученые накопили массу убедительных фактов и пришли к многим теоретическим и практическим обобщениям в области экологии. Но подлинного расцвета эта наука достигла в XX в.

В начале XX в. экология как комплексная наука продолжала развиваться и дифференцировать свои знания. "Экологические вопросы" теперь рассматривались глубже, все большее значение приобрел прикладной характер проблем. Тематика книг экологического содержания расширялась, в издательском ассортименте появился новый раздел, где присутствовали издания о строительстве санитарной техники и о способах очистки городских, хозяйственно-бытовых сточных вод, а также об условиях их спуска в естественные водные источники.

Выпуск книг экологической тематики в начале XX в. хотя неравномерно, но рос. Он был обусловлен в основном изданием научной литературы. Учебная книга теперь представлялась во всех тематических разделах, а это значит, что вопросы, связанные с экологическими проблемами, рассматривались уже не только учеными, но и приобретали статус учебных дисциплин. Также имели место справочная и практическая книги.

Лидерство в издании литературы экологической тематики сохранялось за такими городами как, Санкт-Петербург и Москва. Она выпускалась в ведомственных, частных и государственных издательствах. Причем больше

всего литературы рассматриваемой тематики выходило в первой издательской группе.

Отраслевая литература отражала актуальные, жизненные потребности страны в период быстрого научно-технического прогресса, отличалась остротой и научной обоснованностью постановки вопросов, видовым и тематическим разнообразием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века 1725–1800 гг. – М. : Из-во “Книга”, 1966. – Т. 1. – 436 с.
2. **Новиков, Г. А.** Очерки истории экологии животных / Г. А. Новиков. – Л. : Наука, 1980. – 278 с.
3. История Академии наук СССР. – М.-Л., 1958. – Т. 1. – С. 32–34, 36.
4. **Грин, М. Ф.** Проблемы преобразования природы и задачи географии / М. Ф. Грин // Природа и общество. – М., 1968. – С. 124.
5. **Громбах, С. М.** Материалы к истории санитарного просвещения в России в 18-м веке / С. М. Громбах. – М. : Ин-т санит. просв., 1951. – 80 с.
6. **Динерштейн, Е. А.** Российское книгоиздание (конец XVIII – XX вв.) / Е. А. Динерштейн. – М. : Наука, 2004. – 528 с.

7. **Динерштейн, Е. А.** Становление национального книгоиздания в Советской России (1917–1922 гг.) / Е. А. Динерштейн // Книга. Исследование и материалы. – М. : Книга, 1974.

Поступила в редакцию 02.04.2015 г.
 Контакты: shishkina@mail.ru
 (Шишкина Надежда Игоревна)

Shishkina N.I. RUSSIAN BOOK PUBLISHING INDUSTRY COVERING ECOLOGICAL ISSUES IN THE XVIII – EARLY XX CENTURY.

For the first time the author of the article attempts to provide a complete research of the Russian publishing industry covering environmental problems in the XVIII – early XX century. The branch-wise industry is viewed as a social and historical phenomenon and its evolution is constantly connected with the changes in the social sphere. The range of published materials takes into account their themes, genres, territorial allocation, copy distribution by publishing houses. The materials provided are characterized by novelty, introduce new data and seem to initiate a new thematic trend in book research, for instance, in branch-wise publishing.

Key words: publishing, publishing range, genre diversity, circulation, production volume, publishing houses, branch-wise trends.

УДК 811.161.3'36

УМОВЫ ДЭСЕМАНТЫЗАЦЫІ
(на матэрыяле літаратурна-мастацкіх твораў
У. Караткевіча)

Я. В. Вялічка
аспірант,
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова

Артыкул прысвечаны ўмовам дэсемантызацыі. Дэсемантызацыя праяўляецца менавіта ў кантэксце, у якім яна надае словам новае значэнне. Можна вылучыць дзве групы умоў: інтралінгвістычныя і экстралінгвістычныя. Да інтралінгвістычных умоў дэсемантызацыі варты аднесці пашырэнне семантыкі слова і змяненне значэння слова на супрацьлеглае. Экстралінгвістычныя ўмовы дэсемантызацыі могуць быць прадстаўлены здольнасцю дэсемантызаванага слова актуалізаваць увагу рэцыпіента на выказванні, а таксама магчымаасцю моўнай адзінкі выступаць паказчыкам як агульнай культуры чалавека, так і культуры яго маўлення.

Ключавыя словы: дэсемантызацыя, словы-“паразіты”, хезітатывы, словы-“губкі”, дыскурсівы, транссемантызацыя, актуалізатары.

Уводзіны

Дэсемантызацыя ўспрымаецца як лінгвістычная з’ява, у працэсе якой адбываецца не толькі страта словам свайго лексічнага значэння (часткова або цалкам), але таксама і набываецца новых значэнняў. Словы-“паразіты” [1] і хезітатывы [2] страчаюць лексічнае значэнне, словы-“губкі” [3] набываюць новыя значэнні ў кантэксце, а дыскурсівам [4] уласціва і набываецца новых значэнняў, і страта кампанентаў лексічнага значэння. Трэба адзначыць, што дэсемантызацыя праяўляецца менавіта ў кантэксце, у якім яна і надае словам новы сэнс, прычым гэты новы сэнс звязаны не столькі з семантычным полем слова, колькі з яго тэкстаўтваральнай функцыяй. У стылізаваным гутарковым маўленні дэсемантызацыя адыгрывае значную ролю, бо менавіта дэсемантызаваныя элементы дапамагаюць аўтару зрабіць маўленне сваіх персанажаў жывым, даступным, праўдзівым, а тэкст твора цэласным і адзіным. У літаратурна-мастацкіх творах У. Караткевіча дэсемантызаваныя элементы з’яўляюцца выразным сродкам стылізацыі.

На думку І.Р. Гальперына, пад дэсемантызацыяй разумеецца рэдукцыя сэнсу – працэс, у выніку якога моўныя адзінкі пачынаюць часткова або цалкам губляць сваё значэнне [5]. У сваю чаргу А.В. Краўчанка лічыць, што “дэсемантызацыя з’яўляецца адным з асноўных семіятычных механізмаў спараджэння лінгвістычнага абсурду з прычыны таго, што абсурд прама супрацьпастаўлены рэгулярнай семантыцы

моўных адзінак. Дэсемантызацыя ўяўляецца як радавое паняцце; пад яго падпадаюць розныя моўныя феномены, якія аб’ядноўвае наяўнасць сэнсавых трансфармацый, што адбываюцца з рэгулярнымі значэннямі моўных адзінак у тэксце (або дыскурсе). Як паказвае моўны матэрыял, дэсемантызацыя можа прывесці як да поўнага разбурэння семантыкі слова-знака, так і больш-менш значных мадыфікацый яго сэнсу” [6, с. 115].

Для таго каб асэнсаваць саму з’яву дэсемантызацыі і выявіць інтэнсіўнасць яе ўплыву на лексічныя адзінкі, неабходна высветліць умовы, пры якіх слова можа страчваць або змяняць свой сэнс, г. зн. дэсемантызавацца.

Асноўная частка

Змены паняццяў цесна звязаны са зменамі ў эканамічным, сацыяльным, палітычным і культурным жыцці людзей. Пастаяннае развіццё чалавека цягне за сабой бесперапынны працэс утварэння новых прадметаў і паняццяў. Словы для іх называння альбо запазычваюцца з іншых моў, альбо бяруцца з матэрыялу, які ўжо існуе ў мове, і часта здараецца, што новыя значэнні апісваюцца старымі словамі.

Можна вылучыць дзве асноўныя групы умоў, якія ўплываюць на развіццё дэсемантызацыі: інтралінгвістычныя і экстралінгвістычныя, прычым названыя ўмовы часта маюць агульныя рысы і цесна ўзаемадзейнічаюць адна з адной.

Інтралінгвістычныя ўмовы непасрэдна звязаны з семантыкай слова, якая ўплывае на яго частае ўжыванне ў стылізаваным гутарковым маўленні, і забяспечваюцца пастаянным узаемадзеяннем і ўзаемазалежнасцю слоўнікавых адзінак у мове і маўленні. Асацыятыўныя сувязі, з’яўляючыся адлюстраваннем нашых паняццяў і ўяўленняў аб узаемадзеянні фактаў і з’яў прадметнага свету, складаныя і разнастайныя. Найбольш устойлівыя з іх тыя, якія ўвайшлі ў сацыяльны вопыт носбітаў мовы і прадвызначаюць з’яўленне другаснага ўжывання слоў. Яны грунтоўна на ўсталяванай нашай свядомасцю рэальнай ці выдуманай сувязі і агульнасці аб’ектаў навакольнага свету. Да інтралінгвістычных умоў можна аднесці пашырэнне семантыкі слова і змяненне значэння слова на супрацьлеглае.

Пашырэнне семантыкі слова прадумеджвае захаванне суадносін моўнай адзінкі з часцінай мовы, ад якой яна ўтварылася, з адначасовым з’яўленнем дадатковых адценняў значэння. Змяненне лексічнага значэння слова адбываецца таксама пры захаванні суадносін з часцінай мовы, ад якой паходзіць дэсемантызаваны элемент. Суадносіны з часцінай мовы захоўваюцца, але сэнс мяняецца. Змяненне лексічнага значэння прыводзіць да ўтварэння слоў-“губак” рэч, справа, штука, цаца.

– Сэрца, як я мяркую, табе без патрэбы, ласкавы пане, – легкадумна адказаў нежана-ты тады пан Аляхно.

– Аднак ты ж прынёс сваё да ног панны Любкі.

– Гэта зусім іншая рэч. Яна высокаяга роду. А нобілю сорамна браць за сябе халопку (У. Караткевіч. Сівая легенда).

Слова *рэч*, выступаючы ў прыведзеным прыкладзе словам-“губкай”, пашырае сваю семантыку. Слова-“губка” *рэч* называе падзеі ў жыцці персанажаў літаратурна-мастацкіх твораў У. Караткевіча. У прыкладзе ідзе маўленне пра шлюб, вяселле. Можна сказаць, што слова-“губка” *рэч* дазваляе скараціць каментарый адносна ўчынкі Кізгайлы. Звернемся да тлумачэння гэтага слова [7]: ‘факт, з’ява рэчаіснасці, справа’. У гэтым слове закладзены змест больш чым аднаго моўнага элемента.

Словы-“губкі”, з аднаго боку, дэсемантызуюцца, бо аказваюцца незапатрабаванымі некаторыя кампаненты іх лексічнага значэння. З іншага боку, кола значэнняў пашыраецца і практычна не мае мяжы. І кожнае са слоў-“губак” сітуацыйна набывае тое ці іншае канкрэтнае значэнне, якое часам супярэчыць зыходнай семантыцы гэтых слоў. Гаворка ідзе пра транссемантызацыю: страта семантыкі, з аднаго боку, і нарошчванне сэнсу – з другога [8].

Словы-“губкі” могуць уключацца ў сінанімічныя рады, не ўласцівыя пры ўжыванні слова з прамым значэннем:

– *Самае дзіўнае, што з усяго Бальманта нашы крытыкі ведаюць адзін толькі гэты радок. І жывуць гэтым капіталам да сівых валасоў.*

– *Не пра гэта справа ідзе, любы, – з паблажлівай пагардай сказаў Грабоўскі. – Можна, гэтага смешна, а я інстынктам не люблю гэтага чалавека. Ведаю – добры хлопец, ведаю – небагі паэт, ведаю – не ханжа. А не люблю таму, што ён у адносінах, скажам, да мяне, – белая варона. Мне ён быў патрэбен – вы ведаеце па якой справе. – конча патрэбен...* (У. Караткевіч. Лятучы Галандзец).

Слова-“губка” *справа* пашырае сваё значэнне, выходзіць за межы прамога значэння і ў дадзеным выпадку выступае ў якасці сінаніма такім словам, як размова, гутарка. Прычым далей у працытаваным прыкладзе слова *справа* выступае ўжо не ў якасці слова-“губкі” і нясе ў сабе сваё асноўнае значэнне. Таксама трэба адзначыць, што словы, якія выступаюць у якасці слоў-“губак”, маюць шмат пераносных значэнняў. У працытаваным прыкладзе слова-“губка” *справа* ўтварае сінанімічны рад: размова-гутарка-гаворка-бяседа-справа, прычым такое ўжыванне не зафіксавана слоўнікамі сінанімаў.

Яшчэ адной інтралінгвістычнай умовай дэсемантызацыі з’яўляецца **змяненне значэн-**

ня слова на супрацьлеглае, пацвярджэннем чаго можа стаць наступны прыклад:

– *Ну вас, – спалохаўся Яноўскі, – гэтак і да кастра нядоўга.*

– *Нічога, у нас цяпер цывілізацыя, зацны пане. Не паляць, а вешаюць... Зразумейце, што нават пачуцці не сведчаць пра бессмяротнасць душы. Пачуццяў няма, усё ад току крыві. Кінецца яна ў галаву – чалавек адчувае гнеў, кінецца яшчэ куды – іншы вынік. Так што глупства ўсё! Чалавек менавіта такая самая худаба, як свіння, і адрозніваецца ад яе толькі здатнасцю размаўляць, складаць вершы ды яшчэ тым, што ён бывае горшы за самую горшую свінню (У. Караткевіч. Цыганскі кароль).*

Згодна з “Тлумачальным слоўнікам беларускай мовы” *нічога* мае наступныя значэнні [7]: ‘у значэнні пабочнага слова неістотна, не мае значэння; абдызецца’. Дыскурсіў *нічога* пашырае сваю семантыку. Калі асноўнае значэнне адпавядае займенніку *нічога*, то ў працытаваным прыкладзе дыскурсіў набліжаецца да пабочнага слова са значэннем “*неістотна, не мае значэння, абдызецца*”, аднак пашырае і яго: з дапамогай дыскурсіва *нічога* персанаж супакойвае, дае надзею, адстойвае сваю пазіцыю. У дадзеным кантэксце дыскурсіў *нічога* мае супрацьлеглае значэнне ў параўнанні з асноўным значэннем слова.

Экстралінгвістычныя ўмовы дэсемантызацыі забяспечваюцца наяўнасцю пэўных ведаў аб свеце, устаноўкай і мэтамі камуніканта. Яны ўзнікаюць, як правіла, пры эмацыйнай узрушанасці камуніканта, з-за няўвагі суразмоўцаў, пры выказванні меркаванняў, ідэй гаворачага, а таксама сведчаць пра нізкі ўзровень маўленчай культуры, спантаннасць маўлення. Экстралінгвістычныя ўмовы ўплываюць на адбор маўленчых сродкаў, верагоднасць ужывання тых ці іншых лексем, граматычных форм і канструкцый у нейкай пэўнай сітуацыі зносін. Яны не маюць прамога дачынення да лінгвістыкі. Да экстралінгвістычных умоў варта аднесці здольнасць дэсемантызаванага слова актуалізаваць увагу рэцыпіента на выказванні, а таксама магчымасць моўнай адзінкі выступаць паказчыкам як агульнай культуры чалавека, так і культуры яго маўлення.

Здольнасць дэсемантызаванага слова актуалізаваць увагу рэцыпіента на выказванні праяўляецца ў тых сітуацыях, калі суб’яднік няўважлівы, а камунікант эмацыйна ўзбуджаны, г. зн. ужыванне дэсемантызаваных элементаў цалкам залежыць ад сітуацыі зносін. Канцэнтрацыя ўвагі звязана з дыскурсівамі, бо менавіта яны нярэдка выступаюць у функцыі актуалізатараў [9]:

– *Слухай, Раман, – усміхнуўся Аляхно, – можна пакінуць сытымі ваўкоў і цэлымі авечак. Бяры яе, на колькі спатрэбіцца. Ты ведаеш, я прыяцель твой і сусед і ніколі не запатра-*

бую яе назад. Мне вельмі не хочацца, каб ты ажаніўся з ёю.

– Не, – сказаў Раман (У. Караткевіч. Сівая легенда).

У ролі дыскурсіва выступае дзеяслоў *слухай* у форме загаднага ладу. Суразмоўцы вядуць дыялог. Відавочна, кожны з іх зацікаўлены ў атрыманні інфармацыі. У прыведзеным прыкладзе асноўная функцыя дыскурсіва *слухай* заключаецца не столькі ў тым, каб прыцягнуць увагу, колькі ў тым, каб зрабіць размову больш давяральнай. У гэтым выпадку сэнсавыя межы дзеяслова *слухай* пашыраюцца, а сам дыскурсіў дэсемантызуецца, страчваючы сваё асноўнае лексічнае значэнне і выконваючы пры гэтым важную стылістычную функцыю актуалізацыі, экспрэсіўнага вылучэння рэплікі. Хоць дыскурсіў *слухай* і не нясе камунікатыўнай значнасці, аднак дапамагае наладжанню кантакту і якаснай стылізацыі гутарковага маўлення. Згодна з “Тлумачальным слоўнікам беларускай мовы”, значэнне дзеяслова *слухаць* у загадным ладзе *слухай* (-це) наступнае [7]: ‘размоўнае слова. Ужываецца як зваротак у пачатку размовы для таго, каб прыцягнуць увагу’. Такім чынам, сувязь дыскурсіва *слухай* са значэннем дзеяслова як часціны мовы хоць і часткова, але страчана, бо дыскурсівы ў большай ступені рэалізуюць стылістычную функцыю. Рэбра адзначыць, што у прыведзеным прыкладзе рэалізуюцца і інтралінгвістычныя (пашырэнне семантыкі слова), і экстралінгвістычныя ўмовы: дыскурсівы ўжываюцца для дадатковай экспрэсіі, насмешкі, іроніі, рэалізацыі скрытага падтэксту, прачытання міжрадкавай інфармацыі, дапамагаюць уявіць сітуацыю.

Магчымасць моўнай адзінкі выступаць паказчыкам як агульнай культуры чалавека, так і культуры яго маўлення, выразна звязана са словамі-“паразітамі”, таму што менавіта яны часта сведчаць аб нізкім узроўні маўленчай культуры, аб адсутнасці адукацыі. Напрыклад, персанаж апавядання У. Караткевіча “Карней – мышыная смерць” – чалавек просты, без адукацыі, яркая ілюструе ўсю разнастайнасць дэсемантызаваных элементаў у сваім маўленні: больш за ўсё ў яго слоў-“паразітаў”, аднак ёсць і дыскурсівы, і словы-“губкі”, і хезітатывы, прычым усе яны набліжаюцца па функцыях менавіта да слоў-“паразітаў”, бо не нясуць у сабе амаль ніякага сэнсу:

Гэта былі гады яго залатога шчасця. Карміўся ён добра, нават папаўнеў. Янка, прыязджаючы на канікулы, часта хадзіў з Карнеем у кіно (ісці ўтраіх пацукалоў не згаджаўся, і сын пасля ішоў у кіно з маткай). Мне асабліва падабалася, што юнак не саромеецца гэтага чалавека, што яны пасля кіно разам п’юць па куфлю піва і адукаваны хлопец пацвіа слухае блытаныя фразы Карнея.

– *Бач ты, як ён яго... закруціў. А той яму на бульбе, значыцца, паказваў, як яно там... ваююць... А гэты, значыцца, вельмі прасіўся. А што ты думаеш, кожнаму стварэнню жыць хочацца. Вось яно, значыцца, і так. Але...*

Дыскурсіў *значыцца* ўжываецца персанажам вельмі часта і таму пераўтвараецца ў слова-“паразіт”, губляючы сваё асноўнае значэнне – падвядзенне выніку. Верагоднае тлумачэнне ўжывання лексічнай адзінкі *значыцца* ў кантэкстах – гэта імкненне да вобразнасці і яркасці маўлення. Слова *значыцца* выконвае ў маўленні камуніканта ілюстрацыйную функцыю. Персанаж літаратурна-мастацкага твора імкнецца да таго, каб зрабіць сваё маўленне пры наглядным, прыцягнуць увагу слухачоў. *Значыцца* – гэта і паказчык натуральных зносін, і лагічная звязка.

Заклучэнне

Семантычныя змены падпарадкоўваюцца лагічным і псіхалагічным законам думкі, у іншым выпадку значэнні змененых слоў ніколі не разумеліся б і не маглі б задаволіць мэтам камунікацыі. Менавіта ў семантычнай сферы мовы найбольш прыкметна адлюстроўваюцца тыя змены, якія адбываюцца ў жыцці грамадства. З’яўленне новых паняццяў, прадметаў абумоўлівае ўзнікненне новых слоў ці новых значэнняў у шэрагу слоў, многія з якіх становяцца здабыткам літаратурнай мовы. Разам з тым у мове адзначаюцца ўнутраныя працэсы, якімі вызначаецца знікненне некаторых асобных слоў (або іх значэнняў) і замена іх іншымі, а таксама набыццё словамі новых значэнняў. З гэтай прычыны істотным для вызначэння тэндэнцый развіцця семантычнай сістэмы мовы з’яўляецца і аналіз тых фактаў, якія адлюстроўваюць пэўныя зрухі ва ўжыванні і спалучальнасці слоў. Размежаванне моўных і пазамоўных умоў семантычных змяненняў надзвычай важна для асэнсавання характару змен у мове.

На ўзнікненне і развіццё дэсемантызацыі ўплываюць інтралінгвістычныя і экстралінгвістычныя ўмовы. Да інтралінгвістычных умоў варта аднесці наступныя: пашырэнне семантыкі слова, калі суадносіны моўнай адзінкі з часцінай мовы, ад якой яна ўтварылася, захоўваюцца (словы-“губкі”); змяненне значэння слова на супрацьлеглае, калі мяняюцца суадносіны з асноўным значэннем слова (дыскурсівы). Экстралінгвістычныя ўмовы дэсемантызацыі звязаны са здольнасцю дэсемантызаванага слова актуалізаваць увагу рэцыпіента на выказванні (дыскурсівы); магчымасць моўнай адзінкі выступаць паказчыкам як агульнай культуры чалавека, так і культуры яго маўлення (словы-“паразіты”, хезітатывы). Відавочна, што ўмовы ўзнікнення і функцыянавання дэсемантызаваных элементаў ва ўсёй

іх разнастайнасці шматпланавыя. Менавіта дадзеныя адзінкі экспрэсіўна афарбоўваюць стылізаванае гутарковае маўленне і робяць творы У. Караткевіча натуральнымі і ўнікальнымі. З дапамогай разглядаемых адзінак аўтар выражае думкі, пачуцці, адчуванні, перажыванні персанажаў, іх адносіны і стаўленне адзін да аднаго. Дэсемантызаваныя элементы, выконваючы характаралагічную функцыю, дапамагаюць сфарміраваць у свядомасці чытача максімальна поўны вобраз герояў літаратурна-мастацкіх твораў У. Караткевіча.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Дараган, Ю. В.** Функции слов-“паразитов” в русской спонтанной речи / Ю. В. Дараган // Труды Международного семинара “Диалог-2000” по компьютерной лингвистике и ее приложениям / Протвино, РГГУ, 2000. – Том 1 : Теоретические проблемы. – С. 67–73.
2. **Петрунина, С. П.** Информационный шум в устной спонтанной коммуникации: слова-паразиты / С. П. Петрунина // Вестн. ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (филология). – 2005. – № 3. – С. 101–106.
3. **Земская, Е. А.** Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – М. : Русский язык, 1979. – 240 с.
4. **Правицова, Л. В.** Дискурсные маркеры: современное состояние проблемы / Л. В. Правицова // Вестн. ПГЛУ. – 2000. – № 4. – С. 23–28.
5. **Гальперин, И. Р.** О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста / И. Р. Гальперин // Принципы и методы семантических исследований / И. Р. Гальперин. – М., 1976. – С. 267–290.
6. **Кравченко, О. В.** Десемантизация как семиотический механизм порождения лингвистического абсурда / О. В. Кравченко // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 2, Языковедение. – 2009. – № 2(10). – С. 114–118.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агульн. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа, 1977–1984. – 5 т.
8. **Толстой, Н. И.** Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии / Н. И. Толстой // Славянское языковедение : доклады советской делегации на VI Международном съезде славистов, Прага, август 1968 г. / АН СССР ; редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. – Москва, 1968. – С. 339–365.
9. **Прокуровская, Н. А.** Актуализаторы как средство выделения коммуникативных центров высказывания / Н. А. Прокуровская // Вопросы стилистики. – Саратов, 1982. – Вып. 18. – С. 155–159.

Паступіў у рэдакцыю 05.05.2016 г.
Контакты: tasks@rambler.ru
(Вялічка Яна Уладзіміраўна)

Velichko Y.V. CAUSES OF DESEMANTIZATION (based on the literary works of V. Korotkevich).

The article focuses on the conditions of desemantization. Desemantization occurs in the context when a word acquires a new meaning. Two groups of causes can be distinguished: linguistic and extralinguistic. The extension of semantics and change of word meaning to the contrary refer to the linguistic causes of desemantization. Extralinguistic causes of desemantization include the ability of desemantized words to draw the attention of the recipient to the statement, as well as the ability of a language unit to be an indicator of a person's general culture and the culture of a person's speech.

Key words: desemantization, extraneous words, pause makers (hesitatives), words-“sponges”, discursives, transsemantization, agents of actualization.

УДК 81'42:316.476]:7.097.351.855.3

ВЕРБАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА СОПЕРНИЧЕСТВА ФИНАЛИСТОВ ТЕЛЕИГРЫ “ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ 1”

О. А. Туркина

старший преподаватель,
Белорусский государственный университет

Тематический анализ дискурса конфронтации-соперничества дискурсов двух наиболее успешных соперников выявил то, какое наполнение тем становится победоносным в русскоязычной версии телеигры “Последний герой 1”. У победителя центром тематической актуализации становятся “другие” и “выигрыш/приз”, в то время как у проигравшего финалиста центральной становится тема “я”. Вербальный (или знаково-тематический) анализ подтвердил и дополнил доминирующее положение тем “я”, “другие” и “выигрыш” у исследуемых коммуникантов. Специфике вербализации дискурса конфронтации-соперничества финалистов телеигры и посвящена данная статья.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-категория, дискурс конфронтации-соперничества, дискурс-картина мира, соперники, победа, саморепрезентация, актуализировать, тематический анализ, знаково-тематический анализ.

Введение

Дискурс – это единица анализа. Анализ дискурса предполагает исследование тех категорий, которые репрезентируют дискурс в его функциональной данности. Ключевой дискурс-категорией в изучении дискурса конфронтации-соперничества (далее ДК/С) телеигры “Последний герой 1” стала дискурс-картина мира (далее ДКМ).

ДКМ является синтезированной категорией. В коммуникации каждый конструирует свой дискурс-мир, надеясь, что его репрезентация будет успешной и будет способствовать победе и выиграть основной приз. Победа в данной игре зависит от того, насколько дискурс-мир репрезентирован вербально, насколько нравится вербализованный тем или иным образом мир другого, а, значит, и сам человек, за которого должны голосовать все участники. Чем ближе, понятней дискурс-мир финалистов для всех участников игры, тем выше шансы финалиста на победу.

Важно отметить, что за финалистов голосует сообщество, уже ранее вышедшее из игры. У этого сообщества нет стремления проголосовать против кого-то, кто сильнее его, поскольку у выбывших участников нет опасения, что они могут в чем-то проиграть в результате своего выбора. Соответственно, в финале мы имеем своего рода “чистое” голосование: нравится или не нравится человек, нравится или не нравится его мир, – его ценности, отношение

к другим людям, а также то, как он вербализует свой мир относительно транслируемых ценностей – за это отдаются голоса.

Исследование дискурса соперничества с опорой на категорию ДКМ проводится впервые в каузально-генетическом подходе [1–3]. Термин ДКМ введен данным направлением и трактуется как система взаимодействия практической (референтной) и вербальной (знаково-референтной) деятельности. Референты в ней выступают как системно организованные (языковая репрезентация) и как оцененные коммуникантами (прагматическая репрезентация). Репрезентация есть маркированная тема в языковом знаке с учетом ее парадигматического и синтагматического развития. Таким образом, ДКМ репрезентирована четырьмя составляющими содержания [1, с. 8–9].

Для анализа собственно референтного содержания ДК/С был применен тематический анализ, процедура которого описана Г. Райаном и Р. Бернардом и который представляет собой фундаментальный метод качественного анализа [4]. Для анализа специфики вербализации тем мы использовали метод реконструкции знаково-тематического содержания с фокусом внимания на реконструкцию знаково-тематических полей дискурса [1, с. 199–213] (в отличие от методики анализа лексико-семантических полей с опорой на анализ словарной организации лексики).

Данные методики помогли описать ДКМ двух финалистов (победителя и проигравшего) и тем самым понять коммуникативную и культурологическую природу выигрыша в данном типе шоу.

Игра, предоставившая материал для нашего исследования, появилась на белорусском телевидении в русскоязычной версии под названием “Последний герой 1” 17 ноября 2000 г. и продолжалась до 31 декабря 2001 г. [5].

Мы реконструировали модели дискурс-миров победителя и побежденного в конфронтационном социальном контексте, которые отражают значимые категории их дискурса. Эти модели были оценены и одобрены русскоязычной аудиторией, и за них эта аудитория проголосовала.

1. Результат реконструкции референтного содержания

В результате данного исследования, целевой установкой которого стало стремление понять, а значит, реконструировать модель успешного коммуниканта в контексте дискурса соперничества, были выявлены следующие референтные блоки:

Блок “я” – репрезентация самого адресанта, характеристика и оценка его действий, качество, целей, ценностей.

Блок “другие” (как соперники-противники и/или как друзья-союзники) – репрезентация

участников, по отношению к которым адресант настроен либо враждебно, либо дружелюбно, либо нейтрально, характеристика и оценка их действий, качеств, целей, ценностей.

Блок “мы” – характеристика и оценка взаимодействия и взаимоотношений адресанта с “другими”.

Блок “деятельность по исключению соперников” – аргументация того, почему исключается данный соперник на данном этапе игры, актуализация и обоснование причин своего выбора.

Блок “выигрыш” – актуализация отношения к своей потенциально возможной победе.

Представленность тем данных референтных блоков у двух наиболее успешных в данной игре участников представлено в таблице.

Наличие тем в дискурсах финалистов и их ранжирование

Темы	Второй финалист	Первый финалист	Место темы
1. Участники как индивиды: “я”-репрезентация	+ (1)	+ (2)	1
2. Участники как индивиды: “другие”-репрезентация	+(2)	+ (1)	1
3. Участники в группах и коалициях (“мы”-репрезентация)	+ (4)	+ (4)	4
4. Деятельность на совете племени	+ (3)	+ (5)	3
5. Выигрыш/приз	+ (4)	+ (3)	2

Каждый из этих блоков имел свое развитие у каждого из игроков. В блоках 1, 2, 3, 5 развитие референтной информации с точки зрения количественной и качественной проработки обоими коммуникантами оказалось близким (разница на одну позицию), в то время как у блока 4 разница составила 2 пункта: проигравший ставит по значимости эту тему на 2 позиции выше, чем победитель. Делает он это за счет подкрепления темы, представленной блоком № 4, дополнительно саморепрезентацией.

На этом основании мы сделали вывод о том, что для финалистов ведущими стали темы “я” и “другие” с той разницей, что проигравший финалист выводит на первое место свое “я”, а на второе – “других”. Победитель же, наоборот, на первое место выводит “других”, а на второе – собственное “я”. Тема “мы” у обоих оказалась равно представленной количественно и качественно. Также тема «выигрыш» оказалась у обоих симметрично представленной с точки зрения структурно-иерархического развития. Однако инициатором этой темы выступил победитель, а проигравший всего лишь реагировал

на вопросы-стимулы первого, таким образом, оказавшись в развитии темы ведомым.

Данные выводы и стали основанием для изучения второй составляющей ДКМ – вербальной.

2. Результаты реконструкции вербального (знаково-референтного) содержания

Вербальная репрезентация каждой из тем в ходе их развития отличается по интенсивности и разветвленности. То есть одни темы получают множественную вербализацию, а, значит, отличаются разнообразием языковых единиц по сравнению с другими. Количественный показатель может быть просчитан с опорой и на объем занимаемого текстового пространства, и на *концентрацию* языковых единиц. Качественный показатель мы определили по типу знаковых единиц и их организации в знаково-тематические поля.

Знаково-тематические поля были разделены на более крупные группы – ориентированные на фактологичность и эмоциональность вербальной репрезентации, позволяя при этом выявить общую тенденцию в вербализации каждым из финалистов той или иной темы или ее направления.

- Фактологические маркеры представлены:
- а) самоидентификацией;
  - б) идентификацией;
  - в) временной характеристикой;
  - г) пространственной характеристикой;
  - д) количественной характеристикой;
  - е) дейктическими знаками;
  - ж) специальной (политической, спортивной) лексикой;
  - з) глаголами активного действия и состояния.

Эмоциональные маркеры целевой представлены:

- а) “ментальными” глаголами (характеризующими умственные и психоэмоциональные действия субъекта);
- б) вводными словами и фразами, актуализирующими отношение субъекта к тому, что он говорит (уверенность/неуверенность, чувства, источник сообщения);
- в) модальными глаголами (модальность желаний);
- г) собственно эмоционально окрашенной лексикой;
- д) метафорами;
- е) устойчивыми выражениями;
- ж) интертекстуальностью (субъективным принятием/неприятием чужого текста);
- з) просторечиями;
- и) глаголами с коннотацией оценки собственных действий.

Иерархически значимыми в знаковом отношении у обоих финалистов оказались значимые субъекты “я” (стал центром репрезента-

ции проигравшего) и “другие” (стали центром в репрезентации победителя), а также значимый объект “выигрыш” (актуализированный обоими коммуникантами). Наименьшую репрезентацию в знаке получила тема “мы” (у второго финалиста она заняла последнее место, у победителя – предпоследнее).

Отличными по характеру знаковой репрезентации у двух финалистов оказались субъект-ориентированная тема “другие” и тема “деятельность по исключению соперников”. Для победителя “другие” соперники получили интенсивное развитие в знаке (эта тема занимает второе место после “я”-репрезентации), а у его соперника, наоборот, тема “других” по своему воплощению в знаке уступает его “я”-репрезентации.

По-разному наши герои относятся к деятельности по исключению соперников: у победителя эта тема на последнем месте, а у проигравшего финалиста данный тип деятельности с точки зрения знаковой проработки оказалась одной из ведущих – заняла второе место после “я”-репрезентации.

Таким образом, общими ведущими позициями в вербализации дискурсов соперничества обоих финалистов оказались две – “я”-репрезентация и “выигрыш”. Выявление общих для обоих финалистов характеристик вербализации данных тем, а также выявление того, что их отличает, позволило определить то, как через языковой знак коммуникантами транслируется их видение данных референтов – с превашированием рационального, прагматического (актуализированного в фактологически-ориентированном языковом материале), либо эмоционального их осмысления в дискурс-мире.

Саморепрезентация. Оба субъекта целевой выборки идентифицируют себя индивидуально при помощи личного местоимения “я”. Также оба прибегают к идентификации себя обобщенно как части всего человеческого сообщества, и это получает свое знаковое воплощение в личном местоимении *ты*, либо в формах глаголов второго лица единственного числа (как у победителя), либо обобщенной идентификации, вербализированной существительным *человек* (как у второго финалиста). Так, оба финалиста осознают себя как индивидуально, так и частью всего человеческого сообщества.

Что же отличает саморепрезентацию исследуемых субъектов друг от друга?

Проигравший финалист очень фактологичен. Его “я” четко ориентировано во времени: “я” до игры, “я” в игре и “я” после игры, он позиционирует себя в четко вербализированных временных и пространственных координатах. Доминирующими в речевом репертуаре проигравшего в ходе его саморепрезентации во время игры становятся лексические единицы,

помещающие его дискурс в систему пространственной и временной координат, а значит, ему важно видеть себя в конкретной обстановке, в конкретное время и среди конкретных предметов.

Для побежденного характерны такие маркеры себя через “я” и “другие”, как апелляция к общечеловеческим принципам и ценностям: его действия оцениваются им с точки зрения “в соответствии ли с общественной моралью я веду себя здесь и сейчас?” – отсюда интенсивное употребление ценностно-пропагандистской лексики. Полагаем, что таким образом он хочет сформировать у аудитории мнение о том, что он является порядочным и принципиальным человеком.

Вербально тема “я” победителя воплощена в языковых средствах, актуализирующих модальность желания, сомнения, в средствах эмоциональной репрезентации, метафоричности, использовании устойчивых выражений, клише.

Такой языковой репертуар повышает градус эмоциональности в репрезентации своего “я” в тесной соотнесенности с актуализацией “других” соперников, с акцентом на вторых, подключая при этом репрезентацию темы “выигрыш”, также направленную главным образом на углубление и развитие темы “других” соперников.

Эмоциональность вербализации победителем своего “я” проявляется в использовании просторечий и противопоставлении образов, метафорически репрезентирующих противоположные стороны его натуры.

Оба финалиста ориентируют свое “я” во времени и пространстве игры, характеризуют свое ментальное состояние. Они характеризуют свои действия в игре, а также выражают свое отношение к сказанному при помощи вводных слов и фраз, оперируют количественными выражениями в ходе развития своей саморепрезентации. Однако “я”-репрезентация побежденного вербализирована подавляющим большинством языковых единиц, направленных на фактологичность, а у победителя – на эмоциональность.

Посмотрим теперь на тему “выигрыш” в ее маркированности в дискурсе финалистов, ибо она получила у обоих финалистов значительное вербальное развитие. Именно победитель становится инициатором данной темы. Вербализация им этой темы осуществляется по двум направлениям: 1) “я” – “будущие дети” и 2) “я” – “профессиональный рост”. Первый ряд актуализирует тему “семья” в смысле интенции ее пополнения.

Между “я” коммуниканта и будущим вторым ребенком, потом будущим третьим ребенком устанавливаются отношения желания их иметь. Данный ряд вербализирован с активным ис-

пользованием количественных характеристик: для установления приоритета в своих желаниях *первое, что я сделаю – заведу еще одного ребенка*. Готовность воплотить свое желание в жизнь актуализировано глаголом активного действия первого лица будущего времени совершенного вида *сделаю*. Также количественная характеристика в форме числительных выступает в роли атрибута в репрезентации потенциальных детей: *еще одного, третьего*.

Через вербальную репрезентацию темы «выигрыш» «я» адресанта репрезентируется в качестве хорошего семьянина, то есть, с одной стороны, задействовав в своем репертуаре лексико-семантическое поле семьи, он предстает перед нами носителем общечеловеческих семейных ценностей. С другой стороны, оперирование количественными характеристиками и глаголами активного действия выявляют его прагматическое, рациональное отношение к выигрышу. Далее эта тема продолжает свое развитие во втором лексико-семантическом ряде, где адресант вербализирует цель достичь профессионального роста для того, чтобы содержать потенциальную большую семью и много детей, устанавливая с предыдущим рядом причинно-следственные связи: *Ну, и, конечно, начать какое-то дело*. Готовность достичь профессионального успеха вербализирована вводным словом с семантикой твердой уверенности *конечно*.

Вербализация темы выигрыша репрезентирует готовность этого участника получить выигрыш, которая обусловлена четким видением цели, которая вербализирована деловой лексикой, что подтверждает ориентацию на фактологичность в знаковом воплощении этой темы.

У второго финалиста тема «выигрыш» не вызывает большого энтузиазма: он выступает пассивной стороной, отвечая на вопрос-стимул победителя. Вынужденный актуализировать тему «выигрыш», второй финалист не видит для себя реальной возможности победить. Тема выигрыша развивается исключительно относительно его «я» как позитивно (это прекрасная возможность для него получить хорошее образование и стать независимым), так и негативно (выигрыш представляет угрозу его безупречному имиджу «принципиального и правильного парня» в глазах друзей). Данная тема актуализируется вторым финалистом пассивно, как реакция на стимул своего собеседника – С. Одинцова – который выступает инициатором данного диалога, задавая вопрос, что наш герой сделает с призовыми деньгами, если выиграет. Данная тема вербализирована следующим образом:

Никакой специальной цели нет; постараюсь сделать это сам, если у меня будут деньги [имеется в виду получение образования] – то, которое хочу.

Глаголы с семантикой потенции и модальности желания *постараюсь; хочу*, сложноподчиненное предложение с придаточным условия *если у меня будут деньги* выступают знаковым воплощением того, что наш герой оценивает свои шансы на победу и проигрыш как равнозначные потенциально возможные события. Иными словами, находясь в шаге от победы, в знаковом воплощении дискурсивной данной игрока не просматривается уверенности в своей победе, готовности приложить максимальные усилия для того, чтобы выиграть главный приз. Отсутствие мотивации в победе он озвучивает прямо: *специальной цели нет*.

Следует отметить, что данный коммуникант актуализирует тему «выигрыш» не только в связи с материальным денежным вознаграждением, а в том смысле, что выигрыш в данной игре может и не иметь отношения к деньгам: когда он обосновывает свой выбор на совете племянника, исключая А. Модестову (которая несколькими днями ранее вышла замуж на проекте за уже выбывшего игрока С. Сакина), он желает, чтобы они поскорее встретились. При этом он приводит следующий аргумент: *потому что они уже выиграли то, что нельзя выиграть другим в этой передаче*. Здесь под выигрышем он подразумевает встречу двух людей, любовь, заключение брака. Данный выигрыш он вербализирует относительным придаточным предложением, идентифицируя его как недоступный для других игроков: *то, что нельзя выиграть другим*.

Предикативное наречие с отрицательным значением модальности недоступности/невозможности *нельзя (выиграть)* определяет этот выигрыш как уникальную возможность, не всем доступную, а значит, репрезентирует особую ценность, которую такой выигрыш, связанный с любовью и браком, представляет для Ивана.

Таким образом, в отличие от победителя, вербализация темы «выигрыш» побежденного выявляет его сентиментальное отношение к выигрышу в данной игре. Для него выигрыш – не только призовые деньги, но и то, что связано с эмоциональной стороной, а именно, удовлетворение счастливой встречей с другим человеком и признание, высокая оценка себя другими людьми.

Заключение

Итак, мы описали две модели ДКМ финалистов телеигры «Последний герой 1». Одна из них – модель проигравшего «героя» русскоязычного мира – эгоцентрична: внимание сконцентрировано на «я», которое репрезентируется фактологично (четко ориентировано во времени и пространстве), при этом декларируется своя принципиальность и безупречность, тем не менее, доказанная на деле, идеалистичность взгляда на мир, стремление к независимости.

В то же время наблюдается отсутствие амбиций и воли к победе, уважительное отношение к соперникам, но недостаточное внимание к ним, отделение себя от них.

Вторая модель “героя” – победителя – нашла поддержку у русскоязычного электората – это образ скромного человека, который не боится открыто сознаться в своих слабостях, который стремится к совершенствованию своей природы. Это человек, который выбирает себе в окружение сильнейших соперников, несмотря на исходящую от них опасность, который их уважает, набирается знаний и опыта от них. Это человек, который разделяет общечеловеческие ценности, такие как, например, семья, он не выпячивает достижения в своей деятельности, он видит себя частью сообщества, даже если это сообщество враждебно настроено по отношению к нему самому. Эта модель оказалась наиболее близкой для русскоязычной аудитории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Каузально-генетический подход в контексте лингвистики дискурса / И. Ф. Ухванова-Шмыгова. – Минск : Беларус. гос. ун-т, 2014. – 223 с.
2. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. : в 6 вып. / Беларус. гос. ун-т ; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : БГУ : Технопринт, 1998–2009. – Вып. 6 : Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика : дораб. и доп. версия вып. 4 / И. Ф. Ухванова-Шмыгова, Е. В. Савич, Н. В. Ефимова. – 2009. – 215 с.
3. Ухванова-Шмыгова, И. Ф. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе / И. Ф. Ухванова-Шмыгова // Филос. и социол. мысль. – 1993. – № 3. – С. 10–27.
4. Ryan, W. G. Techniques to identify themes / G. W. Ryan, H. R. Bernard // *Field Methods*. – 2003. – Vol. 15, iss. 1. – P. 85–109.
5. Последний герой. Остаться в живых (2001 – 2009) (эпизоды 1 – 13) [Электронный ресурс] // Doc-filmik.net : сайт документальных фильмов. – Режим доступа: http://doc-filmik.net/news/poslednij_geroj_ostatsja_v_zhivykh_2001_2009_epizody_1_13/2011-06-12-1122. – Дата доступа: 17.03.2015.

Поступила в редакцию 04.05.2015 г.
Контакты: turkinaoks@mail.ru
(Туркина Оксана Анатольевна)

Turkina O.A. VERBAL ANALYSIS OF THE RIVALRY DISCOURSE OF THE FINALISTS IN THE REALITY SHOW “SURVIVOR 1”.

The thematic analysis of the confrontation and rivalry discourse of the two most successful participants of the reality show “Survivor 1” has revealed what themes determine victory of the contestants in the Russian version of the reality show “Survivor 1”. The core of the winner’s thematic field includes the themes “others” and “the prize”. The second-place-taker concentrates on the actualization of the theme “I/me”. The verbal (or semiotic and thematic) analysis has proved and enlarged the dominating position of the themes “I/me”, “others” and “the prize” of the communicants. The article deals with the verbalization specificity in the finalists’ discourse of the reality show “Survivor 1”.

Key words: discourse, discourse category, confrontation and rivalry discourse, discourse world picture, rivals, victory, self-representation, actualize, thematic analysis, semiotic and thematic analysis.

УДК 821.161.2.09:821.161.3.09

**УКРАИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ МАКСИМА БОГДАНОВИЧА**

В. Ю. Боровко

доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

Исследование творчества украинских писателей Максимом Богдановичем было направлено на определение их этических и эстетических императивов, на позиционирование собственных представлений о творчестве и на выявление импульсов для дальнейшего развития белорусской литературы.

Ключевые слова: рецепция творчества, творческая установка писателя, этические и эстетические ценности, украинские писатели, белорусская литература.

Введение

Максим Богданович (1891–1917) – один из первых классиков белорусской литературы, чье творчество основывалось одновременно на признании большого значения художественных традиций и на смелых экспериментах, на понимании того, что полноценное развитие национальной литературы должно базироваться на опыте отечественного фольклора и наследия мирового искусства слова. М. Богданович проявлял большой интерес к украинской литературе XIX – начала XX в., достигшей определенных успехов в эстетическом освоении жизни и человека. Ради ознакомления русских читателей начала прошлого века с современной им украинской литературой он перевел на русский язык такие произведения, как новеллы “Каменщик” Ивана Франко (1856–1916), “Кленовые листочки” и “Смерть” Василя Стефаника (1871–1936). В знаменитый сборник “Венок” Богданович включил переводы на белорусский язык отдельных стихотворений Александра Олеся (1878–1944), Микола Чернявского (1868–1938), Агафангела Крымского (1871–1942). Ряд литературно-критических статей, направленных на осмысление актуальных вопросов литературного творчества, Максим Богданович посвятил украинским писателям. В отечественном литературоведении вопросы белорусско-украинских литературных связей рассматривались в работах В.П. Рагойши, Э.М. Мартыновой, Ж.С. Шалодоновой и некоторых других ученых, но, к сожалению, до сих пор нет системного изучения роли инационального контекста в становлении эстетических аксиологических установок белорусских писателей начала XX в. Цель данной статьи заключается в определении линий осмысления творчества

украинских писателей классиком белорусской литературы и в выявлении эстетических аксиологических приоритетов М. Богдановича.

Основная часть

Академик А.И. Белецкий утверждал, что особого внимания литературоведов заслуживают читатели, в том числе профессиональные читатели (прежде всего, писатели, литературные критики), определяющие истинное значение конкретного автора и его произведений, так как “всякие попытки установить эстетическую ценность литературного произведения безотносительно к вопросу о восприятии этого произведения пока терпят неудачу” [1, с. 115]. Максим Богданович принадлежал к числу вдумчивых и глубоко заинтересованных читателей украинской литературы. В отечественном словесном искусстве начала XX в. он зарекомендовал себя мастером художественного слова, ратовавшим не только за содержательность произведений, но и за совершенство их формы. По-своему парадоксально, что в центре его внимания оказались главным образом те украинские авторы, чье творчество носило ярко выраженный гражданственный характер. Так, в год юбилея Т.Г. Шевченко (1814–1861) были написаны и опубликованы две статьи – “Краса и сила”, “Памяти Т.Г. Шевченко”.

“Краса и сила” – оригинальный и перспективный в научном отношении опыт исследования стиха Шевченко. В основе этой работы лежала идея глубинной народности творчества украинского поэта, которую Богданович осмысливал на уровне поэтики. Он отмечал: “Произведения Шевченко оценивались со всевозможных точек зрения, изучались путем самых разнообразных методов, и лишь метод эстетический всегда находится в тени. Так, например, даже для анализа стиха украинского гения и выяснения средств поэтического воздействия, которыми этот стих обладает, не сделано почти ничего. Наш сжатый очерк является попыткой восполнить этот пробел” [2, с. 231]. Богданович акцентировал: “Главным формирующим началом всякого стиха, бесспорно, следует признать ритм; отвердев в своем наиболее правильном, законченном виде, он обращается в метр. Все остальные элементы стиха играют по отношению к тому и другому роль второстепенного, иной раз – чисто служебную, восполняющую, и во всяком случае могут быть поняты и оценены лишь в тесной связи с ними обоими” [2, с. 231]. У Шевченко он увидел свой подход к использованию ритмической организации произведений: “В полном соответствии с народной поэзией стихи «Кобзаря» чрезвычайно ритмичны, но не метричны” [2, с. 231]. Богданович отметил “симпатию” Шевченко к четырехстопному ямбу и семистопному хорю с цезурой после четвертой стопы, достаточ-

но распространенному в украинской поэзии. С точки зрения М. Богдановича, невыдержанность размера дает простор энергичному, стремительному, безудержному ритму: «Для стихов народного стиля метр, подчиненный ритму, является наиболее подходящим средством, и Тарас Шевченко, остановившись на нем, только лишний раз проявлял здесь свою гениальную поэтическую интуицию» [2, с. 233]. Тарас Шевченко, чередуя размеры, передавал различные эмоциональные состояния подобно тому, как это делали создатели народных песен. В поле зрения Богдановича оказалась и рифмическая организация стихотворений украинского классика. Рассмотрение ее привело к выводу, что для объективной оценки наследия любого поэта интерпретатору жизненно необходимо знание национального фольклорного и литературного контекста конкретного автора, чтобы не было курьезов, потому что «в широкой публике шевченковские ассонансы нередко считаются просто неудачными рифмами; между тем здесь в употреблении ассонансов точно так же, как и в вопросах метра, Шевченко, как мы видим, ярко проявлял и глубокую народность своей поэтической манеры, и исключительную художественную чуткость» [2, с. 237]. Максим Богданович подчеркивал «строго выдержанный и гармонический художественный стиль» Кобзаря: «Стиль же этот, наконец, был стилем национально-украинским, а поэзия Шевченко – вросшей в украинскую народную поэзию и дошедшей в некоторых своих образцах до полного отождествления с ней. Таков отливающий двумя оттенками муар: ясно видно, где один и где другой, но никогда нельзя провести между ними твердой разграничительной черты» [2, с. 240–241]. Определение специфики поэзии Шевченко в статье метафорическое: «Если допустимо такое сравнение, то я скажу, что стих Шевченко походит на освещенный изнутри китайский фонарь. У него нет блеска, сияние его мягко и ровно, но вместе с тем видишь, что внутри он полон света, и только полупрозрачная оболочка не дает этому свету хлынуть во все стороны ослепительным потоком» [2, с. 238].

Статья «Памяти Т.Г. Шевченко» – органическое продолжение предыдущей, потому что в ней продолжен разговор об основах и о значении творчества украинского писателя. Юбилей Шевченко для Богдановича – «праздник всего культурного славянства» [2, с. 242]. Белорусский автор напомнил вывод Костомарова о народности творчества Шевченко и дополнил его: «Шевченко в украинской литературе является не тем, кем был Кольцов в русской или Бернс – в английской. Нет, охват его поэзии много шире и ставит его на то место, которое в России, например, занимает Пушкин, а в Польше – Мицкевич» [2, с. 243]. Шевченко не только народный и национальный поэт, это явление международ-

ного уровня. На общечеловеческий характер творчества Тараса Шевченко указывают переводы его произведений на языки других народов мира: «Конечно, те глубоко национальные формы, в которые облечено это общечеловеческое содержание, гораздо более скажут сердцу украинца, чем человеку иной народности. Но и этому последнему Шевченко не будет чужд и непонятен, и в его душе стихи украинского поэта найдут себе отзвук, ибо под их своеобразным чеканом кроется полноценный металл духовной культуры, общей всем цивилизованным людям» [2, с. 243–244]. Тарас Шевченко для Богдановича – выдающийся поэт и человек: «В лице его мы чтим прежде всего «Божиею милостию – поэта», чей стих был полон изящной простоты, поэта, который в формах строго национальных выявил общечеловеческое содержание, заставляя читателя переживать целую гамму самых разнообразных чувств, начиная от страстного гнева и негодования и кончая чувствами любви и всепрощения. Но мы чтим Шевченко и как одного из первых представителей народной интеллигенции, и как выразителя доселе еще не вполне изжитых идеалов, с формулировкой, быть может, оспоримой, но с бесспорно ценным демократическим уклоном. Мы чтим его как человека большой идейной твердости, не сломленной целым рядом невзгод...» [2, с. 247–248]. По мнению М. Богдановича, значение поэта для его национального контекста может отличаться от значения для контекста мировой литературы: «На Украине, конечно, в иной плоскости будут рассматривать Шевченко и его творчество. На передний план выдвигнут, что это писатель, которому была суждена величественная роль сделаться символом культурной ценности целого народа, воплощением всего его духовного существа. Выйдя из недр крестьянства, он явился звеном, соединившим на Украине народ и интеллигенцию так же, как соединял в себе черты и народные, и интеллигентские» [2, с. 248]. Д.С. Лихачев справедливо заметил в одной из своих статей, что каждая эпоха раскрывает в творчестве писателя «те ценности, которые ему были потенциально и вместе с тем объективно свойственны» [3, с. 14]. М. Богданович с позиций человека начала XX в. в «Памяти Т.Г. Шевченко» подчеркнул, что ценностная шкала произведений Шевченко варьируется в зависимости от рецептивного поля, но сохраняет свой высокий идейно-художественный потенциал в глазах читателей различных поколений.

Идея народности творчества и загадка ее практического воплощения долгое время занимала Максима Богдановича. На украинском языке им была написана незаконченная статья «Забутий шлях» (1915). Богданович там констатировал, что накануне Первой мировой войны в украинском обществе наблюдалась сво-

еобразная “национализация” искусства, стороной обошедшая украинскую поэзию. Там были произведения на украинском языке, однако по форме и художественным приемам это не совсем украинские произведения. Причины такой ситуации, по утверждению М. Богдановича, кроются в том, что, с одной стороны, многие украинские авторы боялись обвинений в узком этнографизме, поэтому не искали национальные формы изображения, а с другой стороны, – в общественном мнении бытует убеждение, будто бы украинская поэзия и так проникнута народным стилем. Пафос статьи сводился к тому, что литература каждого народа может и должна предложить человечеству свои приемы воплощения национального видения мира, что национальное выявляется не только на уровне содержания произведений, но и на уровне художественных приемов, изобразительных средств.

Максим Богданович высоко ценил творчество Ивана Франко, обладавшего “необыкновенной работоспособностью и редким разнообразием умственных интересов” [2, с. 297]. Перед переводом “Каменщика” на русский язык Богданович поместил небольшое вступление о писателе в газете “Нижегородский листок” (1915), где указал: “По стилю своего творчества Иван Франко – реалист, по своему мировоззрению – народник. Его повести и рассказы изображают преимущественно жизнь крестьян и рабочих. Его стихотворения должны быть зачислены в архив «гражданской поэзии» – по крайней мере, лучшие из них. «Почерк письма» – если так можно выразиться – у Франко твердый, энергичный, простой, даже несколько грубоватый” [2, с. 166]. В связи со смертью Ивана Франко в “Журнале для всех” появилась статья, где М. Богданович заметил, что Франко – “один из крупнейших украинских поэтов со стихом энергичным, суровым и выразительным, и с идеологией цельной и бодрящей; беллетрист, осветивший в своих многочисленных рассказах, повестях и романах жизнь галицкого села, давший ряд картин детского мира, зарисовавший тюремный быт, воскресивший на своих страницах историческое прошлое Галичины; критик, меткий и пронизательный; умелый популяризатор; переводчик, ознакомивший галичан с Гейне, Гете, Шиллером, Гюго, Байроном, Сафоклом, Шелли, Достоевским, Гоголем, Некрасовым, Щедриным, Геккелем, Чернышевским и мн. другими; ученый...” [2, с. 297], “глубокую борозду провел он на ниве родной культуры и тем навеки отметил свою прекрасную жизнь” [2, с. 298].

В статье “В. Самийленко”, напечатанной в журнале “Украинская жизнь” (1916), М. Богданович признавался, что он далек от мысли измерять значение поэта количеством написанных произведений. Владимир Самийленко (1864–1925) заинтересовал его как автора, у которого

“во всем – в мастерстве стиха, выборе тем, образов, выражений, в путях и утверждениях неустанно пульсирующей мысли – чувствуется человек, опирающийся на прочную славную традицию, на ценности, испытанные в горниле веков” [2, с. 302]. Белорусский автор считал, что мироотношение Самийленко основано на юморе, а сам он представитель юмористического мирозерцания, при этом “Самийленко по существу не столько непосредственный участник жизни, сколько ее наблюдатель, хотя и далеко не безразличный к происходящему перед ним” [2, с. 305]. Его поэзия лишена внешней эффектности: “Проста и звукозапись его стихов. Он не гнался за эффектным подбором звуков, не искал аллитераций и внутренних ритми; то, что у него иногда наблюдается в этом направлении, не играет большой роли и, быть может, является результатом простой случайности” [2, с. 313]. Богданович называл Самийленко, как и себя, поэтом-мыслителем. Этот украинский автор был внутренне близок Максиму Богдановичу, так как его творчество “освещало пути национального дела, вдохновлялось движением национального чувства, проникнутое то пафосом, то юмором, то сарказмом” [2, с. 311]. Владимир Самийленко знакомил своих соотечественников с достоянием мировой литературы, делая талантливые переводы произведений Гомера, Данте, Мольера, Байрона, Беранже, и осознавал себя при этом учеником больших мастеров слова, потому что он активно обращался к классическим формам стиха – сонету, секстине, октаве. Самийленко в украинской, а Богданович в белорусской поэзии много сделали для популяризации формы сонета, требовавшей гармоничного сочетания эмоций и мысли писателя.

Отношение к литературным новациям, собственное понимание современного творчества Максим Богданович позиционировал в статье “Грицько Чупринка”, напечатанной в журнале “Украинская жизнь” в 1916 году. Грицько Чупринка (1879–1921) – писатель-авангардист, испытавший большое влияние русского и европейского символизма. Для Богдановича “Чупринка – поэт с очень редким, своеобразным типом таланта, линии которого при всей своей несложности крупны, резки и выразительны” [2, с. 316], “исключительно лирический поэт” [2, с. 317], в произведениях которого явственно выступает стихобразующая функция ритма. Ритм Чупринки, по мнению М. Богдановича, гипнотизирует не только читателя, но и самого писателя, “творческие приемы его исключительны по своей остроте, односторонни и довольно немногочисленны, а потому далеко не для всякой цели пригодны” [2, с. 325], а тропы лишены индивидуальности. Между тем троп, в трактовке автора статьи, – “это могучий рычаг поэтического воздействия” [2, с. 318] на чита-

теля. Настоящий писатель обязан постоянно вводить новые темы, содержание же “стихотворений Чупринки – узко, оно быстро было потом разработано, исчерпано, пути пройдены до конца; осталось одно: перепевы” [2, с. 329]. Критикуя творческие просчеты Грицько Чупринки, Максим Богданович считал, что для талантливого автора все поправимо, и предлагал рациональный выход из создавшегося положения: “Содержание можно углубить и расширить, можно создать для него новые приемы, новые средства художественного воздействия – лишь бы не замирал дух искания, не иссякли творческие силы” [2, с. 334]. Максим Богданович был далек от противопоставления новаторов традиционалистам, от огульного осуждения авангардистов, он позиционировал гармоничный союз в литературе смысла и изящной формы, который воплотил в своих произведениях.

Заключение

Обращение к творчеству украинских писателей у Максима Богдановича было направлено на определение их этических и эстетических императивов с целью выявления национальной специфики литературы и ее общечеловеческого содержания; на позиционирование своих собственных представлений об искусстве слова и роли художника, на поиск импульсов, необходимых для дальнейшего развития белорусской литературы. К перспективным креативным импульсам М. Богданович относил глубокую

заинтересованность авторов народной жизнью, разносторонность творческих интересов писателей и сфер художественного осмысления ими жизни, постоянное обновление поэтики, в том числе и через освоение эстетического опыта других литератур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Белецкий, А. И.** В мастерской художника слова / А. И. Белецкий. – М. : Высшая школа, 1989. – 160 с.
2. **Багдановіч, М.** Поўны збор твораў : у 3 т. / Максім Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 2. – 1993. – 600 с.
3. **Лихачев, Д. С.** О филологии / Д. С. Лихачев. – М. : Высшая школа, 1989. – 208 с.

Поступила в редакцию 04.05.2016 г.
Контакты: dvkessibar@mail.ru
(Боровко Ванда Юльяновна)

Borovko V.Y. UKRAINIAN WRITERS IN THE LITERARY AND CRITICAL DISCOURSE OF MAXIM BOGDANOVICH.

The research of the works of the Ukrainian writers by Maxim Bogdanovich was aimed at the identification of their ethical and aesthetic imperatives, on the positioning of his own ideas on creativity and the identification of further trends in the definition of the Belarusian literature.

Key words: reception of a work of art, writer's artistic principle, ethical and aesthetic values, Ukrainian writers, Belarusian literature.

УДК 811.581.11

**РАЗРАБОТКА ВОПРОСОВ ТЕРМИНОЛОГИИ
В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ
ЛИНГВИСТИКЕ**

Л. С. Калашник

доктор педагогических наук, доцент,
Харьковский Национальный педагогический
университет имени Г. С. Сковороды

Данная статья посвящена общим вопросам определения места терминологии в системе современного китайского языка. Рассматриваются как традиционные подходы к проблеме формирования терминологического словаря современного китайского языка за счет прямых заимствований, так и специфично китайские точки зрения, отстаивающие активное создание неологизмов на основе уже существующих терминов и детерминизацию как основные средства терминологического процесса в современном китайском языке.

Ключевые слова: термин, неологизм, заимствование, детерминизация, терминологическое образование, терминоведение.

Развитие науки и техники, появление новых отраслей знаний всегда сопровождаются многочисленным появлением новых терминов. Поэтому терминология – одна из самых подвижных, быстрорастущих и многосенных сфер языка. Также термины – это одна из основных трудностей работы переводчика, поскольку именно от точности выбора правильного термина в процессе перевода зависит не только качество перевода как конечный результат деятельности переводчика, но и качество работы заводов, использующих станки иностранного производства, жизнь людей, принимающих импортное лекарство, благосостояние стран, принимающих участие в валютных и иных банковских операциях и т. д.

Китай – одна из стран мира, которая играет значительную роль в современных региональных и глобальных процессах. В XX в. КНР удивила весь мир, когда за 20 неполных лет превратилась из бедной закомплексованной страны в одно из самых передовых государств, которое оперирует миллиардными активами и является полноправным членом многих международных организаций. В XXI в., в условиях быстрого экономического роста китайской экономики, китайская лингвистика столкнулась с проблемой не только обеспечения китайского производства необходимым количеством слов, но и проблемой стандартизации и упорядочения терминологического тезауруса современного китайского языка.

Целью данной статьи является: представить основные тенденции современного китайского терминоведения как научного направления.

Исходя из цели, задачами статьи являются:

- рассмотреть магистральные направления определения понятия “термин” в китайском языкознании современности и исторической ретроспективе;
- представить классификации технических терминов китайского языка, пользуясь общепринятыми в европейской науке языкознания категориями;
- репрезентовать перспективные с точки зрения китайских лингвистов подходы к пополнению терминологического тезауруса современного китайского языка.

Китайская лингвистика исторически уделяла крайне мало внимания не только процессам терминологического образования, но и вообще словообразованию. Пристальное внимание китайских ученых было привлечено к правилам написания тех или иных иероглифов – как в комплексе, так и каждой черты в отдельности (шрифт, манера написания черт, возможность безотрывного соединения графем иероглифа и т. д.) [1, с. 23]. Первыми терминами, которые попали в поле зрения китайских ученых-лингвистов, были названия черт и ключей, которые входят в состав того или иного иероглифа, а также термины, которые имели отношение к религиозно-философским учениям (категории и понятия цианства, буддизма и даосизма). Но ключевыми вопросами исследований долгое время (до 20-х гг. XX в.) оставались принципы написания того или иного иероглифа, а также восприятие иероглифа как графического отражения сакрального смысла той или иной философско-религиозной категории.

Развитие терминоведения в КНР начиналось с середины 50-х гг. XX в. Китайское терминоведение как часть лингвистики и общего языкознания развивалось на почве и под влиянием советской лингвистической школы. Оно заключалось в чисто механическом заимствовании терминологии, принципов исследования, базовых понятий и достижений советских ученых. Именно в то время появились работы Шен Янга, Сю Льетуна, Хуан Шуина, Тан Аошуаня, которые впервые в китайской исторической лексикологии давали определение термина, а также делали попытку проанализировать виды терминов по функциональным стилям речи и отраслями деятельности человека [2, с. 127–129]. На основе анализа их работ можно вывести унифицированную трактовку “термина” как лингво-культурного феномена – искусственно созданные или приспособленные для этих целей слова для обозначения специфических реалий науки, техники, медицины и т. д. [3].

Связь процесса словообразования с общественными изменениями – самая прямая. В период с 1949 (год образования КНР) по 1976 гг. (окончание Культурной Революции) в китайском

языке появилось много новых слов, которые отражали реалии тогдашней городской и сельской жизни, вооруженного противостояния между КПК и Гоминьданом. После образования Китайской Народной Республики на передний план вышли вопросы экономического и политического строительства, что не могло не найти своего отражения в языке. Вследствие непродолжительности советско-китайской дружбы, исследования терминов в указанный период не получили большого развития. Культурная революция оказала негативное влияние и на развитие китайского терминоведения, поскольку большинство ученых (особенно тех, кто в 1940–1960-х гг. награждались премиями за весомый вклад в советско-китайскую дружбу, таких, у кого имелись совместные публикации с советскими учеными, которые в своих трудах ссылались на достижения советской науки) были уничтожены как такие, которые “посвятили свои жизни иностранным наукам” [2, с. 136].

Сегодня китайское научное терминоведение находится в стадии становления. Наиболее известными в этой области являются труды профессора китайской медицины Бай Ци, посвященные вопросам унификации китайских медицинских терминов, и профессора Пекинского лингвистического университета Ван Яна, объектом исследования которого является семантика философских и религиозных терминов современного китайского языка. Отдельно стоят исследования профессора Второго Пекинского университета иностранных языков Ли Жун, которая в своих трудах исследует общетеоретические аспекты функционирования современного китайского языка [4, с. 23].

Наличие глубинного признака терминов позволяют отделить их от других единиц языка и типологизировать все их разнообразие. Этим глубинным признаком является обозначение терминами общих понятий. Поскольку существует несколько типов общих понятий, могут быть выделены и различные типы терминов. С нашей точки зрения целесообразно проиллюстрировать вопросы классификации терминов современного китайского языка, пользуясь общеупотребимыми в европейской науке категориями.

Известно, что типология является основой классификации. В этом смысле описанная здесь типология терминов – разграничение терминов по важнейшим признакам – представляет собой собственно терминоведческую классификацию терминов. Основой же всех последующих классификаций служат разнообразные отдельные признаки терминов – содержательные, формальные, функциональные, внутри- и внеязыковые. Все эти классификации могут быть связаны с теми науками и отраслями знаний, в которых они используются.

Первой классификацией терминов, которая используется преимущественно в философии,

является деление терминов на *термины наблюдения* и *теоретические термины*. За терминами наблюдения стоят классы реальных объектов, а за теоретическими терминами – абстрактные понятия, которые обычно зависят от определенной теории, концепции. Такое деление является достаточным для решения терминологических проблем философии (философии науки), но для решения философских проблем терминоведения приходится делать более подробную классификацию, учитывая степень абстрактности понятий [5, с. 79].

Термины наблюдения: 技术人员 – техперсонал 工艺师 – технолог 预防检修 – профилактика	Теоретические термины 操作 – технология 非定额 – ненормированность 外伤病 – травматизм

Второй классификацией терминов – по содержанию (по объекту названия) – являются распределения их по отраслям знаний или деятельности, или иначе говоря, по специальным сферам. Перечень этих сфер, в частности по техническим терминам, может быть обобщен и представлен следующим образом: техническая наука (技巧水平高个 – технический образец, 科学技术进步 – научно-технический процесс), собственно техника (车 – машина, 飞机 – самолет), производство (设备 – оборудования, 水冷却 – процесс водного охлаждения). Основываясь на этой схеме, можно сформулировать перечень рубрик, входящих в классификацию терминов по областям знаний. Классификация терминов по объекту названия для отдельных отраслей знания является наиболее подробной классификацией и количество уровней в ней не ограничено, а зависит от конкретных задач исследования.

Третья содержательная классификация терминов – по логической категории того понятия, которое обозначается термином. Выделяются термины предметов (卡车 – грузовик, 集合 – ферросплавы), процессов (冷却 – охлаждение, 凝结 – загущение), признаков (暖的 – подогретый, 高技术的 – высокотехнологичный), свойств (弯曲的 – гибкий, 软的 – мягкий), величин и их единиц (分钟的转数 – обороты в минуту, 焦耳 – джоуль) и т. д.

Лингвистические классификации терминов основаны на признаках терминов как слов или словосочетаний определенного языка. Классификация по содержательной (семантической) структуре позволяет выделить однозначные и многозначные термины, то есть такие, которые

имеют два или более значений в рамках одной терминосистемы.

Однозначные 成本 – себестоимость, 产量 – объем производства, 出产 – производить, 工业 – промышленность, 设备 – оборудование.	Многозначные 汽油 – 1) Бензин, 2) Смазка, 重 – 1) Высокий, 2) Важный, 3) Центральный.

С точки зрения семантики выделяются свободные словосочетания (赔本 – нести убытки, 省电 – экономить электрическую энергию) и устойчивые (в том числе фразеологические) словосочетания (金本位 – золотой стандарт, 还盘 – встречное предложение). Классификация терминов по формальной структуре может прежде всего выделить термины-слова (车 – транспорт, 放 – перемещать) и термины-словосочетания (水龙 – шланг, 蜡烛 – свечи (для машины)). В зависимости от языка-источника различают термины первичные, заимствованные и гибридные. С точки зрения принадлежности терминов частям речи различают термины-существительные, предлоги, глаголы, наречия. Расчеты показывают, что терминов-названий объектов в процентном соотношении гораздо больше, чем терминов-названий признаков [5, с. 139–142].

Классификация авторства отражает социологический подход к терминам как объекту исследования. Известны в этом плане коллективные и индивидуальные термины. По сфере использования выделяются универсальные (для многих родственных областей), уникальные (для одной области) и концептуально авторские термины (например, лингвистические термины могут обозначать явления, которые характерны для всех языков (фонетика), для одного или нескольких языков (иероглиф) или только для одного конкретного языка (модификат результативности) [6].

Для каждой эпохи создаются историко-лексикологические классификации терминов, в которых фигурируют термины-архаизмы и термины-неологизмы. Эта классификация очень тесно связана с вышеприведенной классификацией терминов по объекту названия. Неологизмов больше в терминосистемах, которые формируются. Архаизмы характерны для тех терминосистем, которые своими корнями уходят в прошлое и в связи с ростом научного знания пересматриваются ради выявления устаревших слов и понятий. Однако, поскольку термины остаются в языке как его лексические единицы (хотя и часто детерминируются), они могут возрождаться в составе новых терминосистем или в новом значении при развитии общей терминосистемы языка [5, с. 17].

В связи с тем, что термины выполняют прикладную функцию как инструменты познания и как средства фиксации научного или технического знания, они подвергаются унификации и закрепляются в той или иной форме в качестве рекомендуемых или стандартизированных. На этой основе строится классификация терминов по нормативности-ненормативности, которая включает в себя термины, которые находятся в процессе стандартизации, такие, для которых данный процесс уже завершен, рассматривает термины, отклоненные в процессе стандартизации (недопустимые); которые находятся в процессе упорядочения (рекомендуемые), подвергшиеся упорядочению, параллельно допустимые, отклоненные в процессе упорядочения и т. д. К этому следует добавить, что в сфере науки и техники существуют термины, нормативность которых является обязательной. Как правило, эти термины являются интернациональными; по крайней мере, их семантика подвергается нормализации решениями международных организаций.

В результате анализа частотности использования терминов в текстах, выделяются высокочастотные и низкочастотные термины. Данные о частотности терминов могут быть почерпнутыми из различных частотных терминологических словарей [4, с. 23].

Приведенный перечень классификаций терминов позволяет сделать вывод о том, что такое многогранное явление, как термин, может рассматриваться с различных точек зрения – по логическим, лингвистическим, науковедческим и другим принципам. Эти классификации в своей совокупности характеризуют роль и место терминов в научной, экономической, политической, управленческой и других сферах функционирования современного общества.

К числу отличительных словообразовательных признаков терминов относится регулярность (однотипность) их создания в пределах определенной терминологической системы. Появление терминов в языке происходит постоянно и разнообразными путями. Рядом с процессом образования новых названий наблюдается терминологизация уже существующих в языке слов, то есть их переосмысление, в результате которого возникают вторичные, в данном случае – специально-терминологические номинации.

Заимствование является традиционным путем пополнения терминологического словаря. Вследствие особенностей китайского языка (эффект трехмерности иероглифа – наличие внутреннего содержания иероглифа и компиляция содержания иероглифа из содержания его компонентов), в основном заимствования происходят благодаря ресурсам собственной речи. Происходят активные процессы терминизации уже имеющихся в тезаурусе слов и выражений [7, с. 20]. Как правило, это имеет стихийный и ло-

кальный характер (большинство китайских в частности технических терминов имеет хождение только на определенной территории). Однако нельзя говорить и об отсутствии иностранных терминологических заимствований. Это происходит в тех случаях, когда невозможно быстро подобрать китайский эквивалент из-за отсутствия реалии в китайской культуре.

Заимствования терминологии в китайский язык происходит следующими путями:

Фонетическое заимствования с записью названия иероглифами: происходит в тех случаях, когда удается подобрать иероглифы китайского языка по принципу звуковой похожести для определения иностранной реалии. Главным принципом подбора иероглифов является то, что полученное иероглифосочетание должно выражать определенный признак реалии. 水龙 – Shuilong (Шуэйлунг) – шланг (досл. “Водяной дракон” – по принципу внешней схожести), 卡通 – Kātu (Кату) – мультимедийный (от англ. Cartoon – мультфильм; досл. – “Карточки”)

Фонетическое заимствование с записью реалии латиницей: обычно происходит на начальных стадиях существования иностранной реалии в китайском языке. Впоследствии эти реалии обрабатываются языком и замещаются китайским словом, который обычно не имеет фонетической тождественности с названием реалии в базовом языке. Средство используется также для небольшого количества международных терминов (названия элементов в периодической системе Менделеева, определение мер и весов). 这个工厂每个月可以生产 1000 tн 成品 – Данное предприятие может производить 1000 тонн готовой продукции в месяц. 成品应该用 200kw \ rh 暖气 – Оборудование использует 200 кв/ч энергии (тепла).

Лексико-словотворческий, то есть образование терминов с использованием существующих в языке слов, или заимствование словообразовательных элементов, морфем по уже существующим в языке моделям [5]. В китайском языке вряд ли можно говорить о полноценной аффиксации или префиксации заимствований, но некоторые элементы можно рассмотреть следующим образом. Вследствие необходимости китайского языка согласовывать содержание иероглифа, которым это слово записано, с общим содержанием реалии, китайцы добавляют к новым терминам языка определенные общеупотребительные слова, означающие категорию, принадлежность реалии к определенному классу предметов и т. п., которые отсутствуют в базовом языке. Наиболее употребляемыми являются вспомогательные слова (их категория в китайском языке не является определенной; иностранные исследователи называют их “морфемы”, “аффиксы”, “послесловия”; китайская наука вследствие наличия альтернативного взгляда на строение

слова и речи вообще не признает за этими словами принадлежности к любой грамматической категории и считает их компонентами свободных словосочетаний) [7, с. 6–8]:

机 – аппарат (используется с приборами, устройствами)

飞机 самолет = летательное устройство,

手机 мобильный телефон = аппарат, который держится в руке,

动机 пробивной бур = устройство, которое движет что-то,

岗 – металл (любые названия руд, первичного металла),

软岗 – легированная сталь,

肥岗 – обогащенная руда.

Создание термина в процессе научного (или технического) переосмысления общеупотребительных (с нейтральной коннотацией) слов. Этот процесс идет двумя путями:

путем полного переосмысления уже существующего слова и дальнейшего отрыва вновь созданной единицы от слова-источника. Является наиболее распространенным средством внутриязыкового заимствования вследствие наличия иероглифа как закрытой системы. Особенностью китайских иероглифов является их максимальная нейтральность по функциональным стилям речи, что обеспечивает свободный переход языковой единицы из разговорного стиля к научному или техническому. В китайском языке не происходит полного отрыва термина от базового слова. Новый термин сохраняет содержательную связь с базовым словом. Принадлежность слова к определенному функциональному стилю речи происходит благодаря анализу общей ситуации, в которой данное слово употребляется:

油 – масло, смазка (для аппаратов), дизельное топливо, продукты на основе нефти	空气 – воздух, система кондиционирования, кондиционер, воздухозаборник

путем переноса названия с учетом ассоциаций, которые возникают. Так появляется терминологическое значение слова, которое также без изменений продолжает функционировать в других стилях речи. Этот метод позволяет в некоторых случаях создавать терминологические наименования с элементами экспрессии в семантике.

白雪 – снег – осадки – конденсат – процесс кристаллизации,

伞 – зонтик – защитное сооружение (Чернобыльский саркофаг) [2; 8].

В качестве вывода следует отметить, что сегодня в Китае наблюдается процесс отставания процессов терминообразования от научно-

го и технического прогресса. В частности, технические новинки появляются в стране гораздо быстрее, чем язык успевает подбирать слова для их обозначения. Поэтому на сегодня техническую терминологию в китайском языке можно считать лишь относительно нормированной – одна и та же техническая реальность может иметь различные названия на разных производственных предприятиях. В китайском языке представлены все виды процессов, характерные для иных, неиероглифических языков, и связанные с пополнением терминологического тезауруса, однако, учитывая специфику данной языковой системы, в основном китайский язык пополняется технической терминологией за счет собственных возможностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Задюенко, Т. П.** Основы китайского языка: Основной курс / Т. Задюенко, Х. Шуин. – М. : Наука, 1993. – 719 с.
2. Китайская Народная Республика: политическое, научное и экономическое развитие в 1973 г. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1975. – 439 с.
3. **Бай, Ци.** Принципы унификации медицинских терминов в китайском и английском языках / Ци. Бай [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://workinggroup.org.ua/baiji.shtml>=medicalterms
4. **Лу, Ж.** Традиция и история изучения и преподавания китайского языка / Ж. Лу // Мир китайского языка. – Харбин, 2000. – № 1. – С. 17–39 (кит. яз.)
5. **Гу, Х.** Лингвистические особенности устного двустороннего перевода: русский – китайский / Х. Гу. – М. : Р.Валент, 2002. – 178 с.
6. **Ли, Ж.** Дискурс как единица исследования: научные школы, понимание термина / Ж. Ли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://workinggroup.org.ua/publdzo1.shtml>
7. **Калашник, Л. С.** Методические рекомендации к курсу "Теория и практика перевода (китайский язык)" / Л. С. Калашник. – Харьков : Коллегиум, 2007. – 39 с. (укр. яз.)
8. **Подлипенский, В.** Китайско-украинский политехнический словарь / В. Подлипенский, В. Петренко ; под ред. В. Бусела. – К. : Знание, 2000. – 609 с. – (укр. яз.)

Поступила в редакцию 26.06.2015 г.
Контакты: Kalashnik79@yandex.ru
(Калашник Любовь Сергеевна)

Kalashnik L.S. DEVELOPMENT OF TERMINOLOGY IN MODERN CHINESE LINGUISTICS.

The article deals with the general issues of determining the place of terminology in the modern Chinese language. The author considers both traditional approaches to the formation of the terminological vocabulary of the modern Chinese language at the expense of direct borrowings and specifically Chinese points of view actively advocating the creation of neologisms on the base of existing terms and determination as major means of term-developing processes in the modern Chinese language.

Key words: term, neologism, borrowing, determination, term-development, science of terminology.

РЕЦЕНЗИЯ

(Ганбаров Б. Очерки истории азербайджанской диаспоры в Республике Беларусь (1989–2014 гг.) : монография / Б. Ганбаров. – Минск : Право и экономика, 2015. – 392 с.

При написании монографии автором была поставлена масштабная задача освещения разносторонней деятельности на территории Республики Беларусь азербайджанской диаспоры. Масштабность поставленной задачи была обусловлена как хронологическими, так и территориальными рамками. Хронологически монография охватывает значительный временной период, составляющий четверть века (1989–2014 гг.). В территориальном плане автор сумел охватить все регионы современной Республики Беларусь. Следует отметить, что Б.А. Ганбарову удалось решить, поставленную задачу и написать солидную монографию, объем которой составил двадцать пять печатных листов. Хочется отметить также то, что монография имеет хорошо продуманное содержание, которое включает предисловие, введение, пять глав основного содержания, заключение, список источников и литературы, использованных при написании монографии, и приложение, состоящее из списка азербайджанцев-участников партизанского движения на территории Беларуси в период Великой Отечественной войны и сведений об авторе работы. Основное содержание монографии, состоящее из пяти глав, посвящено социально-экономической, культурной и общественно-политической деятельности азербайджанцев, проживающих на территории Беларуси, а также достижениям азербайджанской диаспоры в областях образования, науки и спорта. Б.А. Ганбаров проделал очень большую работу по сбору фактического материала, имеющего отношение к истории деятельности на территории Беларуси азербайджанской диаспоры. Автор объездил фактически всю Беларусь в поисках материалов для своей монографии, что нашло наглядное отображение в фотографических данных. В завершение следует сказать о том, что монография Б.А. Ганбарова является первой крупной работой по истории азербайджанской диаспоры в Беларуси, так как до него подобного рода исследований никем не проводилось, что еще раз подчеркивает важность и полезность указанной работы.

Кандидат исторических наук, доцент,
декан факультета довузовской подготовки
МГУ имени А. А. Кулешова
А. А. Воробьев